

БАЙРОНЪ

СОЧИНЕНІЯ
ЛОРДА БАЙРОНА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАНЫХЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ник. Вас. Гербеля

IV

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ печатнѣ В. Головина, у Владимірской церкви, домъ № 15

1866

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

«Донъ-Жуанъ», этотъ эпосъ новѣйшаго времени, который Гёте называетъ — безгранично-гениальнымъ созданиемъ, съ ненавистью къ людямъ, доходящею до самой суровой свирѣпости, и съ любовью къ людямъ, доходящей до глубины самой нѣжной привязанности, есть самое большое и самое зрѣлое произведение Байрона, не смотря на то, что оно доведено только до шестнадцатой пѣсни и потому осталось отрывкомъ. По плану поэта, Донъ-Жуанъ долженъ былъ еще объѣхать Италію и Германію и погибнуть во французской революціи, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его, отъ 16-го февраля 1821 года, сопровождавшаго присылку пятой пѣсни «Донъ-Жуана». «Пятая пѣсня не только не конецъ, но едва начало «Донъ-Жуана». Я намѣревался заставить его объѣхать Европу, участвовать въ осадахъ, битвахъ и разныхъ приключеніяхъ, и погибнуть (какъ Анахарсисъ Кутсъ) во французской революціи. Не знаю, на сколько пѣсенъ это растянется и даже (если и буду живъ) окончу ли я когда-нибудь мою поэму, но это былъ мой планъ. Я хотѣлъ

сдѣлать его cavalier servente въ Италиі, причиною развода въ Англии и сантиментальнымъ господиномъ, въ вертеровскомъ родѣ, въ Германіи, чтобы показать тѣмъ различныя смѣшныя стороны каждой изъ этихъ странъ и представить, какъ онъ постепенно, съ лѣтами, дѣлался все болѣе и болѣе испорченнымъ и разочарованнымъ, какъ это и естественно. Но я еще не рѣшилъ, какъ онъ долженъ покончить — адомъ, или несчастнымъ бракомъ: не знаю, что хуже».

Первая пѣсня «Донъ-Жуана» была начата Байрономъ въ Венеціи 6-го сентября 1818 года и окончено 1-го ноября того же года. «Я окончилъ первую пѣсню поэмы въ родѣ «Бенпо» — пишетъ онъ — поощряемый успѣхомъ послѣдняго. Она называется «Донъ-Жуанъ» и должна слегка подсмѣиваться надо всѣмъ. Но я сомнѣваюсь — не слишкомъ ли вольно она написана — по-крайней-мѣрѣ до-сихъ-поръ — для нашего скромнаго времени. Однако, я попытаюсь издать ее безъ подписи, и если попытка не удастся, то не стану продолжать». Вторая пѣсня, какъ и первая, была начата въ Венеціи, 13-го декабря 1818 года, и тамъ же окончено, 20-го января слѣдующаго года. Обѣ первыя пѣсни появились въ Лондонѣ лѣтомъ того же года, но безъ имени автора и издателя. Пѣсни третья, четвертая и пятая были изданы вмѣстѣ, въ августѣ 1821 года. Пятая пѣсня была начата въ Равенѣ, 16-го октября 1820 года, и окончена тамъ же, 20-го ноября того же года. На этой пѣснѣ Байронъ,

по настоянію графини Гвиччіоли, думалъ было остановиться. Вотъ что онъ пишетъ по этому случаю, въ письмѣ своемъ отъ 6-го іюля 1821 года: «По убѣдительной просьбы графини Гвиччіоли, я обѣщалъ не продолжать «Донъ-Жуана». Вы должны смотрѣть на эти три пѣсни (3, 4 и 5), какъ на послѣднія. Она читала двѣ первыя во французскомъ переводѣ и не переставала умолять мѣня не продолжать поэмы. Причина подобной просьбы не совсѣмъ понятна для поверхностнаго наблюдателя здѣшнихъ нравовъ, но она происходитъ отъ желанія всѣхъ женщинъ возвышать чувство страсти и поддерживать иллюзіи, которыя Донъ-Жуанъ разоблачаетъ и надъ которыми насмѣхается какъ и надъ всѣмъ другимъ». Пѣсни шестая, седьмая и восьмая написаны были въ Пизѣ въ 1822 году и изданы Джономъ Гѣнтомъ въ іюлѣ слѣдующаго года. Вотъ что говоритъ самъ поэтъ о причинѣ, побудившей его снова приняться за «Донъ-Жуана»: «8 іюля 1822. — Можетъ-быть у меня будутъ готовы осенью или не много позднѣе три или четыре пѣсни «Донъ-Жуана», такъ-какъ я получилъ позволеніе отъ моей диктаторши продолжать его, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы слѣдующія пѣсни были не такъ рѣзки, и болѣе приличны и чувствительны, чѣмъ въ началѣ. На сколько эти условія выполнены, можно будетъ видѣть въ послѣдствіи; тѣмъ не менѣе запрещеніе было снято только на этомъ условіи». Пѣсни девятая, десятая и одиннадцатая также были написаны въ Пизѣ и изданы въ

Лондонѣ Джономъ Гёнтомъ, въ августѣ 1823 года. Пѣсни двѣнадцатая, тринадцатая и четырнадцатая появились въ Лондонѣ въ январѣ 1824 года, а послѣднія двѣ — пятнадцатая и шестнадцатая—въ мартѣ 1824 года, то-есть за мѣсяць до смерти поэта.

Въ біографіи Байрона, составленной Шерромъ и помѣщенной въ первомъ томѣ предлагаемаго изданія, разбору «Донъ-Жуана» посвящено нѣсколько страницъ, исполненныхъ самыхъ восторженныхъ похвалъ (т. I, стр. XVII — XXI). Поэтому я считаю излишнимъ говорить здѣсь что либо о достоинствахъ «Донъ-Жуана», который смѣло можно назвать вѣнцомъ созданій Байрона и вмѣстѣ геніальнѣйшимъ произведеніемъ нашего вѣка.

Предлагаемый здѣсь переводъ «Донъ-Жуана» сдѣланъ Д. Д. Минаевымъ. Онъ былъ первоначально помѣщенъ въ «Современникѣ», но съ пропусками. Здѣсь переводъ напечатанъ въ *исправленномъ и дополненномъ* видѣ, на сколько это было возможно, такъ-какъ пѣсни девятая и десятая не могутъ быть переведены на русскій языкъ вполнѣ, по причинамъ извѣстнымъ всякому, кто знакомъ съ подлинникомъ.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

26-го апрѣля 1866 года.

С. Петербургъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Переводъ Дмитрія Минаева.

Difficile est proprie communia dicere.

Horatius.

Dost thou think, because thou art virtuos, thou etc.

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

I.

Герой мнѣ нуженъ. Странно, можетъ быть,
Его искать, когда на бѣломъ свѣтѣ
Мы постоянно можемъ находить
Героя дня, воспѣтаго въ газетѣ,
Который нынче — лаврами покрытъ,
А завтра челоуѣчествомъ забытъ.
Въ герою брать такихъ людей не стану,
А прямо перейду я къ Донъ-Жуану.

II.

Вольфъ и Вернонъ и Кэмберлендъ-мясникъ,
Принцъ Фердинандъ, Гренбей...¹ въ иные годы
Любой изъ нихъ былъ временно великъ,
Хоть ихъ потомъ не помнили народы.
Они, съ вѣнкомъ лавровымъ на челѣ,
Какъ Банко тѣнь, скользнули по землѣ...
Былъ Бонапартъ² и Дюмурье у галловъ:
О нихъ трубило множество журналовъ.

III.

Клотцъ, Кондорсѣ, Марать, Дантонъ, Бриссо —
 Рядъ ихъ именъ былъ памяти достоинъ ;
 За тѣмъ — Гошъ, Ланнъ, Жуберъ или Марсѣ,
 И не одинъ еще извѣстный воинъ
 Въ инья времена былъ знаменитъ
 И, наконецъ, французами забытъ;
 Но не займусь героями и тѣми:
 Они совсѣмъ найдутъ къ моей поэмѣ.

IV.

Для Англіи Нельсонъ былъ богъ войны.
 Но время шло, повсюду козни строя,
 И позабыть мы были всѣ должны
 И Трафальгаръ, и иавшаго героя.
 Мы арміей теперѣ лишь велики,
 Чего боятся очень моряки.
 Къ тому же принцъ на сушѣ войскомъ занятъ:
 Нельсона лавръ, того гляди, увянетъ.

V.

Герои войнъ бывали въ старину
 И до временъ... ну, хотъ Агамемнона,
 Но мы, пѣвцы, не славили войну,
 Какъ и теперъ; такъ и во время оно,
 А потому забылъ героевъ свѣтъ.
 Ихъ не вина, я думаю, что нѣтъ
 Приличнаго героя для романа.
 Итакъ — романъ начну я съ Донъ-Жуана.

VI.

У всѣхъ пѣвцовъ съ эпическимъ перомъ
 Замѣтилъ я капризъ такого рода:
 Герои ихъ намъ говорятъ *потомъ*,
 Что было *прежде* — въ видѣ эпизода —
 Съ подругой сидя гдѣ-нибудь тайкомъ
 Въ уединеньи, яснымъ вечеркомъ,
 Въ дворцѣ, въ саду, въ пещерѣ отдаленной,
 Гдѣ есть пріютъ для ихъ четы влюбленной.

VII.

Метода эта, можетъ быть, легка,
 Но я рассказъ люблю начать съ начала,
 Чтобъ избѣжать огромнаго грѣха —
 Всѣхъ вводныхъ сценъ, въ которыхъ пользы мало,
 И съ первыхъ строкъ начну теперь для васъ,
 (Хотя бы ихъ обдумывалъ я часъ)
 Рассказывать, кто былъ отецъ герою,
 И даже мать... я ничего не скрою.

VIII.

Вотъ мы въ Севильѣ. Городъ тотъ плѣнялъ:
 Онъ фруктами и дѣвами прекрасенъ.
 «Тотъ жалокъ, кто въ Севильѣ не бывалъ» —
 Есть поговорка: съ нею я согласенъ.
 Въ Испаніи нѣтъ лучше уголка.
 Кадиксъ... но, нѣтъ, о немъ молчу пока...
 Вотъ здѣсь-то, среди такого міра,
 Росъ Донъ-Жуанъ вблизи Гвадалквивира.

IX.

Его отецъ — Донъ-Жозе, вель свой родъ
 Отъ отрасли фамиліи дворянской,
 И въ немъ никто ни капли не найдеть
 Еврейской крови или мавританской.
 Классическій испанскій дворянинъ,
 Онъ на конѣ сидѣлъ какъ властелинъ.
 Вотъ онъ-то въ свѣтъ и произвелъ Жуана,
 А Донъ-Жуанъ... объ этомъ, впрочемъ, рано.

X.

Жуана мать была посвящена
 Во всѣ тогда извѣстныя науки,
 Строга къ себѣ, солидна и умна...
 Отъ зависти ломали жоны руки,
 Когда она ихъ стала затмѣвать
 И превосходствомъ явнымъ поражать.
 Всѣ женщины съ отчаяньемъ шептали,
 Что отъ нея во всемъ они отстали.

XI.

А памятью такой кто могъ дивить?
 Вслухъ наизустъ читая Кальдерона,
 Она могла суфлера замѣнить,
 Артиста избавляя отъ урона.
 Предъ ней Фейнэгль³ учоный спасовалъ:
 Онъ памяти такой не создавалъ,
 Которой такъ рѣшительно и смѣло
 Мать Донъ-Жуана нашего владѣла.⁴

XII.

Любила математику она,
 Была религіознѣй богомолки,
 И рѣчь ея — возвышенно-темна,
 И остроты аттическія — колки.
 И такъ, она во всемъ дивила насъ.
 Поутру облекалась въ канифасъ,
 А къ ночи въ шолкъ, въ муслиновыя платья:
 Весь гардеробъ не стану исчислять я.

XIII.

По гречески читая... по складамъ,
 Латинскія молитвы понимала,
 И, по примѣру многихъ знатныхъ дамъ,
 Французскіе романы пробѣгала.
 Языкъ родной ей, кажется, постылъ
 И смыслъ рѣчей довольно темень былъ.
 Ея слова всегда темнѣй загадки:
 Тайнственность и мракъ ей были сладки.

XIV.

Она любила англійскій языкъ
 И въ немъ съ еврейскимъ сходство находила,
 Ссылаясь на мѣста священныхъ книгъ.
 Хоть сходство то мнѣ непонятно было,
 Но мнѣ, твердя про связь двухъ языковъ,
 Она — ссылаюсь я на знатоковъ —
 Открыла слово: имъ (какъ не дивиться!)
 Клянется — жидъ, британецъ же — бранится.⁵

XV.

Языкъ для женщинъ — средство къ болтовнѣ,
 Она же, имъ владѣя очень строго,
 Профессоромъ прослыть могла вполне,
 Какъ Ромильи, ⁶ прославившійся много;
 Самоубійствомъ страннымъ кончилъ вѣкъ,
 Законникъ и учоный человекъ,
 Въ гробу успокоеніе нашедшій,
 И судъ рѣшилъ, что былъ онъ сумасшедшій.

XVI.

Ну, словомъ, начиная разговоръ,
 Она казалась книгой иль новеллой
 Миссъ Эджвортъ или повѣстью миссъ Моръ, ⁷
 И удивить съумѣла бы міръ цѣлый
 Своею добродѣтелью она.
 Въ ней зависть не могла найти пятна;
 Хотя къ слабостямъ нерѣдко склонны дамы —
 Но въ ней — ихъ нѣтъ: пугались тѣмъ всегда мы.

XVII.

Въ толпѣ святошъ умѣвшая блистать,
 Она стояла выше всѣхъ сравненій,
 И ангель могъ ее не охранять:
 Она чужда бѣсовскихъ искушеній...
 Такъ правильны ея движенья, тонъ,
 Какъ ходъ часовъ твоихъ, о, Гаррисонъ!...
 А нравственность Инесы... здѣсь, казалось,
 Лишь масло Макассара съ ней равнялось.

XVIII.

Но совершенство скучно, говорятъ.
 Съ тѣхъ поръ всѣ люди стали развращаться,
 Когда Адамъ, покинувъ райскій садъ,
 Постигнулъ тайну съ Евой цаловаться...
 (Жедалъ бы знать — но гдѣ отвѣтъ найду? —
 Чѣмъ занятъ былъ Адамъ въ своемъ саду?)
 Вотъ почему супругъ, какъ всѣ повѣсы,
 Шалилъ порой безъ вѣдома Инесы.

XIX.

Онъ былъ безпеченъ, чтенья не любилъ,
 Наукой не смущалъ свои досуги
 И беззаботно время проводилъ,
 Не думая о мнѣнїи супруги.
 Свѣтъ, злобно наблюдающій всегда,
 Какъ гибнуть царства, семьи, города,
 Рѣшилъ, что Жозе двухъ любовницъ мало —
 Но и одной довольно для скандала.

XX.

Умѣя высоко себя цѣнить,
 Обиды ни предъ кѣмъ не обнаружа,
 Жена могла съ терпѣнїемъ сносить
 Пренебреженье вѣтреннаго мужа,
 Но въ ней характеръ очень былъ хитѣръ:
 Она, ведя учоный длинный споръ,
 Спускалась иногда къ житейской прозѣ,
 Заставъ врасплохъ безпечнаго Донъ-Жозе.

XXI.

Ей небольшого стоило труда
Его ловить: неправъ, неостороженъ,
Онъ ею уличаемъ былъ всегда.
Для самыхъ скрытныхъ часъ такой возможенъ,
Когда убьешь ихъ вѣромъ жены,
А женщины бываютъ и сильны
И вѣрь ихъ — опаснѣе кинжала.
Какъ? почему? — о томъ я знаю мало.

XXII.

Всегда мнѣ жаль учоныхъ нашихъ жонъ,
Съ невѣждами вступившихъ въ бракъ законный:
Иной изъ нихъ хотъ знатенъ и умёнъ,
Но устаетъ въ бесѣдѣ ихъ мудрёной.
Я вовсе разсуждать о тотъ не радъ,
За тѣмъ, что самъ; по счастью, не женать;
Но вы, мужья, признайтесь: ваши жоны
Не носятъ ли мужскіе панталоны?

XXIII.

Донъ-Жозе часто ссорился съ женой,
Причину ссоръ толпа понять хотѣла
И узнавать старалась стороной —
Но мнѣ и вамъ до нихъ нѣтъ вовсе дѣла.
Такое любопытство есть порокъ,
Но я владѣть однимъ искусствомъ могъ:
Такъ-какъ семьи своей я не имѣю,
То примирять друзей своихъ умѣю.

XXIV.

И въ ихъ дѣла вмѣшаться я хотѣлъ,
 Попался въ вихрь семейнаго содома,
 Но ими бѣсъ какой-то овладѣлъ:
 Я съ этихъ поръ не могъ застать ихъ дома,
 Хотя швейцаръ признался мнѣ потомъ...
 Молчу пока; но дѣло было въ томъ,
 Что Донъ-Жуанъ, какъ школьникъ безобразный,
 Въ меня пустилъ ведро съ водою грязной.

XXV.

То былъ курчавый, маленькій буянъ,
 Живой и дерзкій, точно обезьяна;
 Отца и мать не слушалъ грубіанъ:
 Они избаловали мальчугана.
 Чѣмъ ссориться такъ часто межъ собой —
 Они бы занялись его судьбой,
 Для обузданья въ школу помѣстили,
 Иль дома, наконецъ, хотъ проучили.

XXVI.

Но Жозе и жена его въ тѣ дни
 Несчастія большія испытали;
 Не о разводѣ думали они —
 Другъ другу смерти искренно желали;
 Но ихъ вражды никто не замѣчалъ,
 Никто въ разладъ семейный не вникалъ,
 Пока огонь не вырвался наружу
 И повредилъ равно женѣ и мужу.⁸

XXVII.

Инеса вдругъ, собравши докторовъ,
 Имъ о безумствѣ мужа объявила,⁹
 Но такъ-какъ онъ въ то время былъ здоровъ,
 Она его лишь въ злости обвинила;
 Когда жь формальный сдѣланъ былъ запросъ,
 То у жены отвѣта не нашлось;
 Она себя оправдывать старалась —
 Все это очень страннымъ показалось.

XXVIII.

Внося ошибки мужа въ свой дневникъ,
 Инеса письма гдѣ-то отыскала
 И нѣсколько для дѣла нужныхъ книгъ.
 Притомъ вся знать Инесу поддержала
 И бабушка семидесяти лѣтъ.
 Свидѣтели собирались на совѣтъ,
 Какъ адвокаты, судьи и юристы,
 Не столько строги, сколько голосисты.

XXIX.

Такъ нѣжная жена со всѣхъ сторонъ
 Чрезъ мужа неприятности встрѣчала,
 Съ терпѣніемъ спартанскихъ славныхъ жонъ:
 Когда спартанка мужа вдругъ теряла —
 Несла зарокъ всегда о немъ молчать;
 Инеса сплетни разныя встрѣчать
 И слушать ихъ привыкла равнодушно.
 И свѣтъ кричалъ: какъ ты великодушна!..

XXX.

Терпѣніе есть мудрость для людей,
 Которыхъ свѣтъ за что-то осуждаетъ.
 Пріятно знать и похвалу судей,
 Когда нашъ планъ до цѣли достигаетъ;
 Хоть «malus animus», юристы говорятъ, —
 Здѣсь выраженіе это не подѣ ладъ:
 Всѣ добрымъ дѣломъ мщенія не считаютъ,
 Но мой ли стыдъ, когда васъ обижаютъ?

XXXI.

Пусть ссоры поднимаютъ прошлый грѣхъ,
 Приправленный новѣйшей клеветою.
 Кто жь виновать? Не обвинять же всѣхъ.
 Все сдѣлалось легендою простою,
 А при сравненіи — прошедшее вреда
 Не сдѣлаетъ всѣмъ людямъ никогда...
 Злословіе наукъ помогаетъ:
 Она изъ сплетень пользу извлекаетъ.

XXXII.

Сперва друзья сошлись ихъ помирить,
 Потомъ родня, но дѣло вышло хуже.
 (Друзья съ родными рѣдко могутъ быть
 Полезными и при женѣ и мужѣ).
 Юристы толковали про разводъ,
 Но послѣ всѣхъ издержекъ и хлопотъ,
 Скандалъ особымъ случаемъ прервался:
 Донъ-Жозе неожиданно скончался.

XXXIII.

Къ несчастію, онъ умеръ невпопадъ.
 Юристы тонко очень замѣчали
 (Хоть ихъ языкъ ужасно темновать),
 Что если бъ смертию имъ не помѣшали,
 То кончились съ успѣхомъ ихъ дѣла...
 Большой потерей смерть его была
 Для публики чувствительной и нѣжной,
 На всѣхъ поминкахъ пышныхъ неизбѣжной.

XXXIV.

Онъ умеръ и въ могилѣ съ нимъ лежитъ
 Обманутыхъ юристовъ гонорарій.
 Любовницу одну къ себѣ взялъ жидъ,
 Другую же — есть слухи — взялъ викарій.
 Домъ продали и отпустили слугъ.
 Мнѣ докторъ объяснилъ его недугъ:
 Отъ лихорадки умеръ онъ такъ скоро,
 Простясь съ женой до окончанья спора.

XXXV.

Но Жозе былъ почтенный господинъ;
 Хоть онъ имѣлъ большіе недостатки —
 Бранить его не нахожу причинъ.
 Допустимъ, что страстей его припадки
 Въ немъ подавляли самый умъ не разъ,
 Что жизнь не могъ вести онъ безъ проказъ —
 Кто жъ виноватъ и чѣмъ же насъ дивитъ онъ?
 Донъ-Жозе, просто, дурно былъ воспитанъ.

XXXVI.

Но былъ ли онъ виновенъ или нѣтъ —
 Бѣднякъ страдалъ при этомъ очень много.
 Вѣдь тяжело (я думаю, весь свѣтъ
 Теперь его судить не будетъ строго)
 Ему бывало въ собственномъ дому
 И день и ночь терзаться одному.
 Для гордости два выхода открылось:
 Гробъ и процессъ — и смерть къ нему явилась.

XXXVII.

Онъ умеръ безъ духовной и Жуанъ
 Единственнымъ наслѣдникомъ остался
 Большихъ имѣній. Мать имѣла планъ,
 Чтобъ съ нихъ доходъ для сына сберегался.
 Такъ опекуницей сдѣлалась она
 И роли той во всемъ была вѣрна.
 Почти всегда — мнѣ думать есть причина —
 Мать — лучшая наставница для сына.

XXXVIII.

Умнѣйшая изъ женщинъ и изъ вдовъ
 Рѣшилась такъ воспитывать Жуана,
 Чтобъ каждый былъ признать его готовъ
 За совершенство... поздно или рано.
 Хотѣлось ей въ немъ рыцаря создать,
 Чтобъ мечъ войны онъ съ честью могъ держать...
 Онъ фехтоваль, наѣздничалъ немножко
 И къ женщинѣ сумѣлъ бы влѣзть въ окошко.

XXXIX.

Но болѣе всего желала мать,
 Въ чемъ ей и помогали педагоги,
 Такъ нравственно Жуана воспитать,
 Чтобъ зла онъ и не видѣлъ по дорогѣ.
 За всѣмъ слѣдилъ ея прилежный взоръ,
 Науки и искусства подъ надзоръ
 Она брала и — сына такъ хранила —
 Естественнымъ наукамъ не учила.

XL.

Онъ посвященъ былъ въ тайны языковъ
 И только въ тѣ абстрактныя науки,
 Которыя живутъ средь облаковъ.
 Искусство тоже допускалось въ руки
 Во всей его безгрѣшной чистотѣ,
 Но книги всѣ и всѣ страницы тѣ,
 Гдѣ сладострастье видимо для глаза,
 Скрывались отъ ребенка, какъ зараза.

XLI.

А классиковъ какъ могъ онъ изучать?
 Съ богами тамъ безчинствуютъ богини.
 Безъ панталонъ ихъ любятъ рисовать,
 А юбокъ и корсетовъ нѣтъ въ поминѣ.
 Терпѣлъ не разъ домашній педагогъ
 За чтеніе «Одиссеи», и не могъ
 Безъ пропусковъ прочесть всю «Иліаду»:
 Вдова тѣхъ книгъ боялась пуще яду.

XLII.

Овидій былъ распутникъ по стихамъ,
 Безнравственна мораль Анакреона,
 Катулль научить лишь однимъ грѣхамъ,
 И образцомъ порядочнаго тона
 Я оды Сафо, право, не сочту,
 Хоть въ ней находятъ даже красоту.
 Одинъ Virgilій чистъ, но — будемъ строги —
 Нельзя читать одной его эклоги. ¹⁰

XLIII.

Лукрецій же навѣрно бѣ запугалъ
 Умъ мальчика, что было бы печально;
 А наконецъ неправъ и Ювеналъ —
 Хоть цѣль его, быть можетъ, и похвальна —
 И искренность прямыхъ его сатиръ
 Граничить съ грубостью. За тѣмъ весь міръ,
 Народъ благовоспитанный хоть мало,
 Прочтеть ли эпиграммы Марціала?

XLIV.

Читалъ въ иномъ изданьи ихъ Жуанъ.
 Учителя, вѣрны своей программѣ,
 Все вредное — простительный обманъ —
 Выбрасывать умѣли въ эпиграммѣ.
 Но, чтобъ поэта меньше исказать,
 Всѣ пропуски рѣшились помѣщать
 Въ особомъ приложеніи тетрадки ¹¹
 И подобрали ихъ въ такомъ порядкѣ:

XLV.

Вслѣдъ за строкой является строка
 Изъ разныхъ мѣстъ надерганья тонко;
 Ихъ рядъ идетъ, какъ стройныя войска,
 Предъ взорами наивнаго ребѣнка.
 Другой издатель меньше будетъ строгъ:
 Введетъ на ихъ мѣста рядъ этихъ строкъ,
 Чтобы они другъ другу не мигали,
 Какъ статуи въ саду на пьедесталѣ.

XLVI.

Фамильнаго служебника листы
 Въ себѣ рисунки разные хранили;
 Они по тѣмамъ не были чисты
 И, признаюсь, ханжи меня дивили:
 Скромный видъ рисунковъ — я слыхалъ —
 Ихъ благочестья вовсе не смущалъ.
 Но отъ Жуана книжку эту скрыли
 И книжкою другою замѣнили.

XLVII.

«Словъ» и «рѣчей» прочелъ онъ цѣлый томъ,
 Зналъ жизнь людей, спасавшихся въ пустынь
 И изнуравшихъ плоть свою постомъ...
 Ахъ! чтобъ вполнѣ постигнуть вѣру нынѣ
 И чтобъ ее до смерти не терять,
 Должны мы Августина прочитать:
 Когда его «Признанія» читаю —
 Завидовать ему я начинаю.

XLVIII.

Ученику была запрещена
 И эта книга. Мать за всѣмъ слѣдила.
 Я долженъ согласиться, что она
 Отличную методу проводила.
 Она въ свой домъ служанку ту брала,
 Которая уродлива была,
 И, избавляя сына отъ приманокъ,
 Гнала всегда хорошенькихъ служанокъ.

XLIX.

Жуанъ въ шесть лѣтъ собою всѣхъ плѣнялъ,
 Росъ граціозный, чистый, какъ всѣ дѣти;
 Въ одиннадцатъ красавцемъ юнымъ сталъ,
 Какихъ немного встрѣтишь въ этомъ свѣтѣ.
 Жуанъ въ ученьи дѣлалъ чудеса
 И, кажется, шолъ прямо въ небеса:
 Не выходилъ изъ церкви до обѣда,
 А вечеркомъ — съ духовникомъ бесѣда.

L.

Итакъ, въ шесть лѣтъ онъ былъ хорошъ и милъ,
 Въ двѣнадцать сталъ онъ мальчикомъ красивымъ,
 И если въ дѣтствѣ много онъ шалилъ,
 То справились съ характеромъ строптивымъ.
 Въ немъ прежняго Жуана не узнать,
 И только любовалась втайнѣ мать —
 И взглядъ ея вдругъ становился нѣженъ —
 Что Донъ-Жуанъ уменъ такъ и прилеженъ.

LI.

Я сомнѣваюсь въ этомъ, можетъ быть, —
 Что жь, публикѣ до этого нѣтъ дѣла:
 Отца его успѣлъ я изучить,
 Но по отцу судить бы слишкомъ смѣло
 О свойствахъ сына. Мать его, отецъ
 Напрасно становилась подъ вѣнецъ...
 Но, нѣтъ... мнѣ отвратительно злословье:
 И въ шутку не люблю подобныхъ словъ я.

LII.

Поэтому молчать я буду, но
 Одно скажу: когда бѣ имѣлъ я сына
 (По счастью, мнѣ сына не дано),
 Чтобъ воспитать его, какъ гражданина —
 Его ума и свѣжихъ, дѣтскихъ силъ
 Инесѣ бы никакъ не поручилъ.
 Нѣтъ! пусть онъ лучше бѣ въ школѣ приютился,
 Гдѣ самъ когда-то росъ я и учился.

LIII.

Не изъ тщеславья учимся мы тамъ;
 Я приобрѣлъ... но обойду молчаньемъ,
 Что я лѣвнтяемъ былъ не по лѣтамъ
 И могъ пренебрегать языкознаньемъ.
 Я говорю, что тамъ... но *verbum sat*...
 Я почерпнулъ тамъ знаній цѣлый рядъ —
 Какихъ? другой вопросъ. Прибавлю безъ обмана:
 Я противъ воспитанья Донъ-Жуана.

LIV.

Въ шестнадцать лѣтъ Жуанъ ужь былъ высокъ;
 Сложонъ прекрасно, строень, онъ казался
 Вполнѣ мужчиной — съ головы до ногъ
 Онъ взрослымъ человѣкомъ представлялся.
 Такое мнѣнье злило очень мать
 И губы приводилось ей кусать,
 Когда она подчасъ его слыхала:
 Вдову развитье раннее пугало.

LV.

Была одна въ числѣ ея друзей, —
 То — Юлія. Красавицы названье
 Къ ней мало шло въ толпѣ другихъ людей.
 Прелестное и дивное созданье!
 Жить не могла она безъ красоты,
 Какъ не живутъ безъ запаха цвѣты,
 Какъ Купидонъ безъ лука не гуляетъ...
 (Послѣднее сравненіе хромаетъ).

LVI.

Огонь и блескъ ея восточныхъ глазъ
 О мавританской крови говорили:
 (А эту кровь, скажу на этотъ разъ,
 Въ Испаніи грѣховной находили).
 Когда Гренаду бросилъ Боабдилъ,¹²
 Рядъ предковъ доньи Юліи спѣшилъ
 Плыть въ Африку. Въ Испаніи осталась
 Прабабка Юліи, гдѣ обвѣнчалась —

LVII.

Съ однимъ гидальго. Онъ-то завѣщалъ
 Потомству кровь не съ прежней чистотою,
 И если бъ только гордый предокъ зналъ —
 Проклятѣ вслѣдъ послалъ бы за четою:
 Тогда къ помѣхѣ не было причинъ
 Братъ въ жоны тѣтокъ или же кузинъ,
 Чтб признается вреднымъ для народа,
 Котораго теряется порода.

LVIII.

Но раса вновь была подновлена,
 При порчѣ крови, тѣло улѣчилося,
 Изъ корня безобразнаго, сильна,
 Вѣтвь молодая снова распустилась,
 Красивѣй, выше дѣти стали, но...
 Молва о томъ ходила ужь давно,
 Что отъ прабабушки остались дѣти
 Все больше... незаконныя на свѣтѣ.

LIX.

Но все-таки порода шла впередъ
 И постепенно лучше становилась
 До той поры, какъ доведенъ былъ родъ
 До сына; отъ него-то дочь явилась:
 Въ ней Юлію должны вы угадать.
 (О ней хочу я много толковать!)
 Она была изъ избраннаго круга,
 Прекрасная и вѣрная супруга.

LX.

Ея глаза — я безъ ума отъ нихъ —
 Въ себѣ таили море знойной страсти.
 Заговорить — въ ея глазахъ живыхъ
 Не то любовь, не то величье власти,
 Какое-то желаніе любви,
 Которое молчитъ еще въ крови,
 Но каждую бѣ минуту запылало,
 Когда бѣ душа его не подавляла.

LXI.

Вилися кудри вокругъ ея чела,
 Гдѣ умъ и мысль высокая сверкали,
 Дугою бровь надъ чернымъ глазомъ шла
 И щоки блескомъ юности пылали;
 И вспыхивалъ на нихъ огонь не разъ,
 Какъ-будто бѣ кровь на мигъ одинъ зажглась.
 Высокая, держалась стройно, просто...
 (Бѣгу я женщинъ маленькаго роста).

LXII.

Мужъ Юліи — пятидесяти лѣтъ.
 Такихъ мужей встрѣчается не мало...
 Зачѣмъ женѣ не разрѣшаетъ свѣтъ,
 Чтобъ *одного* такого промѣняла
 На *двухъ* мужей лѣтъ двадцати-пяти?...
 На югѣ къ этому легко придти.
 О женщины! скрываться для чего же:
 Милѣй вамъ мужъ, который помоложе!

LXIII.

Я не молчу объ этомъ: вся вина
 Здѣсь въ неприличьи солнечнаго свѣта.
 Вѣдь наша плоть слаба и не сильна,
 Его лучами яркими согрѣта,
 И духъ и плоть отъ бездны не спасутъ
 Ни строгіе посты, ни тяжкій трудъ.
 Вотъ почему на югѣ мы не строги
 Къ людскимъ грѣхамъ, къ которымъ склонны боги.

LXIV.

Ты нравственный, нашъ сѣверный народъ!
 Тамъ добродѣтель зимы охраняютъ,
 Тамъ страсти остужаетъ зимній лёдъ
 И всѣ грѣхи подъ снѣгомъ замерзаютъ.
 Тамъ судъ присяжныхъ женщинъ оцѣнилъ,
 На страсть мужчинъ онъ пеню наложилъ
 И женщинамъ тамъ отдается плата
 По правиламъ торговаго разврата.

LXV.

Мужъ Юліи — Альфонсъ, для старика
 Былъ не дурень, — жена его терпѣла —
 И мирно жизнь текла у нихъ пока,
 Такъ что молва злословить не посмѣла.
 Они умѣли долгъ свой выполнять
 И слабости другъ другу извинять.
 Мужъ былъ ревнивъ, хоть и скрывалъ онъ это:
 Вѣдь ревность никогда не любитъ свѣта.

LXVI.

Его жена — я этому дивлюсь —
 Была подругой лучшею Инесы,
 Хотя ни въ чемъ ихъ не сходилъ вкусъ
 И Юлія чуждалась дѣла прессы.
 Былъ слухъ одинъ (ахъ! злые языки
 На выдумки бываютъ такъ ловки!),
 Что Донъ-Альфонсъ — до брака, безъ сомнѣнья —
 Инесу ввелъ когда-то въ прегрѣшенъе...

LXVII.

Что эта связь теперь у нихъ скромна
 И дружба страстность прежнюю смѣнила,
 Что, наконецъ, въ послѣдствіи она
 Жену Альфонса очень полюбила.
 Жена гордилась дружбой той; къ тому жъ
 Пріязню ихъ доволенъ былъ самъ мужъ.
 Инеса этимъ сплетни подавляла
 Иль менѣе причинъ для нихъ давала.

LXVIII.

Но Юлія про связь ихъ, можетъ быть,
 Понятъя никакого не имѣла;
 А если и случилось ей открыть,
 То это въ тайнѣ скрыть она умѣла
 Иль не хотѣла просто замѣчать...
 Я не могу двухъ словъ о томъ сказать
 Лишь потому, что разсужденъя эти
 Держала донья Юлія въ секретѣ.

LXIX.

Вниманіе и ласку и привѣтъ
 Она Жуану юному дарила:
 Тогда ей было только двадцать лѣтъ,
 Ему жь тринадцать только наступило.
 Но вотъ ему — насталь тотъ періодъ —
 Шестнадцатый, ей — двадцать-третій годъ.
 Въ такіе годы трудно быть спокойнымъ,
 Особенно подъ солнцемъ очень знойнымъ.

LXX.

Она и онъ — перемѣнились вдругъ,
 Дичились и другъ друга избѣгали;
 Въ глазахъ у нихъ при встрѣчѣ былъ испугъ,
 Неловкость ихъ поклоны выражали.
 Жена Альфонса опытна была
 И перемѣну эту поняла,
 Но смутны были мысли въ Донъ-Жуанъ,
 Какъ думы степняка объ океанъ.

LXXI.

Но Юлія еще была нѣжна;
 Ея рука такъ нѣжно отнималась
 Изъ рукъ его, что, кажется, она
 Едва-едва къ Жуану прикасалась.
 Съ пожатіемъ ласкающимъ рука,
 Казалось, какъ сомнѣніе, легка,
 Но въ Донъ-Жуанъ то прикосновенье
 Будило и восторгъ и наслажденье.

LXXII.

Улыбки нѣтъ въ чертахъ ея лица,
 Но у нея печали нѣжны тоже;
 Въ ней тайнымъ мыслямъ нѣтъ теперь конца,
 Ей тайны думъ всего теперь дороже;
 Чѣмъ глубже ихъ въ себѣ она хранитъ.
 Отъ хитрости невинность не бѣжитъ
 И людямъ думъ своихъ не повѣряетъ.
 Любовь насъ къ лицемѣрью приучаетъ.

LXXIII.

Но страсть всегда предастъ себя сама,
 Таинственность ей часто измѣняетъ:
 Такъ часто неба сумрачнаго тьма
 Ужаснѣйшую бурю предвѣщаетъ.
 Страсть хоть скрывай — не спрячется она
 (Страсть лицемѣрью тоже предана);
 Гнѣвъ, холодность всѣ масками считаютъ,
 Но эти маски рѣдко насъ спасаютъ.

LXXIV.

Межь ними вздохи чаще начались,
 Нѣжнѣй бросались взгляды ихъ украдкой,
 Они краснѣли чаще и тряслись
 Какой-то непонятной лихорадкой.
 Ну, словомъ, та прелюдія любви,
 Будившая желанія въ крови,
 Шла, какъ всегда съ такими новичками,
 Стыдливыми и робкими шагами.

LXXV.

Но Юлія, волнуясь, поняла,
 Что сердце ей измѣнить очень скоро,
 И строгое рѣшенье приняла
 Спасти себя и мужа отъ позора.
 И та рѣшимость въ ней была сильна:
 Смutila бы Тарквинія она.
 Красавица въ часъ полночи безсонной
 Съ молитвою склонялась предъ Мадонной.

LXXVI.

Бѣжать Жуана давъ себѣ обѣтъ,
 Она къ Инесѣ утромъ же порхнула
 И все ждала: придетъ онъ или нѣтъ?
 Но въ ожиданьи утро промелькнуло
 И Юлія съ досадой стала ждать.
 Открылась дверь... Уже-ль не онъ опять?...
 О Юлія! мнѣ думать приходилось:
 Едва-ль въ ту ночь Мадоннѣ ты молилась.

LXXVII.

Красавица рѣшила, что должна
 Лицомъ къ лицу стоять предъ искушеньемъ,
 Что бѣгство бесполезно и она
 Испугана случайнымъ увлеченьемъ,
 И, что хотя ей нравится Жуанъ...
 Какъ многіе другіе, но обманъ
 Теперь не страшенъ больше, какъ когда-то:
 Она Жуана любитъ такъ, какъ... брата.

LXXVIII.

Но если бь даже наконецъ — какъ знать! —
 Бьсь такъ хитёръ — она и сознавала,
 Что ей опасность можетъ угрожать,
 То ужь навёрно вь-время сдержала
 И прогнала непрошенную страсть —
 (На то у строгой женщины есть власть)
 Отказомъ хладнокровнымъ и упрямымъ:
 Я предлагаю способъ тотъ всёмъ дамамъ.

LXXIX.

Притомъ же развѣ нѣтъ любви святой,
 Невинной, голубиной, безупречной,
 Передъ которой никнетъ съ чистотой
 И даже ангелъ самый безпорочный,
 Любви пной, «такой же, какъ моя», —
 Такъ Юлія рѣшила, не тая,
 И я бы ей повѣрилъ, можетъ статья,
 Когда бы мной пришлось ей увлекаться.

LXXX.

Любовь такая вовсе не грѣшна.
 Цалуютъ руку женщины сначала,
 Потомъ... къ губамъ манить любовь должна;
 Но, впрочемъ, я объ этомъ знаю мало,
 Хоть слышалъ я, среди различныхъ дѣлъ,
 Что и въ любви есть тоже свой предѣлъ,
 Переступить который — преступленье.
 Пусть это служить многимъ въ поученье.

LXXXI.

Итакъ, любовь въ предѣлахъ чистоты
 Питать къ Жуану Юлія рѣшилась.
 Есть польза отъ любви и красоты;
 Для Донъ-Жуана тоже бы явилась
 Она полезной. «Я теперь должна» —
 Такъ Юлія мечтаньямъ предана —
 «Его учить...» Чему же? но на это
 Намъ не дала бы Юлія отвѣта.

LXXXII.

Повѣривъ въ свой вполне прекрасный планъ,
 Защищена душевной чистотою,
 Не опасаясь вновь попасть въ обманъ,
 Она съ весьма похвальной прямою
 Отбросила ненужный ей контроль
 И въ новую тотчасъ вступила роль.
 Была-ль на подвигъ Юлія способна —
 Впослѣдствіи узнаемъ мы подробно.

LXXXIII.

Планъ Юліи невиненъ былъ и смѣлъ.
 Для толковъ свѣта не было предлога;
 Но еслибъ и злословить онъ хотѣлъ,
 То Юлія, себя поставивъ строго,
 Своею добродѣтелью горда,
 Покойной оставалась бы всегда.
 Такъ жгли себя когда-то христіане,
 Повѣривъ въ подвигъ собственный заранѣ.

LXXXIV.

И еслибъ умеръ мужъ (пусть ей во снѣ
 Того не снится: женщины всѣ слабы.
 Тутъ Юлія вздохнула въ тишинѣ),
 Она его едва-ль пережила бы.
 Но еслибъ умереть ему пришлось —
 Я говорю — быть можетъ — *inter nos...*
 (*Entre nous* сказать я долженъ былъ, къ стыду же,
 То было бы для риѣмы вдвое хуже).

LXXXV.

Я говорю, положимъ, онъ умретъ.
 Тогда Жуанъ, знакомый съ высшимъ кругомъ,
 Лѣтъ черезъ семь съ вдовою въ храмъ войдетъ
 И станетъ настоящимъ ей супругомъ.
 А живъ Альфонсъ — бѣда не велика —
 Съумѣетъ онъ и потерпѣть пока
 И правиламъ любовнымъ обучаться,
 Чтобы потомъ полнѣе наслаждаться.

LXXXVI.

Но перейдемъ къ Жуану мы опять.
 О, бѣдный! Онъ, блѣднѣя и худѣя,
 Любви своей не могъ еще понять
 И, пламенный и пылкій, какъ Медея,¹³
 Надъ новымъ чувствомъ голову ломалъ.
 И — милый мальчикъ! — онъ не понималъ,
 Что ощущенье это не опасно .
 И можетъ быть современемъ прекрасно.

LXXXVII.

Мечтательный, задумчивый, любилъ
 Онъ въ темный лѣсъ изъ дома удаляться,
 Свою тоску съ собою уносилъ
 И съ ней хотѣлъ всегда уединяться.
 Я самъ имѣю склонность къ тишинѣ,
 Но... тишина всегда являлась мнѣ
 Подъ формами султанскаго чертога,
 Съ гаремомъ, гдѣ прекрасныхъ женщинъ много.

LXXXVIII.

«Любовь, любовь! лишь только въ тишинѣ
 «Восторгъ и безопасность мы цѣнили;
 «Блаженства тронъ тамъ открывался мнѣ
 «И тамъ въ тебѣ мы бога находили»—
 Поэтъ ¹⁴ сказалъ четыре тѣ стиха.
 Вторая строчка, кажется, плоха:
 «Восторгъ и безопасность!» Ихъ сближенье
 Лишь только затемняетъ впечатлѣнье.

LXXXIX.

Я думаю, сослался здѣсь поэтъ
 На здравый смыслъ: вѣдь поздно или рано
 Онъ людямъ предлагаетъ свой совѣтъ...
 Не любимъ мы, когда хоть для обмана
 Мѣшаютъ намъ обѣдать и... любить.
 Я о любви не стану говорить,
 Не зайнусь и о «восторгахъ» тоже,
 Но «безопасность» попрошу быть строже.

ХС.

Жуанъ бродилъ по склону ручейковъ,
 Неясныхъ чувствъ своихъ не сознавая,
 И въ зелени укромныхъ уголковъ
 Подъ деревомъ ложился, размышляя...
 Поэты здѣсь стихи свои поютъ...
 Читаемъ мы риѳмованный ихъ трудъ,
 Когда стихи поэта даровиты...
 (Пѣвецъ Вордсвортъ!¹⁵ стиховъ намъ не пиши ты!)

ХСІ.

Такъ жизнь героя нашего текла
 Въ борьбѣ и бесполезной, и бесплодной,
 И наконецъ для пораженья зла
 Вооружился умъ его свободный.
 Онъ сдѣлалъ все, что только сдѣлать могъ,
 Но, не понявъ еще своихъ тревогъ,
 Онъ новымъ Колериджемъ¹⁶ появился
 И въ метафизика преобразился.

ХСІІ.

Онъ размышлялъ о мірѣ, о судьбѣ
 Людей, о томъ, что звѣзды блещутъ гдѣ-то,
 И задавалъ вопросы онъ себѣ:
 Откуда жъ въ мірѣ явилось все это?
 Уже-ль мы жить не можемъ безъ войны?
 И сколько миль въ окружности луны?
 Съ луны опять на землю онъ спускался
 И — съ Юліей въ мечтахъ не разставался.

ХСІІІ.

Въ мечтахъ Жуана можемъ мы найти
 Высокіе порывы и стремленья:
 Ихъ люди постигаютъ на пути,
 Чтобъ мучиться потомъ отъ размышленья;
 Такія думы въ юношѣ новы.
 Философомъ его сочтете вы.
 Почти такимъ онъ былъ; ему не мало
 Въ томъ раннее развитіе помогало.

ХСІV.

Онъ думалъ о природѣ, о цвѣтахъ,
 О нимфахъ, что въ лѣсахъ бродить любили,
 О гротахъ и таинственныхъ мѣстахъ,
 Куда богини съ облака сходили.
 И онъ съ тропинки въ чащу попадалъ,
 Когда жъ часы случайно раскрывалъ,
 Былъ удивленъ, что такъ часы мелькали:
 Его давно къ обѣду ожидали.

ХСV.

Но иногда и въ книгу онъ глядѣлъ,
 Въ творенья Гарсилассо и Боскана;¹⁷
 Ихъ мистицизмъ вполне средство имѣлъ
 Съ мистической душою Донъ-Жуана.
 Его душа, казалось, была
 Обвороженнымъ духомъ и плыла
 По воздуху, незримая въ эфирѣ,
 Какъ говорятъ старухи въ нашемъ мірѣ.

XCVI.

Такъ одиноко дни за днями шли.
 Жуанъ скучалъ, въ немъ сильно сердце билось;
 Но ни мечты, ни пѣсни не могли
 Ему дать то, къ чему душа стремилась:
 Грудь нѣжную, къ которой могъ бы вдругъ
 Склонить лицо и слышать сердца стукъ
 И наконецъ... что далѣе бываетъ —
 Мнѣ рассказать неопытность мѣшаетъ.

XCVII.

Какъ Донъ-Жуанъ томился и скучалъ —
 Отъ Юли внимательной не скрылось;
 Но взоръ вдовы еще не замѣчалъ,
 Что Донъ-Жуана жизнь перемѣнилась.
 Въ ея глазахъ попрежнему жилъ сынъ
 И для разспросовъ не было причинъ.
 Вотъ намъ примѣръ — я въ этомъ самъ порука —
 Что иногда и хитрость близорука.

XCVIII.

Вотъ хоть мужья: у нихъ не мало жонъ,
 Которыя нерѣдко нарушали
 Ту заповѣдь... растерянъ и смущонъ,
 Ее припомнить я могу едва ли.
 (Я цифру позабылъ, а наугадъ
 Ее при дамахъ рѣдко говорятъ.)
 Ревнивый мужъ всегда готовъ на промахъ —
 И насмѣшить жену и всѣхъ знакомыхъ.

XCIX.

Ревнивый мужъ подозрѣваетъ тамъ,
 Гдѣ подозрѣнье вовсе невозможно,
 Иль, какъ на зло, коварнѣйшимъ друзьямъ
 Жену поручить онъ неосторожно
 И подъ-носомъ не видитъ ихъ проказъ.
 Послѣдній случай чаще между насъ:
 Мужья потомъ ихъ громко порицають,
 Но глупости своей не замѣчаютъ.

C.

Съ такой же слѣпотой отецъ и мать.
 Отъ нихъ скрываютъ шалости всѣ дѣти,
 Хотя о томъ вслухъ начали кричать
 И ихъ интриги всѣмъ извѣстны въ свѣтѣ,
 И только бѣгство сына подъ вѣнецъ
 Всю истину раскроетъ наконецъ:
 Рыдаетъ мать, родитель проклинаетъ,
 Что, впрочемъ, мало дѣлу помогаетъ.

CI.

Жуана мать заботлива была
 И — думаю — за сыномъ наблюдала:
 Ему свободу полную дала
 И съ цѣлью въ искушеньи оставляла.
 Какая жь цѣль? я не могу сказать.
 Быть-можетъ, чтобъ его образовать,
 Иль чтобъ Альфонсъ раскрылъ глаза скорѣе.
 И началъ за женой слѣдить хитрѣе.

СII.

Однажды, въ лѣтній день... Ужь издавна
 Извѣстно, что опасно очень лѣто
 И мѣсяцъ май и теплая весна:
 Внимъ мы солнце жгучее за это.
 Дѣйствительно, ёсть мѣсяцы, когда
 Природа словно станеть молода.
 За зайцами мы въ мартѣ всюду рыщемъ,
 А въ майскій день любви желанной ищемъ.

СIII.

Итакъ, въ іюнѣ — помню и число:
 Шестое. Я люблю быть въ числахъ точенъ;
 Когда до чиселъ дѣло ужъ дошло,
 Я ихъ порядкомъ очень озабоченъ.
 Они подобны станціямъ: судьбы
 Коней на нихъ мѣняютъ для гоньбы,
 Мѣняютъ тонъ, и мчатся важны, строги
 Черезъ царства и столѣтья по дорогѣ.

СIV.

Итакъ, въ іюнѣ, съ кѣмъ-то, не одна
 Въ бесѣдкѣ темной Юлія сидѣла,
 Какъ гурія — описана она
 Анакреономъ-Муромъ очень смѣло.
 Ему судьба не даромъ принесла
 Съ небесъ вѣнокъ лавровый для чела —
 И сладко пѣть заставила на лирѣ.
 Пусть лавры тѣ онъ долго носить въ мѣрѣ!

CV.

Въ бесѣдкѣ были двое. Я не зналъ,
 Какъ въ этотъ садъ они вдвоемъ попали:
 Я многимъ бы въ тѣхъ случаяхъ желалъ,
 Чтобъ свой языкъ на привязи держали.
 Они сошлись, а какъ? — намъ дѣла нѣтъ —
 И засѣдали рядомъ tête-à-tête.
 Ахъ! близость ихъ была неосторожна,
 Но глазъ закрыть имъ было невозможно.

CVI.

Какъ хороша была она тогда!
 Она грѣха еще не испытала...
 О ты, любовь! какъ власть твоя горда!
 Какъ часто слабосильныхъ ты спасала!
 Какъ тѣ минуты въ жизни хороши,
 Когда ты къ намъ спускаешься въ тиши!
 Хотя надъ бездной Юлія стояла,
 Но вѣрила въ себя и не дрожала —

CVII.

И думала, что строгъ ужасно свѣтъ,
 Что добродѣтель въ ней непобѣдима,
 Что... мужу *пятьдесятъ* — о ужась! — лѣтъ...
 Ахъ, лучше бы скорѣй промчалась мимо
 Такая мысль: подобные года
 Для женщины не милы никогда;
 Во всѣхъ странахъ печальны числа эти
 И только хорошо звучатъ въ монетѣ.

CVIII.

Когда въ глаза насъ упрекнуть хотить:
 «Разъ *пятьдесятъ* твержу вамъ», повторяють.
 «Я написалъ куплетовъ *пятьдесятъ*»,
 Сказалъ поэтъ и — чтеньемъ утомляетъ.
 Ограбить насъ воровъ *десятковъ пять*;
 Лѣтъ въ *пятьдесятъ* любви намъ не знавать;
 Но *пятьдесятъ* червонцевъ насъ спасаютъ —
 И ими ласкъ не мало покупають.

CIX.

Жена Альфонса смѣло поклялась,
 Безъ всякаго сомнѣнья и испуга,
 Беречь всегда, во всякій день и часъ
 Свою любовь и вѣрность для супруга,
 Рѣшилась мысли грѣшныя прогнать
 И — за собою трудно наблюдать —
 Нечаянно, безъ всякаго обмана,
 Вложила ручку въ руку Донъ-Жуана.

CX.

Склонивъ лицо къ другой его рукѣ,
 Которая ласкала локонъ милый,
 Она глядитъ въ разсѣянной тоскѣ,
 Въ небрежной позѣ, нѣжной и унылой...
 Ну, можно ли вдвоемъ ихъ оставлять
 И за четой такой не наблюдать?
 Какъ встрѣчи ихъ Инеса допускала?
 Нѣтъ, мать моя за мной бы наблюдала.

СХІ.

Его рука въ рукѣ ея дрожить.
 Пожатые было чисто такъ и нѣжно...
 Сомнѣнья нѣтъ: такъ страсть не говоритъ —
 Въ ея любви, какъ въ сердцѣ, безмятежно.
 Нѣтъ, Юлія бѣжала бы, когда
 Хоть нѣсколько грозила бѣ ей бѣда,
 Когда бѣ одна несдержанная ѣтрость
 Ей предсказала въ будущемъ опасность.

СХІІ.

Что думалъ Донъ-Жуанъ — нельзя узнать,
 Но дѣлалъ то, что сдѣлали бѣ мы сами:
 Спѣшилъ уста къ рукѣ ея прижать
 И отскочилъ съ пылавшими щеками,
 Какъ-будто дерзость очень велика:
 Любовь сперва бываетъ такъ робка!..
 Но Юлія безъ гнѣва покраснѣла,
 Хотѣла говорить... и не умѣла.

СХІІІ.

День угасалъ — и вотъ возшла луна.
 Луну мы *цѣломудренной* считали,
 А между тѣмъ такая ли она?
 Всѣ дни въ году навѣрно не видали
 Тѣхъ нечестивыхъ дѣлъ и разныхъ бѣдъ,
 Съ которыми знакомъ былъ лунный свѣтъ;
 Въ иную ночь луна ихъ видитъ много,
 Хоть смотреть цѣломудренно и строго.

СХІV.

Въ часъ ночи въ міръ слетаетъ тишина,
 Когда душа спокойствіе находитъ,
 Прекрасными надеждами полна,
 А лунный свѣтъ волнами съ неба сходитъ
 И освѣщаетъ листья и траву.
 Сны чудные проходятъ на яву
 И грудь полна любовною истомой,
 Таинственной, давно душѣ знакомой. 18.

СХV.

Рукой Жуана нѣжно обвита,
 Она сидитъ, къ груди его склоняясь,
 Но и теперь въ ней мысль еще чиста,
 Иначе бы, объятіемъ стѣсняясь,
 Она могла немного дальше сѣсть;
 Но, господа, въ той позѣ прелесть есть!
 Потомъ они... но здѣсь перо кладу я,
 Вдругъ покраснѣвъ и сильно негодуя.

СХVІ.

Платонъ, Платонъ! Ты проложилъ тропу
 Своею философіей проклятой
 И ей смутилъ наивную толпу
 И, дерзостью безумною объятый,
 Губилъ народъ до самаго конца
 Вѣриѣ романиста и пѣвца.
 Ты, шарлатанъ, міръ понимавшій плохо,
 При жизни былъ ты гаеръ и пройдоха.

СХVII.

Лишь только вздохи Юліи неслись...
 Ужь было поздно дѣлать отступленье..
 Изъ глазъ прекрасныхъ слезы полились...
 Ужь таково людскихъ страстей движенье:
 Кто могъ любить и тутъ же разсуждать?
 Она себя старалась защищать,
 Хоть слабо, искушенье прогоняла,
 Шептала «нѣтъ» — и все жь не устояла.

СХVIII.

Ксерксъ, говорятъ, награду обѣщалъ,
 Чтобъ новое открыли наслажденье.
 Я думаю, онъ многого желалъ
 И дорогого очень, безъ сомнѣнья.
 Я, какъ поэтъ, имѣю скромный вкусъ:
 Дай мнѣ любовь — я тотчасъ развлекусь.
 Мнѣ наслажденья новаго не надо —
 И старымъ наслажденьямъ сердце радо.

СХIХ.

О, наслажденье! свято ты для насъ,
 Хоть моралистъ за то насъ проклинаетъ.
 Я не грѣшить собираюсь каждый разъ,
 Лишь только годъ обычный срокъ кончаетъ,
 Но мой обѣтъ еще не соблюденъ.
 Когда-нибудь исполнится же онъ;
 Пора, пора совсѣмъ остепениться —
 Я къ той зимѣ хочу перемѣниться.

СХХ.

Здѣсь муза вольность сдѣлаетъ. Увы!
 Читатель мой, не нужно вамъ пугаться.
 На вольность поэтическую вы
 Ей дайте разрѣшенье. Можетъ статья,
 Я растяну немного свой рассказъ:
 Аристотель простить на этотъ разъ —
 И у него прошу я извиненья,
 Что дѣлаю такое отступленье.

СХХІ.

Вотъ я о чемъ читателя прошу:
 Пусть, продолжая чтеніе романа,
 Въ которомъ я для публики пишу
 О разныхъ похожденияхъ Донъ-Жуана —
 Пусть думаетъ, что съ рокового дня
 (Іюнь, число шестое, у меня)
 Прошло не мало мѣсяцевъ... положимъ,
 Мы съ ноября начать романъ нашъ можемъ.

СХХІІ.

Но рано говорить объ этомъ намъ...
 Пріятно въ ночь подъ яркимъ луннымъ блескомъ
 Слѣдить за гондольеромъ по волнамъ:
 Его напѣвъ сливается съ ихъ плескомъ.
 За свѣтомъ звѣздъ пріятно намъ слѣдить
 И вѣтерокъ ласкающій ловить,
 За радугой слѣдить на небѣ юга,
 Глазамъ открытой въ видѣ полукруга.

СХХІІІ.

Пріятенъ лай недремлющаго пса,
 Который насъ близь дома поджидаетъ;
 Пріятно знать, что есть одни глаза —
 И въ тѣхъ глазахъ любовь для насъ сверкаетъ;
 Пріятенъ птицъ веселый, звонкій хоръ
 И пѣнье дѣвъ, и моря разговоръ,
 И водопада бѣшенаго ропотъ
 И милаго ребенка первый шопотъ.

СХХІV

Пріятно намъ смотрѣть на виноградъ,
 Когда виситъ онъ спѣлый и румяный,
 Пріятно намъ покинуть пыльный градъ
 И прогуляться сельскою поляной.
 Видъ золота пріятенъ для скупца,
 Крикъ перваго младенца — для отца,
 Для жонъ пріятны мщенье и капризы,
 Ворами — грабежъ, а морякамъ — ихъ призы.

СХХV.

Пріятно ждать наслѣдства иногда
 И смерти дяди стараго иль тѣтки,
 Изъ-за которой многіе года
 Мы съ стариками очень были кротки,
 Но въ тайнѣ размышляли лишь о томъ —
 Скорѣй войти хозяиномъ въ ихъ домъ...
 Кругомъ жиды ихъ смерти ожидаютъ
 И векселемъ наслѣдниковъ пугаютъ.

СХХVI.

Приятно лавры въ мірѣ заслужить,
 Приятно послѣ ссоры помириться,
 А иногда приятно разсердить
 Своихъ друзей и съ ними побраниться.
 Вино въ бутылкахъ мило, въ бочкахъ — эль;
 Спасать приятно слабыхъ, и у же-ль
 Мы школьную скамейку позабыли,
 Гдѣ мудростямъ различнымъ насъ учили?

СХХVII.

Прекрасно все, но первой страсти пылъ
 Всего прекраснѣй въ мірѣ, безъ сомнѣнья.
 Припоминать, я думаю, любилъ
 И самъ Адамъ свое грѣхопаденье.
 Когда вкусили мы запретный плодъ,
 Насъ тайна жизни больше не влечотъ:
 Нашъ первый грѣхъ — есть Прометей чудесный,
 Похитившій давно огонь небесный.

СХХVIII.

Да, странное созданье — человекъ!
 Способности свои пуская въ дѣло,
 Готовъ изобрѣтать онъ цѣлый вѣкъ
 И съ выдумкой являться въ мірѣ смѣло.
 Переживая многіе года,
 Охотниковъ отыщемъ мы всегда,
 Чтобъ тѣ открытыя наши оцѣняли
 И дорогой цѣной ихъ покупали.

СХХІХ.

Открытьями наполнены вѣсы.
 Они вездѣ, куда я взоръ ни кину:
 Одинъ съ искусствомъ дѣлаетъ носы,
 Другой придумалъ міру гильотину;
 Мы слышимъ взрывъ конгревовыхъ ракетъ,
 И оспу прививаетъ намъ ланцетъ:
 Врачи, чтобъ люди сдѣлались здоровы,
 Болѣзнь къ нимъ прививаютъ отъ коровы;

СХХХ.

Отличный хлѣбъ явился у людей...
 Отъ гальванизма трупы трепетали...
 А филантропы родины моей?
 Они голодныхъ — фразами спасали.
 На фабрикахъ есть машины: свой потъ
 Не проливаетъ болѣе народъ —
 И, если оспы нѣтъ у насъ на кожѣ,
 То отъ чумы избавимся мы тоже.

СХХХІ.

Она къ намъ изъ Америки пришла
 И, слухи есть, туда же возвратится.
 Въ томъ нѣтъ еще большого очень зла:
 Народъ замѣтно началъ тамъ плодиться,
 Что, наконецъ, пора остановить
 Войной, чумой; тогда-то, можетъ-быть,
 Развитие тамъ пойдетъ не столько туго,
 А мы лишимся страшнаго недуга.

СXXXII.

Нашъ мудрый вѣкъ — открытѣями богатъ
 Для блага душъ и... умерщвленья плоти.
 Есть лампа сэра Дэви ¹⁹, говорятъ,
 Удобная хоть при какой работѣ;
 Къ экватору, до полюсовъ могли
 Достигнуть мы во всѣ концы земли.
 Хоть много жертвъ принесено при этомъ,
 За то мы овладѣли цѣлымъ свѣтомъ.

СXXXIII.

Такъ, челоуѣкъ есть диво всей земли
 И съ нимъ ничто не выдержитъ сравненья;
 Но для чего внушить ему могли,
 Что страсть грѣшна, что грѣхъ — есть наслажденье?
 Безъ цѣли мы всегда идемъ впередъ,
 Когда жъ любовь иль слава насъ зоветъ —
 Къ нимъ труденъ путь. До цѣли мы доходимъ
 И умираемъ. Что жъ потомъ находимъ?

СXXXIV.

И вы и я — не знаю. Потому...
 Покойной ночи! Миѣ же не пора ли
 Вернуться къ Донъ-Жуану моему.
 Стоялъ ноябрь, когда темнѣй дни стали,
 Когда верхи высокихъ, дальнихъ горъ
 Надѣли снѣжный, зимнй свой уборъ,
 Когда шумѣли волны на просторѣ,
 А солнце въ пять часовъ садилось въ море.

СХХХV.

Ночь темная, безъ звѣздъ и безъ луны...
 Играетъ вѣтеръ, словно въ утомленьи...
 У очаговъ пылающихъ видны
 Людскія тѣни. Это освѣщенье
 Люблю всегда у яркихъ очаговъ,
 Какъ небеса весны безъ облаковъ...
 Люблю огонь, шампанское, омары
 И ласки жонъ, когда онѣ не стары.

СХХХVI.

Глухая полночь. Юлія лежитъ
 И — вѣрно спитъ. Вдругъ слышитъ шумъ у двери.
 Подобный шумъ въ гробу расшевелитъ
 И мертвецовъ — хоть, впрочемъ, книгамъ вѣря,
 Они ужъ разъ вставали изъ могилъ.
 Дверь занерта, но голосъ слышенъ былъ
 И кто-то въ дверь рукой стучалъ тревожно:
 «Синьора — шумъ; скорѣй, скорѣй, какъ можно!...»

СХХХVII.

«Близка бѣда... Сюда вашъ мужъ идетъ,
 А съ нимъ — толпа... Была не далеко я
 И сторожила зорко, только вотъ...
 Ахъ, Господи, несчастіе какое!
 Запритесь крѣпче... Богъ васъ сохрани!...
 Чу! ужъ идутъ по лѣстницѣ они...
 И изъ окна теперь прыгнуть бы могъ онъ:
 Вѣдь близко до земли изъ вашихъ оконъ...»

СXXXVIII.

Но вотъ и Донъ-Альфонсъ. За нимъ спѣшатъ
Его друзья; огонь — въ рукахъ прислуги...
Въ толпѣ гостей былъ каждый ужь женатъ,
А потому покой чужой супруги
(Хоть рогъ на лбу не страшная бѣда)
Они прервать готовы безъ стыда,
И думаютъ: «когда *одну* накажемъ,
То жонамъ всѣмъ мы въ ней примѣръ покажемъ».

СXXXIX.

Рѣшительно не въ силахъ я понять,
Какъ могъ Альфонсъ дойти до подозрѣнья
И, наконецъ, приличья нарушать:
Безъ всякаго съ женою объясненья,
Въ глухую ночь поднять и шумъ и стукъ,
Врываться къ ней съ толпой гостей и слугъ,
Чтобъ наслаждаться собственнымъ позоромъ,
Дать пищу сплетнямъ, толкамъ, разговорамъ!...

СXL.

А Юлія? Вскочивши, какъ отъ сна
(О снѣ ея я не сказалъ ни слова)
Зѣвнула и — заплакала она.
Ея служанка — было ей не ново
Такое дѣло — опытной рукой
Дала тотчасъ постели видъ такой,
Какъ будто бы онѣ вдвоемъ лежали
И обѣ на постели этой спали.

СХLІ.

Ну, словомъ, показались бы онѣ
 Невинными бѣдняжками, которымъ
 Являлись привидѣнія во снѣ,
 Которымъ тѣнь — ночнымъ казалась вормъ,
 А потому, чтобъ страхъ свой превозмочь,
 Онѣ вдвоемъ лежали въ эту ночь
 И ждали, чтобъ очнуться отъ испуга,
 Прихода запоздавашаго супруга.

СХLІІ.

Вотъ, наковнець, жена въ себя пришла:
 «Альфонсъ! во имя неба, что вамъ надо?
 О, извергъ — вы! Я лучше бѣ умерла,
 Чѣмъ стыдъ такой... Откуда вы? изъ ада?
 Съ насиліемъ зачѣмъ сюда вошли?
 Иль пьяны вы, иль вы съ ума сошли?
 Какъ ваше подозрѣніе презрѣнно!...
 Ищите же кругомъ!...» — О, непременно! —

СХLІІІ.

И поиски ихъ были велики.
 Осмотрѣны всѣ шкапы, окна, щели,
 Гребенки, щетки, туфли и чулки,
 Бѣлье и кружева — все осмотрѣли,
 Все, чѣмъ богатъ изящный туалетъ
 У женщины еще не старыхъ лѣтъ.
 Концомъ мечей рвались обои, сторы
 И по стѣнамъ висѣвшіе уборы.

СXLIV.

Искали подъ кроватью; тамъ нашли —
 Нашли не то, чего они искали.
 Раскрыли окна самыя, въ пыли
 За слѣдомъ ногъ коварно наблюдали
 И — были всѣ поставлены въ тупикъ,
 Межь тѣмъ — того никакъ я не постигъ —
 Искали подъ кроватью, въ самомъ дѣлѣ,
 А на кровать совсѣмъ не поглядѣли...

СXLV.

А Юлія все время не молчитъ.
 «Ищите же, ищите, оскорбляйте
 И новыя обиды, новый стыдъ
 Къ стыду, къ обидамъ прежнимъ прибавляйте!
 Вотъ для чего терпѣла столько я!
 Вотъ до чего дошла судьба моя!
 Пусть онъ беретъ теперь другую въ жоны:
 Въ Испаніи найдутся же законы!...

СXLVI.

«Да, Донъ-Альфонсъ, я вамъ ужь не жена,
 Вы — мнѣ не мужъ: нейдетъ къ вамъ имя это.
 Вамъ столько лѣтъ, у васъ есть сѣдина...
 Разумно ли, скажите, въ ваши лѣта
 Честь женщины невинной оскорблять
 И такъ безумно, дерзко обвинять?
 Преступникъ, варваръ, мужъ неблагодарный!
 Я не прощу поступокъ вашъ коварный!

СXLVII.

«И мой супругъ женѣ такой не радъ!...
 Духовника всѣ ищутъ молодого:
 Мой исповѣдникъ старъ и глуховатъ,
 Но я себѣ не выбрала другого.
 Невинностью моею пораженъ,
 Мнѣ долго не хотѣлъ повѣрить онъ,
 Что я — замужняя... Мое страданье
 Въ немъ вызоветъ теперь негодованье.

СXLVIII.

«За тѣмъ ли я всегда была горда
 И съ молодежью дня не раздѣлила,
 И изъ дому лишь только иногда
 На бой быковъ иль въ церковь выходила?
 Поклонниковъ не я ли прогнала
 И съ ними холодна всегда была?
 Графъ О'Релли не мнѣ-ль твердилъ, что странно,
 Что я такъ холодна и постоянна?

СXLIX.

«А не напрасно ль ныль передо мной
 Маэстро изъ Италіи — Коццани?
 Не звалъ ли добродѣтельной женой
 Меня предъ цѣлымъ свѣтомъ Корніани?
 А сколько русскихъ, англійскихъ вельможъ
 Сводила я съ ума? А отчего жъ
 Ирландскій перъ къ вину прибѣгнулъ въ горѣ
 И умеръ отъ горячки бѣлой вскорѣ?

СЛ.

«А герцогъ Эйкеръ, Донъ-Фернандъ Нунесъ,
 Вы помните, у ногъ моихъ лежали?
 И вы теперь сюда, какъ громъ съ небесъ,
 Для оскорбленья женщины упали!...
 Ну, чтожь — пора: жену начните бить!
 Зачѣмъ же вамъ не кстати скромнымъ быть?
 О, храбрый рыцарь съ шпагой обнаженной,
 Какъ грозны вы предъ женщиной смущонной!

СЛІ.

«Внезапный вашъ отъѣздъ я поняла!
 Вѣдь съ вами вмѣстѣ стряпчій отправлялся,
 Который здѣсь, изъ темнаго угла,
 Досадуеть, что въ дуракахъ остался.
 Его я презираю, какъ и васъ;
 Но гаже онъ еще на этотъ разъ:
 Въ немъ нѣтъ любви, тутъ цѣль совсѣмъ другая —
 Ему нужна лишь плата дорогая.

СЛІІ.

«Не хочетъ ли онъ акта составлять?
 Пожалуста, готова ждать теперь я...
 Вы въ комнатѣ успѣли все собрать —
 Готовы здѣсь чернила вамъ и перья.
 Точнѣе все пишите, такъ и быть,
 Чтобъ хоть не даромъ плату получить.
 Но, видите, раздѣты мы, безъ платья —
 Шпіоновъ всѣхъ пока прошу прогнать я.

CLIII.

«Ищите же, поставивъ все вверхъ дномъ:
 Вотъ туалетъ, софа; не пропустите
 Вольтеровскаго кресла. вы и въ нёмъ
 Любовника пошарте, поищите!
 Но такъ-какъ я хочу ужасно спать —
 Прошу мнѣ суматохой не мѣшать;
 Ищите же и — мнѣ не откажите —
 Находку вашу послѣ покажите.

CLIV.

«Но, Донъ-Альфонсъ, рѣшившись оскорблять
 Свою жену недѣльнымъ подозрѣньемъ,
 Прошу васъ быть любезнымъ и сказать:
 Кого искать пришли вы съ озлобленьемъ?
 Кто онъ такой? Красивъ, высокъ, умёнъ?
 Высокаго происхожденья онъ?
 О, помните, что отплачу я скоро
 За честь свою, за часъ одинъ позора...

CLV.

«Иль онъ старѣй пятидесяти лѣтъ?
 О, если такъ, его не убивайте:
 Вѣдь, ревность не для вашихъ раннихъ лѣтъ...
 (Антонія! стаканъ воды подайте!)
 Мнѣ стыдно слезы эти проливать...
 Ты, мать моя! Ахъ, еслибъ знала мать,
 Что я жена чудовища, злодѣя!..
 Мужей такихъ не видѣла нигдѣ я.

CLVI.

«Ревнуйте же къ Антоніи меня:
Извѣстно вамъ — мы съ нею вмѣстѣ спали,
Когда вы съ шайкой, шпагами звеня,
Сюда, какъ сумасшедшій прибѣжали!
Надѣюсь я, въ другой разъ, какъ теперь,
Не станете ломаться въ эту дверь
И мнѣ дадите время нарядиться,
Чтобъ предъ почетнымъ обществомъ явиться?»

CLVII.

«Теперь, синьоръ, должна я замолчать.
Не слышать вамъ упрековъ и роптанья.
Съумѣю я безъ ропота страдать
И никому не высказать страданья...
Поймете послѣ вы — какой виной
Себя вы запятали предъ женой...
Нѣтъ, лучше вы минуты той не знайте...
(Мой носовой платокъ скорѣй подайте!)»

CLVIII.

И тутъ въ подушки кинулась она,
Въ глазахъ сквозь слезы молніи сверкали
И локономъ щека оттѣнена;
По бѣлой груди косы упали,
Но сквозь кудрей сверкала нагота...
Полураскрыты нѣжныя уста,
Въ чертахъ лица испугъ и утомленье
И слышно сердца каждое бѣненье.

CLIX.

Альфонсъ стоитъ и самъ себѣ не радъ.
 Антонія по комнатѣ шагала
 И, вздернувъ къ верху носикъ, грозный взглядъ
 На господина съ свитою бросала.
 Неловко всѣмъ, — лишь стряпчій не робѣлъ:
 Предвидѣть пользу въ ссорахъ онъ умѣлъ
 И, относясь бездушно къ прочимъ фактамъ,
 Пристрастенъ былъ къ однимъ судебнымъ актамъ.

CLX.

Раздувши ноздри, зорко онъ слѣдилъ,
 Какъ передъ нимъ ходила камеристка;
 Онъ репутаціи женскихъ не цѣнилъ
 И всѣхъ ихъ ставилъ очень, очень низко.
 Онъ о процессахъ только хлопоталъ
 И женской красоты не понималъ;
 Онъ отрицанью женскому не вѣрилъ
 И истину судейскимъ глазомъ мѣрилъ.

CLXI.

Альфонса видѣ по правдѣ былъ смѣшонъ.
 Съ женою поступивши такъ обидно
 И спальню осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ,
 Что онъ узналъ? Альфонсу стало стыдно.
 Онъ мрачно слушалъ жалобы жены.
 Онѣ, какъ дождь, спадавшій съ вышины,
 На голову виновную летѣли
 И только злость въ немъ возбуждать умѣли.

CLXII.

Онъ извиняться было начиналъ —
 Ему рыданьемъ долгимъ отвѣчали,
 Истерикой... Когда-то, я слыхалъ,
 Въ истерику всѣ женщины впадали,
 Но разница въ болѣзни этой въ томъ:
 У каждой дамы — собственный симптомъ.
 Альфонсъ постигъ свой промахъ, растерялся
 И заpastись терпѣніемъ старался.

CLXIII.

Онъ начиналъ ужь что-то бормотать,
 Но камеристка разомъ перервала:
 «Теперь, синьоръ, прошу васъ замолчать.
 Ступайте вонъ: синьоръ дурно стало,
 Она умереть, пожалуй!» — и супругъ
 Проклятьемъ раздражается и вдругъ,
 Безъ всякаго съ женою разговора,
 Послушался и вышелъ очень скоро.

CLXIV.

И быстро свита вслѣдъ за нимъ ушла;
 Лишь стряпчій ждалъ и вышелъ вонъ послѣдній,
 Пока служанка дверь не заперла.
 И думалъ онъ, остановясь въ передней,
 Что Донъ-Альфонсъ двухъ фактовъ не имѣлъ,
 Чтобъ приступить къ разбору этихъ дѣлъ;
 Что сцена глупо кончилась и вздорно...
 Но дверь была захлопнута проворно.

CLXV.

Дверь заперта. О, ужасъ, грѣхъ и срамъ!
 Какъ можете вы дѣлать вещи эти
 И сохранять солидность строгихъ дамъ?
 Иль слѣпы всѣ теперь на бѣломъ свѣтѣ?
 Иль ваша честь не дорога для васъ?...
 И такъ скажу, чтобъ продолжать рассказъ,
 Вдругъ Донъ-Жуанъ (здѣсь ужасъ мой такъ кстати)
 Приподнялся съ одышкой на кровати.

CLXVI.

Онъ спрятанъ былъ — не знаю какъ и гдѣ:
 Мы въ юности умѣемъ извиваться,
 Чтобъ уголокъ найти себѣ вездѣ
 И въ маленькомъ мѣстечкѣ помѣщаться.
 Когда бъ онъ задохнулся — не бѣда!
 Такая смерть пріятнѣе всегда,
 Чѣмъ смерть Кларанса: разъ, чудакъ, напился
 И въ винной бочкѣ мигомъ утопился.

CLXVII.

Онъ страшнаго грѣха не совершилъ—
 Для юности то было бѣ слишкомъ рано—
 И запрещенный грѣхъ не соблазнилъ
 Прекраснаго и юнаго Жуана...
 Нѣтъ, въ юности насъ совѣсть не грызеть,
 Когда же старость дряхлая придетъ,
 Тогда грѣхи мы старые считаемъ
 И искушенья бѣса постигаемъ.

CLXVIII.

Еврейское преданье говоритъ:

Врачи царя столѣтняго лечили,

Въ которомъ кровь едва-едва бѣжитъ,

И какъ лекарство старцу предложили —

Красавицу: то средство помогло.

Не знаю, какъ у нихъ леченье шло:

Еврейскій царь остался жить для царства,

Жуанъ же чуть не умеръ отъ лекарства.

CLXIX.

Что дѣлать имъ? Альфонсъ опять придетъ,

Когда домой гостей своихъ проводитъ

Антонію, какъ въ пытку, что-то жжетъ,

А въ голову все средство не приходитъ:

Какъ съ новою бѣдою быть опять?...

Межъ тѣмъ, ужь скоро станеть разсвѣтать...

Что жь дѣлать имъ? Но Юлія молчала

И къ сердцу Донъ-Жуана прижимала.

CLXX.

Слились ихъ губы. Юноши рука

Разбросанныя кудри собирала...

Да, ихъ любовь была такъ велика,

Что про опасность даже забывала.

Антоніи наскучило ихъ ждать...

«Идемте же! дурачиться опять

Не время вамъ... нѣтъ, я безъ разговора

Запру въ чуланъ несноснаго синьора.

CLXXI.

«Ахъ, перестаньте глупости твердить!
 Ктобъ угадалъ, что грѣхъ такой случится!...
 Что будетъ съ нами? Какъ теперь мнѣ быть?...
 Самъ чортъ въ мальчишкѣ этомъ поселился...
 До шутокъ ли теперь? Какой тутъ смѣхъ?
 Вѣдь можетъ кровью кончиться вашъ грѣхъ.
 Васъ — умертвятъ, а мнѣ откажутъ въ мѣстѣ;
 Синьора же... не одобровать всѣмъ вмѣстѣ.»

CLXXII.

«И хоть бы былъ мужчина зрѣлыхъ лѣтъ
 (Идите же скорѣй!), а то — умора! —
 Дитя смазливое, дѣвчонка... Нѣтъ,
 Дивлюсь я вкусу вашему, синьора.
 Входите же: вѣдь, Донъ-Альфонсъ сейчасъ
 Придетъ назадъ... вотъ такъ, сюда... За васъ
 Я не боюсь... до утра потерпите...
 Но, Донъ-Жуанъ, смотрите — не заспите!»

CLXXIII.

Пришолъ Альфонсъ и стихла болтовня.
 Антонія все въ спальнѣ оставалась,
 Но по приказу, голову склоня,
 Уйти не торопливо собиралась.
 Что жъ дѣлать ей? Въ ту бѣдственную ночь
 Чѣмъ Юліи могла она помочь?...
 Антонія немного покосилась,
 Сняла нагаръ съ свѣчей и удалилась.

CLXXIV.

Альфонсъ молчалъ, потомъ заговорилъ,
 Нелѣпо начиная оправданья,
 Что онъ ужасно глупо поступилъ
 И что ему за это нѣтъ названья,
 Что, наконецъ, причины были, но...
 Онъ тутъ заговорилъ весьма темно,
 Давая тѣмъ образчикъ превосходной
 Реторики надутой и негодной.

CLXXV.

Жена молчитъ, хотъ былъ готовъ отвѣтъ,
 Который осадилъ бы мужа съ разу.
 Вѣдь женщина — хотъ въ словѣ правды нѣтъ —
 Умѣетъ кстати бросить мужу фразу,
 Чтобъ тотъ умолкъ иль хотъ понизилъ тонъ,
 И если упрекать рѣшится онъ
 Въ *одной* интригѣ — не мигнувши глазомъ —
 Стыдитъ его за *три* интриги разомъ.

CLXXVI.

И Юлія дѣйствительно могла
 Ему отвѣтить фразой хладнокровной:
 Съ Инесой связь извѣстна ей была;
 Но, иль себя почувствовавъ виновной —
 Хотя на свѣтѣ рѣдкая жена
 Сознается, что есть за ней вина —
 Иль просто Донъ-Жуана пожалѣла,
 Она заговорить не захотѣла.

CLXXVII.

Была еще причина ей молчать:
 Альфонсъ не ревновалъ къ ней Донъ-Жуана,
 Хотя привыкъ ко многимъ ревновать,
 И былъ бы радъ, хотъ поздно или рано,
 Узнать того, кѣмъ занята жена,
 А потому — подумала она —
 Что, вѣроятно, послѣ разговора
 О матери — дойдешь до сына скоро.

CLXXVIII.

Молчать — порой предписываетъ *тактъ*.
 (Какая пошлость въ этомъ модномъ словѣ!)
 Намекъ одинъ — и уяснится фактъ.
 Молчаніе насъ держитъ на готовѣ
 И женщина должна умѣть молчать
 И главнаго вопроса избѣгать.
 Прелестныя созданья лгутъ такъ мило:
 Ложь красотѣ ихъ, право, невредила.

CLXXIX.

Начнутъ краснѣть — мы вѣримъ краскѣ ихъ;
 (Я самъ такъ поступалъ всегда любезно...)
 Но возражать потокамъ словъ живыхъ,
 По моему, ужъ вовсе бесполезно...
 Ихъ краснорѣчье вздохи прекратятъ,
 Потомъ слезой сверкнетъ ихъ томной взглядъ,
 Потомъ нашъ здравый смыслъ совсѣмъ ненуженъ —
 И мы садимся весело за ужинъ.

CLXXX.

Мужъ извиненьемъ фразу заключилъ.
 Тутъ Юлія условья предложила,
 Но уговоръ жестокъ для мужа былъ,
 Хоть въ пустякахъ она не уступила.
 Онъ, какъ Адамъ, предъ входомъ въ рай стоялъ
 И уступить супругу умолялъ,
 Какъ вдругъ — онъ удивился чрезвычайно —
 О башмаки споткнулся онъ случайно.

CLXXXI.

Что жъ, башмаки? — бѣда не велика,
 Когда они съ прелестной ножки дамы;
 Но, къ ужасу, мужскихъ два башмака
 Схватилъ Альфонсъ. О, Господи! когда мы
 Могли такого горя ожидать!...
 Кровь начинаетъ въ жилахъ застывать...
 Альфонсъ покроемъ ихъ полюбовался
 И, наконецъ, въ немъ сильный гнѣвъ прорвался.

CLXXXII.

Онъ за мечомъ изъ спальни убѣжалъ
 И Юлія воскликнула съ тревогой:
 «Бѣги, Жуанъ! — онъ все теперь узналъ...
 Дверь отперта: знакомою дорогой
 Иди... вотъ ключъ отъ сада... о, бѣги!
 Я слышу торопливые шаги...
 Скорѣй, Жуанъ! ночь темная ненастна —
 И убѣжать ты можешь безопасно».

CLXXXIII.

Совѣтъ хорошъ, но поздно даѣ совѣтъ,
 И опытъ въ этомъ случаѣ не весель.
 Кто пожилъ и узналъ немножко свѣтъ,
 Тотъ опытность такую вѣрно взвѣсилъ.
 Жуанъ не медлилъ — тотчасъ побѣжалъ,
 Но предъ собой Альфонса увидалъ...
 Онъ заревѣлъ, Жуаномъ сбитый на полъ,
 И, встать спѣша, ногтями полъ царапалъ.

CLXXXIV.

Свѣча погасла. Свалка началась.
 Антонія и Юлія кричали;
 Но слуги не пришли на этотъ разъ.
 Альфонсу силы часто измѣняли;
 Ушибленный, прибитый больно, онъ
 Грозилъ, что будетъ тутъ же отомщонъ.
 Жуанъ былъ юнъ, но въ звѣря превратился
 И жертвой быть едва ли бъ согласился.

CLXXXV.

Альфонса мечъ упалъ не обнажонъ
 И бой открылся битвой рукопашной.
 Жуанъ неукратимъ былъ, раздражонъ...
 Когда бъ Альфонса юноша безстрашный
 Могъ въ темнотѣ рукою охватить,
 Тогда бъ ему пришлось не долго жить.
 О, женщины! за жизнь мужей молитесь
 И вдовами остаться берегитесь!...

CLXXXVI.

Альфонсъ Жуана думалъ удержать,
 А Донъ-Жуанъ душилъ его такъ сильно,
 (Желая поскорѣе убѣжать)
 Что кровь изъ носу хлынула обильно.
 Въ его рукахъ оставивъ платья клокъ,
 Жуанъ однимъ ударомъ сильнымъ могъ
 Ошеломить врага и, платье бросивъ,
 Бѣжалъ къ калиткѣ сада, какъ Іосифъ.

CLXXXVII.

Вотъ факелы и свѣчи принесли.
 Глядятъ кругомъ: какіе беспорядки!
 Альфонса полумертваго нашли;
 Безъ чувствъ — служанка, Юлія — въ припадкѣ;
 Клочки одеждъ лежали тамъ и сямъ,
 И капли крови видны по плитамъ...
 Жуанъ — въ саду, калитку отпираетъ,
 Вновь заперъ входъ и быстро убѣгаетъ.

CLXXXVIII.

Пѣснь кончена. Къ чему писать о томъ,
 Какъ ночью Донъ-Жуанъ, переодѣтый,
 Укравкою къ себѣ вернулся въ домъ,
 И какъ, потомъ, о ночи странной этой
 Весь городъ двѣ недѣли толковалъ,
 Какъ занялъ всѣхъ великій тотъ скандалъ,
 Какъ о разводѣ долго хлопотали, —
 Но это все въ газетахъ описали.

CLXXXIX.

А кто вѣрнѣй желалъ бы дѣло знать,
 Допросы, обвиненья, показанья,
 И рѣчи адвокатовъ прочитать —
 Ссылаюсь я на многія изданья.
 Хоть иногда статья иная лжотъ,
 За то въ нихъ много смѣху и остротъ.
 Статью Гёрни²⁰ для опыта прочтите:
 Онъ даже жилъ поэтому въ Мадритѣ.

СХС.

А что жь Инеса? Чтобъ скорѣй замять
 Одинъ изъ тѣхъ классическихъ скандаловъ,
 Которыхъ можно мало насчитать
 Съ эпохи отступленія вандаловъ, —
 Она молилась нѣсколько ночей,
 Передъ Мадонной много жгла свѣчей,
 Потомъ старухъ къ совѣту собирала
 И Донъ-Жуана въ Кадиксъ отослала,

СХСІ.

Чтобъ, странствуя по всей Европѣ, онъ
 Испорченную нравственность поправилъ
 И набрался въ пути со всѣхъ сторонъ —
 Въ Парижѣ или Римѣ — новыхъ правилъ.
 А Юлія въ монастырѣ жила,
 Страдала; но ея тоска была
 (Чувствъ Юліи высказывать не стану)
 Передана въ письмѣ ея къ Жуану:

СХСII.

«Вы ѣдете. Теперь все рѣшено...
 Пусть будетъ такъ, хотя бы я страдала:
 Мнѣ правъ надъ сердцемъ вашимъ не дано,
 Меня въ грядущемъ счастье не ждало.
 Любить, любить! вотъ все, что я могла,
 Вотъ все, что я отъ жизни сберегла!...
 Вы ждете слезъ въ письмѣ моемъ, не такъ-ли?
 Не ждите ихъ — онѣ давно изсыкли.

СХСIII.

«Я васъ люблю, люблю до этихъ поръ,
 Снося гоненье свѣта и презрѣнье,
 Но не тяжолъ мнѣ собственный позоръ
 И прошлому я шлю благословенье.
 Безъ похвальбы я сознаюсь въ винѣ,
 Моя вина давно извѣстна мнѣ,
 И я пишу невольно эти строки:
 Не нужны мнѣ ни ласки, ни упрѣки.

СХСIV.

«Любовь мужчины — краткій эпизодъ,
 А женщина — вся отдается страсти.
 Вамъ лавры вьютъ, васъ слава въ мѣрѣ ждѣтъ,
 Трудъ, почести иль упоенье власти.
 Вы, честолюбцы, боретесь съ судьбой,
 Мечъ воина уноситъ васъ на бой,
 Повсюду жизнь васъ къ дѣлу призываетъ, —
 А женщина лишь любитъ и страдаетъ.

СХСV.

«Да, ваша жизнь въ весельи побѣжить,
 Любя другихъ, вы будете любимы,
 А я? — всему конецъ, печаль моя и стыдъ
 На днѣ души останутся хранимы:
 Ихъ я снесу, но власть мнѣ не дана
 Забыть любовь, которая сильна...
 Прощайте же! Любви сносить не смѣю,
 Но умолчать не въ силахъ, не умѣю...»

СХСVІ.

«Въ разбитомъ сердцѣ силы больше нѣтъ,
 Но все жь могу очнуться я отъ горя.
 Играетъ кровь игрой минувшихъ лѣтъ,
 Какъ будто послѣ бури волны моря.
 Я — женщина. Забвенье насъ бѣжить,
 Насъ милый образъ всюду сторожить,
 Любовь живетъ, хотя глубоко скрыта:
 Такъ къ полюсу бѣжить стрѣла магнита.»

СХСVІІ.

«Я кончила, но все не тороплюсь
 Сложить письма. Но что жь меня тревожить?
 Нѣтъ, смѣлости своей не утрачусь:
 Еще сильнѣй несчастья быть не можетъ..
 Я бь отъ страданья вѣрно умерла,
 Но только смерть на зовъ ко мнѣ не шла,
 И мнѣ осталось съ жизнью помириться,
 Чтобъ васъ любить и чтобъ за васъ молиться.»

СХСVIII.

На томъ письмѣ обрѣзъ былъ золотой;
 Блестали строчки, словно на атласѣ...
 Ея рука дрожала надъ свѣчой,
 Такъ какъ стрѣла магнитная въ компасѣ.
 Вотъ и печать приложена къ листу;
 На ней дивизъ: Elle vous suit partout. ²¹
 Рѣзцомъ довольно опытнымъ и смѣлымъ
 Онъ вырѣзанъ на сердоликѣ бѣломъ.

СХСІХ.

Такъ шли Жуана первые года,
 О немъ писать ли далѣе? На это
 Мнѣ публика отвѣтитъ — и тогда
 Соображать я буду изъ отвѣта.
 Ея вниманье — лавры для чела,
 Капризъ ея — не дѣлалъ много зла,
 Когда жъ она сочувствье мнѣ предложитъ,
 Я продолжать романъ начну; быть-можетъ.

СС.

Эпическимъ романъ я назову.
 Въ немъ будутъ любопытныя сказанья
 Любви и войнъ; войдетъ въ одну главу
 Картина ада; будетъ описанье
 Морскихъ крушеній, гибель кораблей,
 Характеры различныхъ королей:
 Приблизусь я по стилю и размѣру
 Къ *Виргилю* иль къ самому Гомеру.

ССІ.

Чтобъ шоль мой трудъ успѣшно до конца —
 Аристотѣля правила помогутъ.
 Они равно поэта и глупца
 Производить на этомъ свѣтѣ могутъ.
 Мнѣ милы риѣмы, многимъ — бѣлый стихъ...
 Скажу еще, что для стиховъ такихъ
 Фантазія дарила мнѣ картины,
 А миѣны — превосходныя машины.

ССІІ.

При томъ же, какъ эпическій пѣвецъ,
 Не сходенъ я съ поэтами другими.
 (Не потому, что заслужилъ вѣнецъ)
 Одно несходство есть межъ мной и ими:
 Сюжеты ихъ украшены всегда,
 Такъ что понять нельзя ихъ безъ труда,
 А у меня — ужъ въ этомъ я увѣренъ —
 Разказъ вездѣ бываетъ достовѣренъ.

ССІІІ.

Для точности могу я указать
 На лѣтопись, народныя преданья,
 На оперы, на драмы актовъ въ пять
 И, наконецъ, на разныя изданья.
 Всѣ подтвердятъ правдивый мой разказъ.
 Еще скажу, чтобы увѣрить васъ,
 Въ Севильѣ при другихъ и предо мною
 Герой мой былъ похищенъ сатаною.

ССІV.

Когда нибудь я къ прозѣ снизойду
 И вамъ тогда, по плану Алкорана,
 Рядъ изреченій мудрыхъ приведу,
 Всѣхъ избавляя въ жизни отъ обмана.
 Я въ изреченьяхъ очень былъ бы строгъ
 И озаглавить книгу эту могъ:
 «Аристотель живетъ въ любомъ поэтѣ»
 И... есть еще названье на примѣтѣ.

ССV.

Мильтона, Поппа ²² мы тогда поймемъ,
 И Саути, ²³ Кольриджа не осудимъ,
 (Последній пилъ, но умолчимъ о томъ)
 Затѣмъ всегда цѣнить достойно будемъ
 Все, что писалъ нашъ даровитый Краббъ, ²⁴
 Поймемъ, что Кэмбель — очень вялъ и слабъ,
 Не утаимъ у Роджерса... ²⁵ хоть малость,
 И не затѣмъ съ музой Мура шалость.

ССVІ.

Отъ музы Сотебэя ²⁶ далеки,
 Не овладѣмъ ей неосторожно
 И, наконецъ, какъ «синіе чулки»,
 Не станемъ мы свидѣтельствовать ложно.
 Ну, словомъ, всѣ должны лишь то писать,
 На что могу я позволенья дать —
 И всѣмъ, которые нарушатъ послушанье,
 Жестокое готовлю наказанье.

ССVII.

Когда рѣшится кто нибудь сказать,
 Что мой рассказъ безнравственъ, безъ морали,
 Прошу того не тотчасъ обвинять.
 Пусть вновь онъ перечтетъ его (едва ли!)
 И дастъ тогда рѣшительный отвѣтъ —
 Безнравственъ ли рассказъ мой, или нѣтъ?
 Впослѣдствіи я въ этомъ оправдаюсь,
 И зло людей разславить постараюсь.

ССVIII.

Но если и теперь начнетъ толпа,
 Не выслушавъ такого объяненья,
 Негодовать, безумна и слѣпа,
 И приходитъ въ тупое раздраженье
 И назоветъ безнравственнымъ мой трудъ,
 Отвѣчу я, что эти люди лгутъ,
 А критикамъ, приставленнымъ къ роману
 И отвѣчать-то даже я не стану.

ССIX.

Пусть публика мнѣ броситъ добрый взглядъ.
 Я не рожденъ писателемъ развратнымъ
 И — клятву дамъ, пожалуй — только радъ
 Соединять полезное съ пріятнымъ.
 Притомъ же — здѣсь замѣчу для конца —
 Гоняюсь я за славою пѣвца.
 О, публика! не измѣняй же мнѣ ты:
 Я подкупилъ издателя газеты.

ССХ.

Да, я послалъ письмо мое къ нему,
 Какъ слѣдуетъ, съ приличнымъ приложеньемъ,
 Онъ отвѣчалъ и, видно по письму,
 Что не замедлитъ даннымъ порученьемъ.
 Но если онъ солжетъ на этотъ разъ
 И съ жолчью разругаетъ мой рассказъ,
 Тогда... о, что тогда скажу въ печали?
 Я деньги далъ и — всѣ они пропали.

ССХІ.

Но я надѣюсь очень на журналъ:
 Онъ публику любить меня заставить.
 Другіе пусть ругаютъ на повалъ —
 Меня газетный говоръ позабавитъ.
 Я не писалъ статей своихъ для нихъ,
 А всѣ изданья авторовъ чужихъ
 Не признаютъ, бездарными считают
 И бранью очень крупною встрѣчаютъ.

ССХІІ.

«Не снесъ бы я того въ дни юныхъ лѣтъ» —²⁷
 Мнѣ въ умъ пришла Горація цитата!
 Лѣтъ шесть назадъ я былъ иной поэтъ,
 Еще влюбленный въ музу — и тогда-то
 Журнальный крикъ меня бы раздражалъ,
 Я на ударъ журнальный отвѣчалъ,
 Охваченный досадою, какъ пожаромъ,
 Стремительнымъ, убійственнымъ ударомъ.

ССХІІІ.

Но въ тридцать лѣтъ я ужь почти старикъ,
 Почти сѣдой (что будетъ — послѣ, въ сорокъ?
 Я завести подумывалъ парикъ),
 Теперь одинъ покой мнѣ только дорогъ.
 Увяло лѣто жизни для меня,
 Для боя нѣтъ въ груди моей огня;
 Какъ капиталъ растраченный, промчалась
 Былая жизнь и сила растерялась.

ССХІV.

О, никогда не спустится ко мнѣ
 Росой небесъ сердечная прохлада
 И не слетятъ видѣнья въ тишинѣ,
 И не воскреснетъ юности отрада!
 Мнѣ впечатлѣній прежнихъ не знать:
 Ихъ нѣтъ въ душѣ и намъ не отыскать.
 Нигдѣ того, что жило въ насъ, — и бытъ.
 Тамъ силы спятъ, тамъ мрачно, какъ въ пустынь.

ССХV.

О, никогда я въ сердцѣ не найду,
 Какъ прежде, міра цѣлаго, вселенной;
 Его ношу безъ пользы и иду
 Безъ радости, безъ скорби неизмѣнной.
 Меня давно оставили мечты,
 А въ сердцѣ ледъ и нѣтъ въ немъ теплоты,
 Но вмѣсто сердца умъ во мнѣ явился
 И въ черепѣ зачѣмъ-то поселился.

ССХVI.

Любовь прошла. Меня не увлекутъ
 Красавицы — ни жоны и ни вдовы.
 И красотой съ ума ужь не сведутъ.
 Пути иные въ жизни мнѣ готовы.
 Въ привязанность не вѣрю я давно;
 Мнѣ докторомъ вино запрещено...
 Чтобъ въ жизнь явиться съ новою отвагой,
 Мнѣ остается, кажется, быть скрягой.

ССХVII.

А честолюбье? Идолъ тотъ разбить
 Предъ алтаремъ Блаженства и Страданья
 И ихъ печать теперь на мнѣ лежитъ.
 Какъ Бэкона-монаха изваянье,
 Изъ бронзы отлитая голова,
 Я повторяю мудрыя слова,
 Что «время есть, и было и пропало»... ²⁸
 Отъ пѣсенъ и любви душа устала.

ССХVIII.

Чѣмъ можно славу въ мѣрѣ заслужить?
 Тетрадами исписанной бумаги?
 Придумали съ холмомъ ее сравнить,
 Куда мы дѣземъ, голодны и наги.
 И люди пишутъ, бьются, говорятъ,
 И барды сладкогласные творятъ
 Затѣмъ, чтобы остаться въ этомъ свѣтѣ
 На книжной полкѣ иль въ плохомъ портретѣ.

ССХІХ.

Египта царь — Хеопсъ соорудилъ
 Для дива всѣхъ столѣтій пирамиду
 И мумію свою въ ней схоронилъ.
 И что-жь — какую вынесъ онъ обиду!
 Пришлецъ его гробницу увидалъ
 И дерзкою рукою изломалъ...
 Хеопса прахъ развѣянный жалѣя,
 Не будемъ ждать напрасно мавзолея. ²⁹

ССХХ.

Я, какъ мудрецъ, произношу слова:
 «Все что родится—послѣ умираетъ
 И тѣло наше гибнетъ, какъ трава»...
 Ты прожилъ жизнь, но если бы—кто знаетъ?—
 Опять ты могъ назадъ ее вернуть —
 Она свершила бь тотъ же самый путь,
 А потому за жизнь молись заранѣ,
 Да сберегай свой кошелекъ въ карманѣ.

ССХХІ.

Теперь же, господа, пора кончать
 И, избѣгая фразъ и пустословья,
 Въ послѣдній разъ позвольте руку сжать
 И пожелать вамъ добраго здоровья.
 Когда одинъ другого мы поймемъ,
 То встрѣтимся когда нибудь потомъ,
 А нѣтъ—тогда, чтобъ не дразнить терпѣнья,
 Тѣмъ и закончу длинное творенье.

ССХХІІ.

«Иди, мой трудъ, и въ міръ земныхъ тревогъ

«Пусть волны унесутъ страницы эти...

«Когда тобой я вдохновлягься могъ,

«То много лѣтъ ты будешь жить на свѣтѣ».

Стихъ Саути всѣ могутъ же читать,

Могу и я о славѣ помечтать...

Четыре жь первыхъ строчки... Строчки эти

У Саути я взялъ въ одномъ куплетѣ.

ПѢСНЯ ВТОРАЯ.

I.

Наставники намъ всѣмъ извѣстныхъ странъ!
Чтобъ нравственность исправить молодѣжи,
Искореняйте розгами обманъ.
Сѣчь нужно, сѣчь... Что значитъ боль для кожи?
Мы для примѣра можемъ указать
На нашего героя: много мать
О воспитаньи сына хлопотала,
И — что жь? — одно раскаянье узнала.

II.

Но если бъ былъ онъ въ школу помещонъ
Въ четвертый или третій классъ, тогда бы
Свои мечты въ трудахъ покинулъ онъ
(На сѣверѣ порывы страсти слабы).
Но подъ испанскимъ солнцемъ, можетъ-быть,
Не такъ легко за юностью слѣдить,
И Донъ-Жуанъ, съ женой поссоривъ мужа,
Учителей сбиль съ толку... Почему же?

III.

Лишь я одинъ дивиться тутъ не могъ,
 Когда узналъ подробно это дѣло:
 Была съ нимъ мать-филосовъ, педагогъ,
 (Его осломъ назвать мы можемъ смѣло)
 Хорошенькая женщина (она,
 Понятно, и была во всемъ грѣшна),
 Мужъ старый, на жену смотрѣвшій тучей,
 И, наконецъ, помогъ счастливый случай.

IV.

Вертись же міръ вокругъ оси — и съ тобой
 Мы всѣ должны вертѣться, словно тѣни,
 Жить и любить и умирать гурьбой
 И... подати выплачивать и пени.
 Хранить насъ власть, терзаютъ доктора...
 Такъ жизнь пройдетъ — и въ землю лечь пора;
 Такъ жизнь пройдетъ: вино, любовь, забавы
 И, можетъ-быть, по смерти лавры славы.

V.

Жуанъ былъ посланъ въ Кадиксъ, я сказалъ.
 О Кадиксѣ люблю воспоминанье.
 Онъ ярмаркой своею щеголялъ,
 Покамѣстъ въ Перу не было возстанья.
 А сколько чудныхъ дѣвочекъ есть тамъ!
 (Хотѣлъ сказать я: сколько чудныхъ дамъ!)
 Походка ихъ — съ ума сведетъ въ мгновенье.
 Съ чѣмъ ихъ сравню? И гдѣ найду сравненье?

VI.

Сравнить ли ихъ съ арабскимъ свакуномъ?
 Съ оленемъ стройнымъ? съ легкою газелью?
 Нѣтъ, всё сравненья слабы... А потомъ —
 Вуаль ихъ и баскина! Съ этой цѣлью
 Я написалъ бы много, много строфъ.
 А ножки ихъ? Я радъ, что не готовъ
 Придумать имъ метафоры цвѣтистой...
 (О, Муза! будь стыдливою и чистой.

VII.

Согласна? Да? и такъ — впередъ.) Вуаль
 Назадъ отброшенъ рукою прелестной,
 А жгучій взглядъ пронзаетъ грудь, какъ сталь,
 И будитъ въ сердца трепеть... Край чудесный!
 Когда тебя рѣшусь я позабыть,
 Пусть не могу... молитвы сотворить.
 Костюмъ испанскій — полонъ ты приманки,
 Какъ и вуаль иной венеціанки. ¹

VIII.

Инесой въ Кадиксъ посланъ былъ Жуанъ
 Лишь съ цѣлью путешествія морского.
 Инесою задуманъ этотъ планъ —
 Понятенъ смыслъ рѣшенія такого:
 Корабль для сына долженъ былъ играть
 Роль Ноева ковчега и спасать
 Его отъ всякаго соблазна и разврата
 И чистоту беречь въ немъ до возврата.

IX.

Жуанъ слугѣ велѣлъ собираться въ путь,
 Взялъ кошелекъ и слушалъ наставленья:
 Онъ на четыре года ѣхалъ. Грудь
 Инесы разрывалась, безъ сомнѣнья.
 (Вѣдь всякая разлука тяжела.)
 Въ спасенье сына вѣря, мать дала
 Ему рядъ мудрыхъ, письменныхъ совѣтовъ
 И... не забыла банковыхъ билетовъ.

X.

Межь-тѣмъ, чтобъ время кое-какъ убить,
 Вдова въ воскресной школѣ занималась:
 Она мальчишекъ `начала учить
 И ихъ спасти отъ рѣзвости старалась.
 Въ тотъ день читать учились шалуны
 И розги получали за вины.
 Успѣхъ въ развити Донъ-Жуана много
 Помогъ развить въ ней смѣлость педагога.

XI.

И вотъ Жуанъ на кораблѣ летитъ.
 Попутный вѣтръ и ропоть непогоды...
 Заливъ Кадикскій дьявольски бурлитъ —
 Я съ нимъ знакомъ еще въ иные годы:
 Стоишь — внизу за валомъ валъ бѣжитъ
 И брызгами лицо твое кропитъ.
 Такъ съ палубы Жуанъ въ тотъ день ненастный
 Шепталъ «прости!» — странѣ своей прекрасной.

XII.

Да, тяжело смотрѣть, какъ край родной
 Въ туманномъ горизонтѣ исчезаетъ,
 А насъ пугаетъ море глубиной...
 Кто юнъ еще — тутъ голову теряетъ.
 Я помню: покидалъ я Альбионъ
 Лишь въ первый разъ; — въ дали казался онъ
 Мнѣ бѣлой лентой въ водяной пустынь, —
 Всѣ берега другіе были — сини.

XIII.

Жуанъ въ тоскѣ на палубѣ стоялъ.
 Корабль трещалъ, вылъ вѣтеръ разъяренный,
 И городъ наконецъ изъ глазъ пропалъ
 И ужъ казался точкой отдаленной...
 Ахъ, отъ морской болѣзни, господа,
 Биштексъ — одно спасенье!... Никогда
 Не смѣйтесь въ морѣ надъ моимъ совѣтомъ:
 На опытѣ я убѣдился въ этомъ.

XIV.

На берега смотрѣлъ Жуанъ съ кормы —
 Они въ дали неясной исчезали.
 Не справимся съ разлукой первой мы,
 Какъ воины, которые попали
 Въ край, имъ чужой. Необъяснимый гнетъ
 Лежитъ на сердцѣ, горе насъ сосетъ,
 И даже тѣ, кого мы не любили,
 При разставаньи дороги намъ были.

XV.

А Донъ-Жуанъ о многихъ могъ страдать:
 Онъ кинулъ мать, любовницу, — къ тому же
 Онъ отъ жены не думалъ убѣгать,
 И потому разлука вдвое хуже
 Ему казалась. Если мы безъ слезъ
 Не бросимъ тѣхъ, съ кѣмъ въ ссорѣ жить пришлось,
 То милымъ сердцу шлемъ свои рыданья
 И помнимъ ихъ до новаго страданья.

XVI.

Жуанъ рыдалъ, какъ плѣнный іудей,
 Припомнившій Сіонскій берегъ живо.
 Я бѣ самъ заплакалъ съ музою моею,
 Но эта муза къ счастью не плаксива...
 Нѣтъ, не убьетъ подобная печаль.
 Пусть молодежь отъ скуки ѣздитъ въ даль,
 И эта пѣсня — думаю заранѣ —
 Найдется, можетъ-быть, въ ихъ чемоданѣ.

XVII.

Жуанъ рыдалъ, ручьи соленыхъ слезъ
 Въ соленомъ морѣ тихо исчезали —
 «Прекрасное къ прекрасному» (я взрость,
 Любя цитаты; эту вы слышали
 Отъ датской королевы, свой вѣнокъ
 Сложившей надъ могилою у ногъ
 Офеліи); онъ въ думу погрузился
 И навсегда исправиться рѣшился.

XVIII.

«Прости, мой край!» воскликнулъ Донъ-Жуанъ.
 «Въ толпѣ другихъ изгнанниковъ несчастныхъ,
 Быть-можетъ, я умру средь чуждыхъ странъ
 Съ одной мечтой о берегахъ прекрасныхъ.
 Гвадалквивиръ, мать милая! Прости,
 О, Юлія!... Одинъ я на пути»...
 (Тутъ вынулъ онъ письмо ея и снова
 Прочелъ его отъ слова и до слова.)

XIX.

«Забыть тебя? Нѣтъ, прочь бѣги, обмань!...
 Забвенье не поможетъ никогда намъ...
 Скорѣй затопить землю океанъ,
 'Сольется воздухъ самый съ океаномъ,
 Чѣмъ образъ твой разстанется со мной...
 Лекарства нѣтъ душѣ моей больной»...
 (Но тутъ корабль ужасно сталъ качаться
 И Донъ-Жуанъ въ болѣзни могъ признаться.)

XX.

«Скорѣй весь міръ»... (Онъ очень боленъ сталъ)
 «О, Юлія, тебя ни на минуту...
 (Ликеру мнѣ, пока я не упалъ!
 Мой Педро, помоги сойти въ каюту.)
 О, Юлія!... (Скорѣе, Педро-плутъ!)
 О, Юлія! (Ахъ, что за качка тутъ!)
 Пусть голосъ мой для милой будетъ сладокъ»...
 (Но тутъ случился съ нимъ морской припадокъ.)

XXI.

То былъ недугъ, котораго — увы! —
 Не постребитъ лекарствами аптека,
 Когда любовь бѣжитъ изъ головы
 И пропадаютъ страсти человѣка,
 Когда мы цѣнимъ только лишь себя,
 Не вѣря, не надѣясь, не любя...
 Жуана рѣчь была хоть патетична,
 Но качкою смирился онъ отлично.

XXII.

Любовь капризна. Часто ей смѣшна
 Горячка страсти, полная причуды,
 Порою же теряется она
 Отъ насморка и горловой простуды.
 Подобный незначительный недугъ
 Въ ней порождалъ и слабость и испугъ.
 Не глупо ли, скажите, въ часъ свиданья
 Вздохъ перервать для пошлаго чиханья?

XXIII.

Но рвоты богъ любви не выносилъ:
 Любовь со рвотой врядъ ли уживется.
 Любовь пойдетъ смотрѣть на вскрытыя жилы,
 А отъ припарки теплой отвернется.
 Болѣзнь морская — гибель для любви,
 И хоть Жуанъ огонь имѣлъ въ крови,
 Но страсть слаба предъ силою желудка:
 Да, на морѣ волненіе — не шутка.

XXIV.

Въ Ливорнскій портъ корабль съ Жуаномъ плыль
 (Корабль носилъ названье «Trinidad»)

За тѣмъ, что тамъ съ времянь давнишнихъ жилъ

Жуана старый родственникъ Монкада.

Къ нему-то онъ въ знакъ родственныхъ связей

Въ Испаніи взялъ письма отъ друзей,

Которые въ Италію писали,

Въ тотъ день, когда Жуана провожали.

XXV.

Жуана кромѣ слугъ сопровождалъ

Педрильо, гувернеръ и мужъ учоный;

Хоть много языковъ онъ понималъ,

Теперь безъ языка былъ и смущонный

На койкѣ опрокинувшись лежалъ,

Кляня со стономъ каждый новый валъ.

Къ тому жь волна сквозь палубу влетала

И пѣною Педрильо обдавала.

XXVI.

А вѣтеръ крѣпъ и къ ночи дулъ сильнѣй,

И новичкамъ казалось страшно море.

Одинъ морякъ привыкъ дышать волюнѣй

Во время бурь, шумящихъ на просторѣ.

Мрачнѣе становились небеса

И моряки снимали паруса,

Чтобъ буря разомъ мачты не сломала

И по кускамъ въ волнахъ не разбросала.

XXVII.

Въ часъ вѣтеръ измѣнился. Бѣлый валъ
 Корабль встряхнулъ ударомъ страшнымъ сзади,
 Потрясъ корму, стернь-постъ на ней сорвалъ:
 Открылась брешь въ пловучей той громадѣ,
 И прежде чѣмъ пловцы взялись за умъ —
 Руль сорванъ былъ и набѣжало въ трюмъ
 Воды на цѣлые четыре фута.
 Скорѣе къ помпамъ! страшная минута!...

XXVIII.

Часть экипажа къ помпамъ налегла;
 Другіе грузъ выбрасывали въ воду.
 Нашли и брешь, но эта брешь была,
 Къ несчастью бѣдняковъ, такого роду,
 Что гибель судна сдѣлалась ясна:
 Врывалась въ брешь свирѣпая волна;
 Хотя туда товаровъ складъ бросали,
 Но массы волнъ ничѣмъ не удержали.

XXIX.

Всѣ хлопоты бѣдѣ не помогли
 И пассажирамъ гибель угрожала;
 Но помпы ихъ на этотъ разъ спасли.
 Всѣмъ морякамъ безъ нихъ бы плохо стало:
 Посредствомъ ихъ выкачивали въ часъ
 Воды ужасно много, и для насъ
 Должно быть славно имя сэра Мэнна: ²
 Изобрѣтеніе помпъ — весьма почтенно.

XXX.

День наступилъ и вѣтеръ сталъ стихать;
 Явилася надежда на спасенье,
 Хотя вода не стала убывать
 И помпы не оставили движенья.
 Но къ вечеру шиваль новый начался,
 Канатъ на пушкахъ съ громомъ порвался,
 Громадный валъ на палубу низринуть —
 Корабль былъ разомъ на бокъ опрокинуть

XXXI.

И такъ лежалъ. Вода изъ трюма въ декъ
 Вдругъ перешла и тамъ открылись сцены,
 Которыхъ не забудетъ человѣкъ,
 Какъ дни войны, пожаровъ и измѣны,
 Какъ все, что будитъ жалость до конца:
 Разбитыя надежды и сердца...
 Намъ рисовали часто сцены эти
 Скитальцы, долго жившіе на свѣтѣ.

XXXII.

Двѣ мачты были срублены тотчасъ;
 Но на боку лежалъ корабль разбитый,
 Какъ истуканъ. Надежды лучъ угасъ...
 Еще одинъ осталься путь открытый:
 Вотъ срублены фокъ-мачта и бугшпритъ,
 (Хоть ими экипажъ весь дорожитъ —
 И рубить ихъ лишь въ крайности несчастной)
 Корабль поднялся съ силою ужасной.

XXXIII.

А между тѣмъ весь корабельный міръ
 Не могъ спокойно бурей любоваться;
 Не могъ желать печальный пассажиръ
 Съ привычками и съ жизнію разстаться.
 И даже самый опытный морякъ,
 Предвидя смерть, сталъ дисциплины — врагъ.
 Всѣ моряки въ чаду такой тревоги
 Лишь думаютъ о ромѣ или грогѣ.

XXXIV.

Ни что не успокоитъ такъ умы,
 Какъ ромъ и... вѣра. Тоже здѣсь случилось:
 Кто пилъ вино, кто распѣвалъ псалмы;
 Въ визгливыхъ нотахъ буря дико злилась;
 Ревѣло море грозное вокругъ;
 Страхъ подавилъ во всѣхъ морской недугъ;
 Молитвы и проклятья раздавались
 И съ хоромъ волнъ клопочущихъ сливались.

XXXV.

Чтобъ экипажъ отъ пьянства удержать,
 Одинъ Жуанъ нашолся въ ту минуту:
 Рѣшился съ пистолетами онъ стать
 У входа въ злополучную каюту.
 Толпа стоитъ, препятствіе кляня,
 Какъ будто смерть страшнѣе отъ огня,
 Чѣмъ отъ воды. Безумцы оробѣли
 И умереть нетрезвыми хотѣли.

XXXVI.

«Дай грогу намъ!» они ему кричатъ:
 «Мы черезъ часъ всѣ будемъ мертвецами».
 Но имъ, грозя, Жуанъ сказалъ: «Назадъ!
 Пусть мы умремъ, но не умремъ—скотами!»
 Онъ постъ опасный смѣло сохранялъ,
 Но выстрѣлъ пистолета всѣхъ пугалъ
 И самому Педрильо-педагогу
 Не позволялъ онъ выдать капли грогу.

XXXVII.

Старикъ, вполнѣ испытывая страхъ,
 Слалъ скорбныя стenanія къ отчизнѣ.
 Онъ каялся во всѣхъ своихъ грѣхахъ
 И далъ обѣтъ объ измѣненьи жизни,
 Клялся — что онъ забудетъ цѣлый свѣтъ,
 Запрется въ свой учоный кабинетъ,
 Что странствовать пропала въ немъ охота —
 Подобно Санчо-Пансѣ Донъ-Кихота.

XXXVIII.

Надеждою живутъ еще сердца.
 Днемъ вѣтеръ стихъ, но течь не уменьшалась.
 Вкругъ — отмели и море безъ конца.
 Но судно на водѣ еще держалось,
 Хоть бесполезно дѣйствовалъ насосъ;
 Когда же солнце въ небѣ поднялось,
 Кто былъ сильнѣй — работать къ помпамъ стали,
 Кто по-слабѣй, тѣ паруса собирали.

XXXIX.

И вотъ подъ киль поддѣли паруса...
 Хоть смерть для всѣхъ являлась неизбѣжной:
 Корабль разбитъ, темнѣютъ небеса
 И океанъ волнуется безбрежный;
 Но все-таки еще возможенъ путь.
 Вѣдь, никогда не поздно утонуть!
 Хоть, впрочемъ, каждый смерти ожидаетъ,
 А потопленья вовсе не желаетъ.

XL.

И носятся пловцы впередъ и взадъ
 Въ волненіи Ліонскаго залива,
 И кораблемъ подъ громовой раскатъ
 Лишь только вѣтры правятъ прихотливо.
 Никто не зналъ, что будетъ черезъ часъ —
 Смерть, или жизнь? но все жь судьба пеклась
 О корабль: держался онъ ужь сутки
 И плылъ немногимъ только хуже... утки.

XLI.

Хоть вѣтеръ стихъ, но кто же вѣрить могъ
 Въ спасеніе? — вокругъ волны разбѣгались...
 Была еще причина для тревогъ:
 Всѣ безъ воды остаться опасались —
 И стали воду меньше истреблять...
 Напрасно даль старались озирать —
 Ни точки нѣтъ въ безбрежномъ океанѣ,
 Лишь ночь плыветъ, да волны бьютъ въ туманѣ.

XLII.

Вдругъ непогода снова началась;
 Весь трюмъ кругомъ ужь залитьъ былъ водою,
 Но экипажъ былъ бодръ на этотъ разъ,
 Какъ будто онъ сжился съ своей бѣдою.
 Когда жь всѣ цѣпи лопнули — вода
 Со всѣхъ сторонъ нахлынула, тогда
 Корабль сталъ гибнуть... Волны также злобны,
 Какъ люди въ дни войны междоусобной.

XLIII.

Съ слезами плотникъ старый объявилъ,
 Что ужь теперь онъ не поможетъ горю.
 Онъ много испыталъ и много жилъ
 И съ раннихъ лѣтъ имѣлъ привычку къ морю,
 И если онъ заплакалъ въ этотъ часъ,
 То не отъ страха слезы шли изъ глазъ:
 У бѣдняка жена была и дѣти —
 Ихъ не легко покинуть намъ на свѣтѣ.

XLIV.

Часть корабля ужь начала тонуть.
 Все вокругъ смѣшалось... Слышались моленья,
 Обѣты (ахъ! едва ли кто нибудь
 Обѣты тѣ приводитъ въ исполненье...)
 Иные къ лодкамъ бросились. Одинъ
 Передъ Педрильо сталъ, какъ грѣшный сынъ,
 Вслухъ каяться—молить объ отпущеньи:
 «Поди ты къ чорту!» тотъ сказалъ въ смущеньи.

XLV.

Тѣ — надѣвали лучшій свой нарядъ,
 Другіе къ койкамъ тѣло подвязали,
 Иные, призывая смерть и адъ,
 Неистово зубами скрежетали;
 Иные суетились и, челнокъ
 Спуская въ море, думали, что могъ
 Онъ выдержать и бурю и волнение,
 Что къ берегу примчитъ его течение.

XLVI.

Но у пловцовъ была еще бѣда
 И съ ней сильнѣй казалось наказанье:
 Нужна была имъ пища и вода,
 Чтобъ облегчить хоть нѣсколько страданье;
 Ихъ и предъ смертью голодъ устранилъ...
 Весь экипажъ лишь только сохранилъ
 Для катера — надежда ихъ не гасла —
 Двѣ бочки сухарей и кадку масла.

XLVII.

Взялись за шлюбку — также и туда
 Положенъ хлѣбъ, попорченный въ дорогѣ,
 Вино въ шести бутылкахъ и вода
 Въ одномъ боченкѣ. Удалось въ тревогѣ
 Изъ трюма взять часть мяса и притомъ
 Часть поросенка схвачена съ трудомъ
 (Хоть прибыли не много въ поросенкѣ)
 И, наконецъ, былъ ромъ у нихъ въ бочонкѣ.

XLVIII.

Двѣ остальные лодки межъ зыбей
 Разбиты были... волны ихъ умчали.
 И въ самой шлюбкѣ толку мало: въ ней
 Два одѣяла парусъ замѣняли,
 А вмѣсто мачтъ нашлось весло одно...
 Толпа стремилась въ катеръ, въ шлюбку, но
 Они держать въ себѣ не въ силахъ даже,
 Къ несчастью, половины экипажа.

XLIX.

Сгущалась тьма надъ бездной водяной;
 Угрюмый день висѣлъ надъ ней покровомъ;
 Подъ нимъ скрывался образъ роковой,
 Готовый мстить въ величїи суровомъ;
 Бросала ночь свой тусклый, мертвый взоръ
 На смерть пловцовъ и на морской просторъ.
 Двѣнадцать дней душа людей томилась,
 Но вотъ и смерть безстрашная явилась.

L.

Въ отчаяннїи хотѣли сдѣлать плотъ,
 Какъ будто могъ онъ на водѣ держаться;
 Могъ возбудить бы смѣхъ поступокъ тотъ,
 Когда бъ межъ нихъ рѣшился кто смѣяться...
 Нѣтъ, только тѣмъ картина та смѣшна,
 Кто хохоту предался отъ вина,
 Кто одержимъ болѣзнію падучей:
 Могли спасти ихъ — чудо или случай.

LI.

Чтобъ долѣе держаться на водѣ,
 Бросали въ волны бруссы, клѣтки; бревна...
 Хотя спасенья не было нигдѣ,
 Но смерть никто не встрѣтилъ хладнокровно.
 На небѣ тѣма и мракъ лежитъ густой.
 Два бота въ путь отправились съ толпой.
 Корабль нырнулъ, успѣлъ еще подняться
 И... началъ тихо въ море погружаться. :

LII.

И вырвался ужасный, дикій крикъ:
 Кричали трусы, храбрые молчали;
 Иные въ волны бросились въ тотъ мигъ,
 Какъ будто смерть предупредить желали —
 И море пасть раскрыло, словно адъ...
 Приливу волнъ корабль былъ точно радъ:
 Такъ человекъ въ борьбѣ изнемогаетъ,
 Но задушить врага еще желаетъ.

LIII.

Послѣдній крикъ отчаянія былъ
 Сильнѣй, чѣмъ громъ, чѣмъ ропотъ океана —
 И вновь все стихло... Вѣтеръ только вылъ,
 Да волны голосили. Изъ тумана
 Порою доносился смертный стонъ
 Пловца, когда въ борьбѣ напрасной онъ
 Послѣднимъ крикомъ съ жизнію прощался
 И власти волнъ холодныхъ отдавался.

LIV.

Часть экипажа въ боты перешла,
 Но впереди надежды было мало:
 Какъ прежде, въ морѣ буря ихъ ждала,
 Какъ прежде, непогода бушевала,
 И береговъ нигдѣ не встрѣтитъ взглядъ;
 А въ лодкахъ помѣстились густо въ рядъ
 До сорока несчастныхъ, что не мало
 Опасный путь на морѣ затрудняло.

LV.

Всѣ остальные — канули на дно:
 Душъ до двухъ-сотъ нашли могилу въ морѣ...
 Католикамъ — извѣстно всѣмъ давно —
 Такая смерть ужь потому есть горе,
 Что месса грѣхъ отпуститъ мертвецамъ
 Черезъ много дней, когда по всѣмъ концамъ
 О смерти ихъ вѣсть будетъ разноситься:
 Никто не станетъ ранѣ молиться.

LVI.

Жуанъ былъ въ шлюбкѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ
 Старикъ Педрильо и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.
 Ихъ роли измѣнились вдругъ. Глядѣлъ
 Жуанъ отважно, съ видомъ очень смѣлымъ;
 Но смѣлостью похвастаться не могъ
 Испуганный, трусливый педагогъ;
 А Тита вовсе не было на лодкѣ:
 Онъ утонулъ, напившись слишкомъ водки.

LVII.

И съ Педро та жь бѣда случилась. Онъ,
 Предавшись пьянству очень безразсудно,
 Былъ въ ту минуту въ море унесенъ,
 Когда хотѣлъ вступить ногою въ судно.
 И такъ, нашолъ онъ смерть... въ водѣ съ виномъ.
 Спасти его хотѣли, но кругомъ
 Волна все выше, выше поднималась,
 А въ шлюбокѣ мѣста больше не осталось.

LVIII.

Тутъ стала выть, предвидя свой конецъ,
 Испанская собачка Донъ-Жуана.
 (Собачку ту любилъ его отецъ.)
 Она погибель чувствовала рано
 И выла всё (у псовъ вѣдь чуткій носъ);
 Но былъ спасенъ Жуаномъ вѣрный песъ:
 Швырнулъ его онъ въ шлюбку торопливо
 И послѣ самъ въ ней помѣстился живо.

LIX.

Онъ деньгами успѣлъ набить карманъ,
 Въ карманъ Педрильо сунулъ деньги тоже;
 Тотъ дѣлалъ все, что пожелалъ Жуанъ,
 И въ страхѣ повторялъ: «спаси насъ, Боже!»
 При брызгѣ волнъ не могъ онъ не трястись,
 Но Донъ-Жуанъ еще мечталъ спастись
 И охранялъ на суднѣ томъ убогомъ
 Испанскую собачку съ педагогомъ.

LX.

Въ ночь вѣтеръ дулъ такъ сильно, что межъ волнъ
 Громадныхъ даже парусъ опускался
 И корабельный катеръ, словно чолнъ,
 Нырялъ въ волнахъ и пѣной обливался;
 За валомъ валъ крутился за кормой...
 Спасенья нѣтъ, путь скрытъ зловѣщей тьмой...
 Надежды, какъ и тѣло, леденѣли...
 И вдругъ на катеръ, возны налетѣли...

LXI.

Десяти душъ еще лишился свѣтъ.
 Но шлюбка на водѣ еще держалась...
 Изъ одѣяла парусъ; мачты нѣтъ:
 Она весломъ разбитымъ замѣнялась.
 Грозилъ смертию каждая волна;
 Опасность для пловцовъ была сильна.
 Они простились съ мертвыми друзьями
 И... бочкою погибшей съ сухарями.

LXII.

Кровавымъ встало солнце — вѣрный знакъ,
 Что непогода будетъ продолжаться.
 Капризу волнъ (то зналъ любой морякъ)
 Имъ оставалось только довѣряться.
 Для подкрѣпленья силъ была дана
 Всѣмъ порція — одинъ глотокъ вина;
 Подмокшимъ хлѣбомъ странники питались...
 Одни клочки отъ платья ихъ остались.

LXIII.

Ихъ было тридцать; въ страшной тѣснотѣ
 Они толпились въ лодкѣ и дрожали.
 Одни въ ней помѣщались стоя; тѣ,
 Всѣ синіе отъ холода, лежали,
 Но не затѣмъ, чтобъ отдыхъ находить...
 Такъ привелось имъ въ ботѣ этомъ плыть
 Подъ ревъ грозы. Крутился валъ за валомъ...
 Лишь сводъ небесъ служилъ имъ покрываломъ.

LXIV.

Желанье жить — жизнь можетъ сохранять.
 Ту истину врачи давно признали:
 Тотъ могъ недуги всѣ переживать,
 Кого любовь и дружба не терзали,
 Кто испытаній тяжкихъ не знавалъ
 И въ жизнь свою надежды не терялъ.
 Отчаянье есть врагъ выздоровленья
 И сокращаетъ жизнь и наслажденья.

LXV.

Имѣющій пожизненный доходъ
 Живетъ, я слышалъ, дольше, чѣмъ другіе;
 Иной безсмертенъ словно и живетъ,
 Не зная гроба — право, есть такіе! —
 И все растутъ итоги ихъ долговъ...
 Невольно вспоминаю здѣсь жидовъ.
 Я имъ долженъ когда-то безразсудно —
 Платить потомъ мнѣ было очень трудно.

LXVI.

И плившимъ въ ботѣ жизнь была мила.
 Чтобъ жизнь сберечь, они переносили
 Всѣ бѣдствія, упорны, какъ скала,
 Съ которой волны съ яростью скользили.
 Морякъ живетъ въ опасностяхъ свой вѣкъ,
 Съ тѣхъ поръ, какъ Ной, построивъ свой ковчегъ,
 Въ немъ по волнамъ бунтующимъ слонялся...
 (Престранный экипажъ тамъ помѣщался!)

LXVII.

Всѣ люди плотоядны и хотятъ
 Имѣть обѣдъ — разъ въ день, по-крайней-мѣрѣ,
 И человѣкъ всегда добычѣ радъ,
 Какъ дикій тигръ, акула, какъ всѣ звѣри.
 Растительную пищу иногда
 Хоть мы жуемъ, но человѣкъ труда,
 Работѣ долгой преданная масса,
 Предпочитаетъ этимъ блюдамъ — мясо.

LXVIII.

Такъ думали и наши моряки.
 На третьи сутки волны присмирѣли.
 Всѣ ожили, воскресли отъ тоски;
 Пріятный трепеть разлился въ ихъ тѣлѣ.
 Укачены струями тихихъ водъ,
 Какъ черепахи, спятъ они; но вотъ
 Проснулись всѣ: то голодъ пробудилъ ихъ —
 Сдержатъ ихъ жадность было ужъ не въ силахъ...

LXIX.

Послѣдствія понять не мудрено:
 Они съ ожесточеньемъ истребляли
 Весь свой запасъ — и пищу и вино:
 О будущемъ они не разсуждали.
 Надежда ихъ была еще сильна,
 Что принесетъ ихъ къ берегу волна,
 Но объ одномъ веслѣ они забыли...
 Надежды ихъ несбыточными были.

LXX.

Четвѣртый день — а въ морѣ таже гладь,
 Спитъ океанъ ребенкомъ безмятежнымъ,
 Не хочетъ вѣтеръ рѣзвый заиграть
 И небеса сверкаютъ блескомъ нѣжнымъ.
 Съ однимъ весломъ что дѣлать? вотъ вопросъ, —
 А между тѣмъ ихъ голодъ росъ и росъ
 И наконецъ Жуана песь несчастный
 Явился жертвой жадности ужасной.

LXXI.

Собачкою питались два дня;
 Хотя Жуанъ не ѣлъ ее сначала,
 Привязанность родителя цѣня,
 Но, одержимый голодомъ шакала,
 Отъ трапезы теперь не уходилъ
 И лапку пса съ Педрильо раздѣлилъ;
 Тотъ, проглотивъ ее неосторожно,
 Просилъ еще прибавки, если можно.

LXXII.

Прошло семь дней, а вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ.
 Подъ жгучимъ солнцемъ трупами сидѣли
 Пловцы: отъ пищи ихъ и самый слѣдъ
 Давно исчезъ. Глаза огнемъ горѣли,
 Ихъ видъ зловѣщей дикостью пугалъ
 И, хотъ никто ни слова не сказалъ,
 Но страстью канибальскою сверкали
 Ихъ волчьи взгляды... люди страшны стали.

LXXIII.

Одинъ шепнулъ другому что-то — тотъ
 Съ товарищемъ тихонько пошептался.
 Межъ ними ропотъ сдержанный растетъ
 И наконецъ зловѣщій звукъ раздался.
 Всѣ поняли, что мысль теперь одна
 Смугила ихъ, что эта мысль сильна,
 И порѣшили жребій кинуть смѣло
 И принести на жертву кровь и тѣло.

LXXIV.

Но передъ тѣмъ они между собой
 Обрывки кожи, обудъ раздѣлили
 И, наконецъ, измучены борьбой,
 Ужасный договоръ свой заключили.
 Для жребія билеты найдены:
 (О, Муза! здѣсь заплакать мы должны!)
 Для тѣхъ билетовъ (вотъ такъ злодѣянье!)
 Жуанъ лишонъ былъ Юліи посланья.

LXXV.

Билеты взяты — страшный мигъ насталъ.
 Всѣ въ молчаливомъ ужасѣ стояли:
 Въ нихъ даже голодъ дикій замолчалъ,
 Которымъ всѣ они сейчасъ страдали.
 Какъ Прометея коршунъ, онъ просилъ
 Кровавой жертвы этой... Избранъ былъ
 По жребію для злобы ненасытной
 Наставникъ Донъ-Жуана беззащитный.

LXXVI.

Педрильо объ одномъ лишь умолялъ,
 Чтобъ могъ онъ умереть кровопусканьемъ.
 Исполнилъ медикъ все, что онъ желалъ:
 Педрильо умеръ тихо, съ упованьемъ,
 Какъ истинный католикъ — даже могъ
 Поцаловать съ распятымъ образокъ,
 Подставилъ шею, молча поднялъ руки —
 И умеръ безъ страданія и муки.

LXXVII.

Хирургъ за трудъ свой могъ быть награжденъ
 Любимъ кускомъ отъ тѣла педагога,
 Но былъ сильнѣе жаждой мучимъ онъ
 И напился изъ вены крови много.
 Педрильо былъ раздѣленъ по кускамъ;
 Остатки въ море бросили и тамъ
 Голодные акулы ихъ ловили...
 Пловцы свой голодъ тѣломъ утолили.

LXXVIII.

Учитель съѣденъ былъ. Два-три пловца,
 Изъ всей толпы, питаться имъ не стали.
 А Донъ-Жуанъ до мяса мудреца
 Не прикоснулся даже. Онъ едва ли
 Рѣшился бъ утолить своей аппетитъ
 Наставникомъ и другомъ (что за стыдъ!)
 Хотя бъ и смерть голодная грозила:
 Жуана пища та не соблазнила.

LXXIX.

Онъ счастливъ былъ, что трупъ тотъ не глодалъ;
 Послѣдствія ужасныя открылись:
 Кружокъ пловцовъ вдругъ сумасшедшимъ сталъ;
 Проклятiя ихъ въ воздухѣ носились;
 Во всемъ цинизмѣ встала нагота —
 Они крутились съ пѣною у рта,
 Метались, зѣбами скрежетили
 И съ воплями гнѣны умирали.

LXXX.

Смерть сократила путниковъ число;
 Живущіе вдругъ памяти лишались,
 Что, можетъ-быть, на время ихъ спасло;
 Иные же несчастные собирались
 Еще другую жертву выбрать вновь
 И пожирать собрата плоть и кровь —
 И жадности послѣдствіе ни мало
 Безумцевъ одичавшихъ не пугало.

LXXXI.

Подшкиперъ жирный прежде всѣхъ привлекъ
 Ихъ жадный взоръ, но озираясь смѣло,
 Онъ по одной причинѣ храбро могъ
 Отъ челюстей сберечь свой жиръ и тѣло.
 Причина та: съ испанскихъ береговъ
 Уѣхавъ онъ и былъ не такъ... здоровъ.
 Одна испанка... не скажу, что было...
 Но моряка отъ смерти сохранила.

LXXXII.

Остатки отъ Педрильо берегли.
 Одни до нихъ дотронуться не смѣли,
 Иные же себя сдержатъ могли
 И понемногу мясо это ѣли.
 Одинъ Жуанъ межъ ними устоялъ:
 Жеваль камышъ или свинецъ сосалъ.
 Когда жь трехъ птицъ морскихъ они поймали,
 То трупъ кровавый больше не терзали.

LXXXIII.

Кого Педрильо участь поразить,
 Тотъ Уголино здѣсь припомнить можетъ,
 Какъ онъ надъ черепомъ врага сидитъ
 И этотъ черепъ съ жадностию гложетъ.³
 Когда въ аду врага мы можемъ съѣсть,
 То на морѣ еще возможность есть
 Позавтракать товарищемъ дорожнымъ:
 Голодному все кажется возможнымъ.

LXXXIV.

Въ ту ночь съ небесъ обильный дождь упалъ—
 И съ жадностью пловцы его глотали.
 Лишь тотъ водѣ хорошей цѣну зналъ,
 Кто плавалъ въ морѣ. Если вы бывали
 Среди пустынь безбрежныхъ, гдѣ вода
 Нужна, какъ жизнь, какъ воздухъ — лишь тогда
 Живительный напитокъ вы цѣнили
 И за него судьбу благодарили.

LXXXV.

Отраднѣй дождь лился, какъ изъ ведра;
 Но жажду имъ они не утоляли —
 Кусокъ холста помогъ имъ, и тогда
 Они его какъ губку напитали
 И выжимали послѣ этотъ сокъ.
 Хотя послѣднѣй каменьщикъ не могъ
 Доволенъ быть питьемъ такимъ съ избыткомъ,
 Пловцы же наслаждались тѣмъ напиткомъ.

LXXXVI.

Полопались сухія губы ихъ —
 И нектаромъ вода имъ представлялась —
 И языки распухшіе у нихъ,
 Какъ уголь, были черны: такъ писалось
 О богачѣ, который въ адъ попалъ
 И нищаго съ слезами умолялъ,
 Чтобы языкъ запекшійся и черный
 Онъ освѣжилъ водою благотворной.

LXXXVII.

Въ той группѣ находились два отца
 И съ каждымъ — сынъ. Въ одномъ кипѣла сила,
 Но дождался онъ смертнаго конца
 И умеръ вдругъ. Отецъ взглянулъ уныло
 И прошепталъ надъ сыномъ дорогимъ:
 «Да будетъ воля Божія надъ нимъ!»
 Потомъ 'смотря, слезой не выдавъ горя,
 Какъ сына трупъ исчезъ въ глубокомъ морѣ.

LXXXVIII.

Другой же мальчикъ былъ и слабъ и худъ,
 Съ прекрасными и нѣжными щеками;
 Несчастіе тяжелое и трудъ
 Дѣлилъ онъ терпѣливо съ моряками;
 Улыбкою печальною лица
 Желалъ, порой, утѣшить онъ отца,
 Въ которомъ замѣчалъ весь ужасъ муки
 Съ предчувствіемъ грозящей имъ разлуки.

LXXXIX.

Надъ мальчикомъ стоялъ его отецъ,
 Съ его лица не отводилъ онъ взгляда,
 Стирая пѣну съ губъ. Вотъ, наконецъ,
 Желанный дождь явился, какъ отрада,
 И мальчика стеклянный взоръ опять
 Надеждой оживился, сталъ блистать.
 Но дождевыя капли упали
 Не во время и силъ не возвращали.

ХС.

Онъ умеръ тоже. Долго милый трупъ
 Держалъ отецъ и все смотрѣлъ на сына,
 Когда же по изгибу мертвыхъ губъ
 Онъ понялъ все, то тяжкая кручина
 Тогда легла на сердце старика.
 Онъ все глядѣлъ на мертваго, пока
 Тотъ не исчезъ въ волнахъ, и рухнулъ разомъ,
 Какъ будто съ нимъ терялъ онъ жизнь и разумъ.

ХСІ.

Но вотъ на небѣ радуга взошла,
 Раскинувшись надъ синими волнами,
 И яркимъ свѣтомъ воздухъ залила...
 Въ той золотой и полукруглой рамѣ
 Все было такъ и ясно и тепло,
 И очертанье радуги текло
 По небесамъ... дуга перерывалась
 И, наконецъ, совсѣмъ изъ глазъ терялась.

ХСІІ.

Мѣнялась ты, небесъ Хамелеонъ!
 Воздушное дитя паровъ и свѣта,
 Ты пурпуромъ обвитое съ пелёнъ
 И въ золотѣ рожденное въ часъ лѣта,
 Блестящее, какъ солнечный разсвѣтъ,
 Ты всѣ цвѣта въ одинъ сливаешь цвѣтъ,
 Какъ глазъ подбитый въ очень жаркомъ спорѣ
 (Вѣдь маска не всегда есть на боксёрѣ).

ХСІІІ.

Хорошимъ знакомъ радуга была
 И моряки надѣялись заранѣ:
 Намъ древность тотъ обычай сберегла:
 Такъ думали и греки и римляне.
 Надежда возбуждаетъ бодрость въ насъ,
 Пловцы же въ ней нуждались въ этотъ часъ,
 И радуга — калейдоскопъ небесный —
 Явилась къ нимъ надеждою чудесной.

ХСІV.

Замѣтили они, что въ тотъ же часъ
 Надъ ними птица бѣлая летала,
 Похожая на голубя: не разъ
 Съѣсть прямо въ лодку къ нимъ она желала,
 Хоть видѣла, что тамъ сидитъ народъ;
 Она то взадъ носилась, то впередъ
 До самой ночи поздней: птицу эту
 Всѣ приняли за добрую примѣту.

ХСV.

Но все же птица сдѣлала умно,
 Что въ лодку къ нимъ спуститься не рѣшилась:
 Та лодка — не церковное окно,
 Гдѣ прежде, можетъ-быть, она гнѣздилась...
 Нѣтъ, еслибъ даже птица та была —
 Хоть голубь изъ ковчега, прожила
 Она не долго бѣ: голубь съ вѣткой мира
 Тотчасъ бы сталъ обѣдомъ пассажира.

ХСVI.

Подъ вечеръ сталъ сильнѣе вѣтеръ дуть,
 На небѣ темномъ звѣзды заблестали
 И лодка снова продолжала путь.
 Но всѣ пловцы теперь такъ слабы стали,
 Что ничего понять ужь не могли.
 То чудились имъ берега земли,
 То выстрѣлы изъ пушекъ раздавались,
 То будто волны въ скалы ударялись...

ХСVII.

Настало утро; вѣтеръ стихъ опять.
 Вдругъ закричалъ одинъ изъ нихъ и клялся,
 Что видитъ землю, можетъ различать,
 Какъ дальній берегъ солнцемъ освѣщался.
 Они глядятъ; раскрывъ глаза, впередъ.
 Уже-ль опять обманъ? Но ближе — вотъ
 Предъ ними точно берегъ открывался
 И все яснѣй, яснѣе рисовался.

ХСVIII.

Иные со слезами на глазахъ,
 Иные съ помѣшательствомъ смотрѣли,
 Надежду ихъ смѣнялъ невольно страхъ:
 Они какъ будто разомъ отупѣли.
 Иные же молились. Трехъ нашли
 Уснувшими, но только не могли
 Ихъ разбудить... Напрасно! Межь пловцами
 Они давно ужь стали мертвецами.

XCIX.

Предъ этимъ за день странники въ водѣ
 Большую черепаху вдругъ поймали.
 И ею сутки цѣлые въ нуждѣ
 Невыносимый голодъ утоляли.
 Та пища ихъ отъ гибели спасла
 И новыя надежды принесла.
 Всѣ думали, оправившись отъ страха,
 Что послана судьбой та черепаха.

C.

Они неслись къ скалистымъ берегамъ;
 Все выше, выше скалы выростали,
 Чѣмъ ближе приближались къ нимъ; но тамъ
 Край незнакомый люди увидали.
 Никто изъ нихъ тогда не понималъ,
 Куда принесъ ихъ прихотливый валъ:
 То думали, что Этну увидали,
 То Кипръ, Родосъ, но правды не узнали.

CI.

Межь тѣмъ къ землѣ теченье ихъ несло:
 Харонъ съ тѣнями въ лодкѣ плылъ, казалось.
 Надъ ними смерти вѣяло крыло —
 Ужь въ лодкѣ только четверо осталось
 И трое мертвыхъ; бросить ихъ въ потокъ
 По слабости никто теперь не могъ,
 Хоть двѣ акулы сзади ихъ играли
 И пѣною ихъ лица орошали.

СII.

Отчаяніе, холодъ, жажда, зной
 Такъ изсушили ихъ и истерзали,
 Что даже очи матери родной
 Между пловцами сына не узнали.
 Старая днемъ и замерзая въ ночь,
 Не всѣ могли мракъ смерти превозмочь;
 Водой морской себя они поили
 И муки ихъ еще страшнѣе были.

СIII.

И вотъ — земля!... Былъ восхищонъ ихъ взглядъ
 Роскошнымъ лѣсомъ, сочными вѣтвями,
 Съ которыхъ словно вѣялъ ароматъ...
 Имъ, видѣвшимъ такъ долго предъ глазами
 Лишь только знойный, жгучій неба сводъ
 Да яркій блескъ необозримыхъ водъ
 Соленой, грозной, мертвенной пучины,
 Прекрасными казались тѣ картины...

СIV.

Былъ берегъ дикъ; о скалы бился валъ;
 Но, въ радости, пловцы какъ помѣшались;
 Ихъ не страшилъ видъ грозныхъ этихъ скалъ:
 Они на встрѣчу къ нимъ теперь помчались..
 Хоть видѣнъ рифъ среди кипящихъ водъ,
 Но на него летѣлъ несчастный боть
 И — въ дребезги разбился онъ у цѣли:
 Отъ лодки только щепки полетѣли.

CV.

Но Донъ-Жуанъ отличнымъ былъ пловцомъ,
 Какихъ едва ли много въ этомъ мірѣ,
 И въ плаваньи служить могъ образцомъ,
 Наученный тому въ Гвадалквивирѣ.
 Онъ плавалъ хорошо и, можетъ-быть,
 Могъ Геллеспонтъ широкой переплыть,
 Какъ нѣкогда (тутъ скромность для чего же?)
 Черезъ Геллеспонтъ переплывалъ я тоже...

CVI.

И такъ, онъ плылъ измученный, больной..
 Съ послѣдними усиліями собрался,
 До крутизны высокой и прямой
 Онъ до ночи доплыть еще старался.
 Была еще опасность — отъ акулъ:
 Одинъ пловецъ отъ нихъ ужь утонулъ,
 Другіе плавать вовсе не умѣли —
 И лишь Жуанъ достигъ желанной цѣли.

CVII.

Но все-таки онъ былъ весломъ спасенъ,
 Которое до берега домчалось
 Въ тотъ самый мигъ, когда, слабѣя, онъ
 Терялъ сознанье. Къ счастью, попалось
 Тогда весло; рукой въ него вцѣпясь,
 Онъ вновь поплылъ, средь бурныхъ волнъ крутясь,
 И наконецъ измученнымъ, усталымъ —
 На берега былъ выброшенъ онъ валомъ.

CVIII.

Едва дыша, ногтями рукъ своихъ
 Впился онъ въ землю, полный опасенья,
 Чтобъ вновь напоръ свирѣпыхъ волнъ морскихъ
 Не утащилъ его въ свое теченье.
 Такъ безъ движенья долго онъ лежалъ.
 Передъ пещерою и ощущалъ
 На столько жизнь, чтобъ чувствовать страданья
 И впереди не видѣть упованья.

CIX.

Съ усилиемъ болѣзненнымъ онъ всталъ,
 Но рухнулъ вновь: безсильны были ноги;
 Онъ спутниковъ искать глазами сталъ,
 Съ которыми дѣлилъ свои тревоги:
 Одинъ изъ нихъ былъ брошенъ на уступъ,
 Но не живой: то былъ холодный трупъ;
 Два дня назадъ прошло, какъ онъ скончался,
 И вотъ теперь до берега домчался.

CX.

Жуанъ смотрѣлъ. Кружилась голова,
 Онъ вновь упалъ, въ глазахъ все помутилось,
 Его дыханье слышалось едва
 И вокругъ весла рука его обвилась.
 Какъ лилія поблекшая межъ скалъ,
 Болѣзненно-прекрасный онъ лежалъ...
 Какъ хороши и стройны формы эти?...
 Не много есть подобныхъ имъ на свѣтѣ...

СХІ.

Жуанъ не зналъ, какъ долго длился сонъ:
 Сознаніе и память въ немъ дремали.
 Не сознавалъ все это время онъ,
 Какъ дни и ночи мимо пролетали.
 Но обморокъ глубокой миновалъ,
 И Донъ-Жуанъ лишь смутно понималъ,
 Что въ немъ воскресли жизненные силы,
 Что устоялъ онъ у дверей могилы.

СХІІ.

Онъ открывалъ глаза и закрывалъ:
 Еще сомнѣнье сильно говорило.
 Ему казалось — въ лодкѣ онъ лежалъ,
 И вновь тоска тогда его давила,
 И звалъ онъ смерть на помощь, но потомъ
 Сталъ озираться медленно кругомъ —
 Глядитъ и видитъ, словно очарованъ,
 Прекрасной, юной дѣвушки лицо онъ.

СХІІІ.

Она надъ нимъ склонялася слегка
 И словно въ жизнь вернуться умоляла;
 Его ласкала нѣжная рука
 И отъ зловѣщей смерти отвлекала.
 Она его старалась разбудить
 И ласками вновь къ жизни возвратить,
 Его виски водой она мочила
 И — слабый вздохъ Жуана уловила.

СХІV.

Потомъ къ губамъ лекарство поднесла
 И тѣло обнаженное прикрыла
 И голову его приподняла:
 Ея щека подушкой послужила.
 Тихонько выжавъ воду изъ волосъ,
 Съ волненіемъ и взоромъ, полнымъ слезъ,
 Слѣдила за движеньями больного
 И вздохами красавца молодого.

СХV.

Съ прислужницей, которая была
 И старшихъ лѣтъ и менѣе красива,
 Она въ пещеру тихо отнесла
 Жуана соннаго... Въ пещерѣ живо
 Спѣшили развести огонь они.
 Когда въ пещерѣ вспыхнули огни,
 Та дѣвушка явилась въ тѣмѣ глубокой
 Красавицей прекрасной и высокой.

СХVІ.

На лбу ея повѣшенъ рядъ монетъ,
 Среди волосъ ихъ золото сверкало,
 Тѣ кудри сзади падали (ихъ цвѣтъ —
 Каштановымъ казался), доставала
 Ея коса почти до самыхъ пятъ...
 И царски повелителенъ былъ взглядъ.
 Своей осанкой гордой и пріятной
 Она вполне являлась дамой знатной.

CXVII.

Ея глаза — какъ смерть сама черны,
 И длинныя рѣсницы черны были;
 Рѣсницы тѣ казались такъ длинны,
 Что бахрамой для чудныхъ глазъ служили,
 И изъ подъ нихъ она глазами жгла,
 И тѣ глаза сверкали, какъ стрѣла
 Иль какъ змѣя, когда она проснулась
 И, показавши жало, развернулась.

CXVIII.

Чело ея сіяло бѣлизной,
 Румянцемъ щоки нѣжныя играли.
 А губка верхняя? О ней одной
 Такъ долго бы всѣ юноши мечтали!..
 Предъ женщиной подобной, наконецъ,
 Скульпторъ схватиться долженъ за рѣзецъ,
 Но я въ скульпторовъ также вѣрю мало,
 Какъ въ прелесть ихъ земного идеала.

CXIX.

Я говорю по опыту: я зналъ
 Ирландскую красавицу когда-то.
 Хотя рѣзецъ ее изображалъ,
 Но все, что къ красотѣ той было свято,
 То мраморъ передать собой не могъ...
 И такъ, пройдетъ годовъ условный срокъ,
 Появятся морщины на лицѣ томъ
 И красота забудется всѣмъ свѣтомъ.

СХХ.

Въ той незнакомкѣ таже красота.
 Нѣтъ строгости испанской въ платьѣ дамы:
 Во всемъ нарядѣ — яркіе цвѣта.
 Испанки же въ обычаѣ упрямы —
 Костюмъ ихъ простъ, въ немъ нѣтъ живыхъ цвѣтовъ,
 Но видя ихъ въ мантильѣ, я готовъ
 Сказать одно, что всѣ онѣ колдуньи
 И въ тоже время рѣзвыя шалуньи.

СХХІ.

На незнакомкѣ пышный былъ нарядъ,
 Вкругъ ткани разноцвѣтныя спадали,
 И въ локонахъ, отброшенныхъ назадъ,
 Каменья драгоцѣнные сверкали;
 Весь въ золотѣ кушакъ ея блисталъ,
 И кружевной вуаль съ нея спадалъ.
 Но главное, что неприлично было:
 Она въ туфляхъ босыя ножки скрыла.

СХХІІ.

Нарядъ другой былъ больше простъ. Она
 Блестящихъ украшеній не имѣла.
 Одежда этой женщины скромна;
 Лишь серебро въ кудряхъ ея бѣлѣло.
 Вуаль ея грубѣе; самый видъ
 Свободою величья не дивитъ;
 Не такъ длинна коса ея густая:
 Ея осанка болѣе простая.

СХХІІІ.

Тѣ женщины Жуану принесли
 Одежду и питье и окружили
 Заботами... Ахъ, женщины земли
 Въ заботахъ тѣхъ всегда прекрасны были!..
 Онѣ сварили страннику бульонъ.
 Хотя изъ пѣсень всюду изгнанъ онъ,
 Но со временъ Гомера это блюдо
 Для всѣхъ людей едва-ль казалось худо.

СХХІV.

Кто эти дамы? Тотчасъ объясню,
 Чтобъ за принцессъ вы ихъ не принимали.
 Какъ всѣ поэты, ставить западню
 Я не люблю: всѣ тайны скучны стали.
 И такъ, скажу я, правдой дорожа,
 Тѣ незнакомки были: госпожа
 Съ своей служанкой. Можетъ-быть, и странно —
 Ея отецъ жилъ въ морѣ постоянно.

СХХV.

Онъ рыбакомъ когда-то прежде былъ,
 Да и теперь отчасти имъ остался,
 Но промысломъ инымъ при этомъ жилъ,
 Хотя скрывать отъ всѣхъ его старался.
 Контробандистъ и нѣсколько пиратъ,
 Сталъ, наконецъ, довольно онъ богатъ,
 Имѣлъ пиастровъ груды. Деньги эти
 Приобрѣталъ не чисто онъ на свѣтѣ.

СХХVI.

Онъ былъ рыбакъ, ловящій... корабли.
 За ними онъ на ловлю отправлялся —
 Ему сопротивляться не могли:
 Онъ для купцовъ вездѣ грозой являлся.
 Богатый грузъ пиратъ конфисковалъ,
 Невольниковъ на рынокъ продавалъ
 И, кончивши съ успѣхомъ въ морѣ ловлю,
 Велъ въ Турціи богатую торговлю.

СХХVII.

Онъ грекомъ былъ. На островѣ своемъ
 (На островѣ все дикостью пугало)
 Построилъ онъ себѣ прекрасный домъ,
 Гдѣ старика удобство окружало.
 Онъ кровь людей не разъ, быть-можетъ, лилъ...
 Могу сказать — старикъ ужасенъ былъ;
 Но въ домикѣ ужаснаго пирата
 Все было и роскошно, и богато.

СХХVIII.

Имѣлъ онъ дочь, дочь эта — Гайде. Ей
 Соперницъ по богатству было мало;
 Но красотой плѣнительной своей
 Скорѣе всѣхъ богатствъ она плѣняла.
 Какъ южное растеніе, она
 Росла, заботъ и горя лишена.
 Хоть женихи руки ея искали,
 Но чувства Гайде все еще дремали.

СХХІХ.

Такъ вечеромъ, на берегу у скалъ,
 Она нашла Жуана: безъ движенья,
 Безжизненный онъ на землѣ лежалъ.
 Онъ былъ почти что нагъ и, безъ сомнѣнья,
 Обидѣться она была не прочь,
 Но вѣдь нельзя жь больному не помочь?
 Притомъ же Гайде быстро разглядѣла
 И кожи бѣлизну, и нѣжность тѣла.

СХХХ.

Но въ домъ она Жуана не несетъ.
 Тамъ для него такое же спасенье,
 Какъ для мышей, которыхъ видитъ котъ.
 Ея отецъ не знаетъ снисхожденья.
 Онъ, какъ арабъ, чтить гостя не готовъ,
 И если пустить странника подъ кровъ,
 То, излечивъ недуги осторожно,
 Продастъ его въ неволю, если можно.

СХХХІ.

И такъ, она за лучшее сочла
 (Такой совѣтъ служанка предложила),
 Чтобъ избѣжать несчастія и зла,
 Стеречь въ пещерѣ гостя. Полно было
 Ихъ сожалѣніе, когда раскрылъ
 Жуанъ глаза... Одинъ мудрецъ рѣшилъ,
 Что сожалѣнье, нѣжная забота,
 Намъ часто отворяютъ въ рай ворота.

СХХХІІ.

Онѣ огонь тотчасъ же развели,
 Двѣ-три доски разбитыхъ отыскались
 И на костеръ разложенный пошли.
 Отъ ветхости тѣ доски рассыпались
 И мачты, догнивавшія въ пыли,
 Похожи стали тамъ на костыли.
 Но къ счастью, обломковъ много было
 И для костра съ избыткомъ ихъ хватило,

СХХХІІІ.

Жуанъ уснулъ на дорогихъ мѣхахъ,
 Красавица сняла соболью шубку
 И, чтобъ теплѣй уснулъ онъ, въ торопяхъ
 Свернула въ одѣяло даже юбку.
 И вотъ онѣ собираться стали въ путь,
 Чтобъ утромъ вновь въ пещеру заглянуть,
 Чтобъ принести въ случайное жилище
 Для завтрака Жуана разной пищи.

СХХХІV.

И такъ, его оставили онѣ.
 Въ мертвецкѣй сонъ онъ тотчасъ погрузился,
 Но передъ нимъ въ его покойномъ снѣ
 Несчастій прежнихъ образъ не явился,
 Хоть иногда несчастья прежнихъ дней
 Проходятъ въ снахъ, какъ мрачный рядъ тѣней:
 Мы въ страхѣ просыпаемся отъ грезы
 И по щекамъ бѣгутъ ручьями слезы.

СXXXV.

Жуанъ безъ сновидѣній крѣпко спалъ,
 Но Гайде обернулась на мгновенье:
 Казалось ей, что онъ ее позвалъ
 И сдѣлалъ вдругъ какое-то движенье.
 Казалось ей (вѣдь сердце часто лжотъ,
 Какъ и языкъ), что онъ, раскрывъ свой ротъ,
 Въ просонкахъ имя Гайде повторяетъ,
 Хотя имя это вовсе онъ не знаетъ.

СXXXVI.

Задумавшись, пошла она въ свой домъ
 И обо всемъ молчать просила Зою.
 Но нужно ль ей напоминать о томъ?
 Она была постарше, а, порою,
 Два года въ жизни женщины иной
 Есть — цѣлый вѣкъ. Для Зои молодой
 Не даромъ пробѣжали эти годы
 Въ великой школѣ матери природы.

СXXXVII.

День разсвѣталъ, но все еще не могъ
 Жуанъ проснуться. Грезамъ не мѣшаетъ
 Вблизи его журчащій ручеекъ,
 Его покой лучъ солнца не смущаетъ,
 И могъ онъ спать въ беззвучной тишинѣ...
 Дѣйствительно, нуждался онъ во снѣ:
 По книгѣ дѣда ⁴ долго помнить стану
 Страданія, извѣстныя Жуану.

СXXXVIII.

Но Гайде спить тревожно. Иногда
 Она металась въ снахъ своихъ ужасныхъ.
 Ей грезились разбитыя суда
 И трупы многихъ юношей прекрасныхъ.
 Она отъ сна служанку подняла,
 Невольниковъ въ покой свой созвала
 И всѣ они никакъ не понимали,
 Что женскіе капризы выражали.

СXXXIX.

Чтобъ встать отъ сна у Гайде былъ предлогъ:
 Она восходы солнца полюбила.
 И, точно, всѣхъ плѣнилъ бы насъ востокъ,
 Когда восходитъ яркое свѣтило,
 Когда туманъ скользитъ едва-едва
 И небеса снимаютъ, какъ вдова,
 Ночной свой трауръ и въ лучахъ денницы
 Щебечуть и поютъ повсюду птицы.

СXL.

Я самъ влюбился въ солнечный восходъ
 И, хоть врачи всегда за то бранятся,
 Недавно ночь не спалъ я на пролѣтъ,
 Чтобъ солнечнымъ восходомъ любоваться.
 И такъ, спѣшу теперь предостеречь:
 Кто хочетъ жизнь и кошелекъ сберечь ⁵
 И страстію глубокой насладиться,
 Пусть вмѣстѣ съ пѣтухами спать ложится.

СХLІ.

И Гайде рано день свой начала.
 Ея лицо прекрасное пылало,
 Кровь къ головѣ мгновенно прилила
 И на щекахъ румянцемъ заиграла.
 Такъ иногда стремительный потокъ
 Скалу пробить теченіемъ не могъ,
 Преградою гранитною смирялся
 И озеромъ широкимъ разливался.

СХLІІ.

Внизъ со скалы красавица идетъ,
 Ея нога скользитъ по камнямъ скоро;
 Привѣтъ любви ей солнце съ неба шлетъ
 И съ ней въ уста цалуется Аврора.
 Ошибку эту можемъ мы понять:
 Какъ двухъ сестеръ, ихъ можно обожать,
 А двѣ горъ вдвойнѣ еще прелестна:
 Богиня хороша, но... безтѣлесна...

СХLІІІ.

Въ пещеру Гайде входитъ. Тихо спитъ
 Прекрасный гость. Она къ нему подкралась
 И съ трепетомъ за сномъ его слѣдитъ.
 (Сонъ всякій страшенъ). Гайде постаралась
 Еще теплѣ странника прикрыть
 И отъ дыханья вѣтра охранить.
 Потомъ она, безмолвна какъ могила,
 Надъ нимъ склонясь, дыханье затаила.

СXLIV.

Какъ херувимъ, стоитъ надъ нимъ она
 И охраняетъ ложе чужеземца.
 И спитъ Жуанъ, и чисты грезы сна,
 Какъ грезы задремавшаго младенца.
 Межь тѣмъ и завтракъ Зоя принесла
 (Та парочка нуждаться въ немъ могла)
 И берегла она по той причинѣ
 Запасную провизию въ корзинѣ.

СXLV.

Безъ пищи жить никто еще не могъ, —
 Благоразумно Зоя рассуждала
 И, чуждая любовныхъ всѣхъ тревогъ,
 Отъ утренняго холода дрожала,
 Потомъ готовить завтракъ начала:
 Она съ собой въ пещеру принесла
 Хлѣбъ, кофе, фрукты, рыбу, медъ — все это
 Являлось выраженіемъ привѣта.

СXLVI.

Готово все и Зоя въ этотъ часъ
 Уже будить Жуана подходила,
 Но Гайде взглядъ ей выразилъ отказъ,
 И дѣва пальчикъ къ губкамъ приложила.
 Когда же завтракъ сдѣланный простылъ,
 То приготовленъ новый завтракъ былъ.
 А сонъ Жуана все не прерывался
 И вѣчностью обѣимъ имъ казался.

СXLVII.

Онъ все еще на мягкомъ ложѣ спалъ;
 Его лицо румянецъ озаряетъ.
 Такъ иногда вершинамъ дальнихъ скалъ
 Послѣдній свѣтъ денница посылаетъ.
 Страданіемъ черты его полны,
 Въ его кудряхъ — слѣды морской волны,
 Морскою пѣной спереди и сзади
 Еще сверкали шолковыя пряди.

СXLVIII.

Она надъ нимъ склонилась. Онъ лежитъ,
 Какъ вѣтеркомъ нетронутая ива,
 Какъ океанъ, когда гроза молчитъ
 И онъ струится тихо и лѣниво.
 Онъ былъ хорошъ, какъ роза межъ цвѣтовъ,
 Какъ юный лебедь — словомъ, я готовъ
 Назвать его вполне красивымъ малымъ,
 Хоть былъ теперъ онъ желтымъ и усталымъ.

СXLIX.

Проснулся онъ и вновь бы могъ заснуть,
 Но дивное лицо предъ нимъ мелькнуло,
 И вновь ему хотѣлося взглянуть:
 Ужель его лишь грѣза обманула?..
 Прекрасныхъ лицъ Жуанъ не забывалъ,
 И даже если въ храмъ онъ стоялъ,
 То оставлялъ другія всѣ иконы
 Для образа божественной Мадонны.

CL.

Онъ на локтяхъ тогда приподнялся,
 Смотри на дѣву. Гайде растерялась;
 Въ ея лицѣ румянецъ разлился;
 И съ нимъ заговорить она старалась,
 И прошептала страннику въ тотъ мигъ
 (То былъ новѣйшій греческій языкъ),
 Что говорить не долженъ онъ ни слова,
 И предложила пищу для больного.

CLL.

По гречески Жуанъ не понималъ,
 Но эта рѣчь такъ нѣжно прозвучала,
 Какъ щебетанье птички. Онъ внималъ
 Той музыкѣ, которая ласкала,
 И нѣжила и крѣтко такъ лилась.
 Такіе звуки слезы будятъ въ насъ,
 И плачемъ мы, причины слезъ не зная,
 Тѣ звуки только сердцемъ понимая.

CLLl.

Онъ вокругъ глядѣлъ, какъ будто пробужденъ
 Былъ звуками незримаго органа.
 Такъ иногда обманываетъ сонъ;
 Пока насъ не разбудитъ отъ обмана
 Слуга, стучащій въ дверь... Ахъ, этотъ звукъ
 Мнѣ былъ невыносимѣ всѣхъ мукъ.
 Сонъ утренній люблю я... Въ ночи наши
 И женщины, и звѣзды вдвое краше!

CLIII.

Жуанъ очнулся. Сильный аппетитъ
 Героя скоро вызвалъ изъ забвенья,
 Притомъ же яствъ готовыхъ, мплой видъ
 Раздраживалъ въ немъ голодъ, безъ сомнѣнья,
 А также свѣтъ отъ яркаго костра
 Пріятно грѣлъ его... Пришла пора —
 Жуанъ о пищѣ думать начинаетъ:
 Особенно бифтексъ его плѣняетъ.

CLIV.

Но мясо очень рѣдко было тамъ;
 Хоть козы въ тѣхъ мѣстахъ и попадались,
 Но въ праздники одни по островамъ
 Тѣмъ рѣдкимъ мясомъ жители питались.
 На островахъ пустынно какъ въ глуши,
 Лишь кое-гдѣ мелькаютъ шалаши;
 Но островъ тотъ, гдѣ Донъ-Жуанъ нашъ спрятанъ,
 Былъ не таковъ: обиленъ и богатъ онъ.

CLV.

Я говорилъ о мясѣ — мнѣ межъ-тѣмъ
 О Минотаврѣ басня представлялась
 (Которая гнѣвитъ иныхъ: зачѣмъ
 Въ ней дама вдругъ въ корову обращалась?)
 И въ этой баснѣ смыслъ глубокой былъ:
 Тебя я, Пазифая, полюбилъ —
 Ученика скотовъ ты поощрала,
 И этимъ въ людяхъ храбрость возбуждала.

CLVI.

А англичане? Мясо — пища ихъ...
 (О пивѣ говорить я здѣсь не стану,
 И рассказы о жидкостяхъ другихъ
 Пожалуй, и нейдутъ совсѣмъ къ роману.)
 Притомъ, война — британцу дорога.
 Итакъ, по смыслу басня та строга.
 По милости ея, равно достойны
 Вниманія, какъ мясо, такъ и войны.

CLVII.

Воротимся къ Жуану. Донъ-Жуанъ,
 При видѣ пищи сочной, наслаждался
 И отъ восторга сдѣлался вдругъ пьянъ:
 Такъ долго онъ сыремъ однимъ питался.
 Дремавшій голодъ въ немъ заговорилъ;
 Онъ мысленно судьбу благодарилъ —
 И начали работать быстро скулы,
 Какъ у кита иль у морской акулы.

CLVIII.

Онъ ѣлъ ужасно. Гайде, словно мать,
 Ему въ занятъи этомъ не мѣшала,
 Но Зоя начала припоминать,
 (Она вѣдь книжекъ разныхъ не читала!)
 Что ѣсть голоднымъ много не даютъ
 И что они отъ пищи лишней мрутъ,
 Что нужно ихъ кормить какъ только можно
 Умѣренно и очень осторожно.

CLIX.

И тутъ она рѣшилась заявить,
 Не столько словомъ, сколько дѣломъ самымъ,
 Что онъ свой завтракъ долженъ прекратить
 И съ аппетитомъ справиться упрямымъ.
 И чтобы смерть къ Жуану не пришла,
 Она сама тарелку отняла.
 «Онъ столько съѣлъ — она сказать хотѣла —
 Что лошадь оттого бы заболѣла».

CLX.

Потомъ (онъ былъ еще до этихъ поръ
 Почти что нагъ) лохмотья всѣ сложили
 И бросили ихъ въ пламя на костеръ,
 А Донъ-Жуана туркомъ нарядили.
 За турка бы его признали мы:
 Лишь не было на головѣ чалмы.
 Ему надѣтъ шальвары предлагали
 И въ новую рубашку одѣвали.

CLXI.

И Гайде говорить съ нимъ начала.
 Хотя Жуанъ не понималъ ни слова,
 Но юная гречанка не могла
 Рѣчь перервать; она была готова
 Предъ нимъ до безконечности болтать:
 Жуанъ ее не думалъ прерывать...
 Ужь очень поздно Гайде догадалась,
 Что болтовня ея не понималась.

CLXII.

И тутъ она, чтобъ замѣнить языкъ,
 Къ улыбкѣ, къ разнымъ жестамъ прибѣгала:
 Въ его лицѣ восторженномъ въ тотъ мигъ
 Отвѣтъ краснорѣчивый прочитала.
 Черты лица Жуана — говорятъ
 И много думъ высказываетъ взглядъ.
 Жуана взоры ярко такъ блистали,
 Что звуки словъ вполнѣ ей замѣняли.

CLXIII.

Посредствомъ пантомимъ они могли
 Между собой затѣять разговоры,
 Но болѣе всего тутъ помогли
 Обоимъ имъ ихъ собственные взоры:
 Какъ астрономъ читалъ небесъ языкъ
 Лишь по звѣздамъ, а не изъ скучныхъ книгъ,
 Такъ глазки Гайде азбукой служили
 И поняты Жуаномъ скоро были.

CLXIV.

Пріятно иностраннымъ языкамъ
 По взглядамъ милыхъ женщинъ обучаться —
 Я говорю про молодыхъ лишь дамъ —
 По опыту могу я въ томъ ручаться. ⁶
 Онѣ смѣются, видя неуспѣхъ,
 И при успѣхахъ тотъ же слышенъ смѣхъ,
 А далѣе и поцалуй родится...
 По тѣмъ урокамъ могъ я научиться —

CLXV.

Пять словъ испанскихъ, греческихъ понять;
 По итальянски вовсе я не знаю,
 По англійски могу съ трудомъ болтать:
 Я тотъ языкъ по Блеру изучаю,
 По Тиллотсону также; ихъ языкъ
 Есть образецъ религіозныхъ книгъ.
 Поэтовъ же я просто ненавижу
 И пользы въ чтеньи ихъ совсѣмъ не вижу.

CLXVI.

О дамахъ же молчу совсѣмъ. Я самъ
 Рожденъ, какъ говорится, въ «высшемъ свѣтѣ»,
 Гдѣ я любилъ когда-то многихъ дамъ
 И испыталъ страстишекъ разныхъ сѣти;
 Но я забылъ и ихъ, и модныхъ львовъ,
 И въ память ихъ сберегъ лишь пару словъ:
 Враги, друзья и женщины! Межь нами
 Все кончено: вы стали только снами...

CLXVII.

Межь-тѣмъ Жуанъ заучивалъ слова —
 Ихъ повторять ему теперь пріятно...
 Исторія любви намъ не нова,
 Для всѣхъ сердець она равно понятна,
 Всемирна, какъ блескъ солнца въ небѣ... Онь,
 Какъ многіе-бъ изъ насъ, ужъ былъ влюбленъ,
 Она сама въ долгу не оставалась —
 Что сплошь да рядомъ по свѣту случалось.

CLXVIII.

Съ разсвѣтомъ дня (Жуанъ любилъ поспать,
 А Гайде поднималась очень рано)
 Она въ пещеру стала прибѣгать
 И, наклонившись къ ложу Донъ-Жуана,
 Ласкала локонъ спящаго рукой,
 Не прерывая сна его покой,
 Едва дыша надъ милыми устами:
 Такъ дышетъ южный вѣтеръ надъ цвѣтами.

CLXIX.

И съ каждымъ днемъ Жуанъ бодрѣй смотрѣлъ,
 Его здоровье быстро поправлялось.
 Замѣчу здѣсь: для всѣхъ любовныхъ дѣлъ
 Здоровье сильной помощью являлось.
 Здоровье и бездѣлье — для страстей
 Есть масло или порохъ межъ людей,
 И безъ уроковъ Бахуса, Цереры
 Не такъ сильна была бы власть Венеры.

CLXX.

Пока Венера сердце шевелить
 (Любовь безъ сердца дѣйствуетъ несмыло),
 Церера возбуждаетъ аппетитъ,
 (Любовь должна питаться, какъ и тѣло)
 А Бахусъ наливаетъ намъ вина,
 Зоветъ на пиръ, гдѣ ѣсть любовь должна...
 Кто яства сверху людямъ посылаетъ —
 Нептунъ иль Панъ — еще никто не знаетъ.

CLXXI.

Жуанъ, проснувшись, завтракъ находилъ
 И — дивные глаза островитянки,
 Которыхъ блескъ насъ сжегъ бы и смутилъ.
 Притомъ еще глаза ея служанки...
 Но я писалъ объ этомъ, и опять,
 Пожалуй, скучно будетъ повторять...
 Итакъ, Жуанъ въ морскихъ волнахъ купался
 И къ завтраку и къ Гайде возвращался.

CLXXII.

Невинность ихъ такъ велика была,
 Что ихъ купанье вовсе не смущало.
 Казалось ей: она давно ждала
 Его къ себѣ; не разъ во снѣ видала.
 Хотѣлось ей теперь его любить
 И счастье дать, и счастье получить...
 Такъ близнецомъ на свѣтъ родится счастье
 И жить не можетъ въ мiрѣ безъ участя.

CLXXIII.

Пріятно ей съ нимъ вмѣстѣ быть, дрожать
 Отъ легкаго его прикосновенья,
 И сонъ его поутру охранять
 И дожидаться тихо пробужденья.
 Жить вѣчно съ нимъ — мечтать она могла:
 Разлука ей была бы тяжела.
 Жуанъ ей былъ усладою въ часъ горя,
 Сокровищемъ, подаркомъ бурь и моря.

CLXXIV.

Промчался мѣсяць. Въ милый уголокъ
 Никто неожиданнымъ гостемъ не явился:
 Никто еще въ тѣ дни узнать не могъ,
 Что Донъ-Жуанъ въ пещерѣ поселился.
 Вотъ, наконецъ, пирата корабли
 Въ открытый океанъ опять ушли
 И тамъ суда съ купеческимъ товаромъ
 Преслѣдовать они пустились съ жаромъ.

CLXXV.

Пирата дочь свободы дождалась.
 Отецъ ушолъ; она была свободна,
 - Какъ женщина замужня, въ тотъ разъ,
 Могла ходить вездѣ, гдѣ ей угодно.
 Никто ея свободы не стѣснялъ,
 Никто за ней теперь не наблюдалъ...
 Завидовать должны ей наши дамы,
 Хоть ихъ стѣснять не любимъ никогда мы.

CLXXVI.

Они встрѣчались чаще. Понималъ
 Онъ много словъ, нерѣдко съ ней гуляя,
 Межь-тѣмъ давно ль онъ на пескѣ лежалъ,
 Какъ сорванная роза, увядая,
 На берегу морскомъ, близъ дикихъ скалъ?...
 Такъ, кончивъ завтракъ, съ нею онъ гулялъ,
 Они прородой вмѣстѣ наслаждались
 И заходящимъ солнцемъ любовались...

CLXXVII.

Тѣ берега имѣли дикій видъ:
 Кругомъ пески иль скалы поднимались;
 У береговъ капризный валъ бурлитъ;
 Мѣстами бухты съ моря выдавались...
 Тамъ не смолкалъ волны зловѣщій рѣвъ
 И лишь въ затишьѣ лѣтнихъ вечеровъ
 Поверхность моря озеромъ сіяла
 И тишину волненье не смущало.

CLXXVIII.

На берегу, среди прибрежныхъ скалъ,
 Морская пѣна землю покрываетъ:
 Такъ до краевъ наполненный бокаль
 Шипучей влагой весело играетъ...
 Пусть мудрецы болтають, что хотятъ:
 И пѣть вино, и пить вино я радъ...
 Сегодня циръ съ подругой молодою,
 А завтра мудрость съ содовой водою.

CLXXIX.

Пускай вино волнуетъ нашу кровь;
 Одинъ восторгъ есть въ жизни — опьаненье.
 Вино и слава, деньги и любовь —
 Вотъ все, въ чемъ міръ вкушаетъ наслажденье.
 Нѣтъ, безъ тебя, богами данный сокъ,
 Безцвѣтенъ былъ бы жизни краткій срокъ.
 Такъ пейте же, и если пробудитесь
 Съ ломотою — вы такъ распорядитесь:

CLXXX.

Слугѣ тотчасъ велите вы подать
 Гохгеймера и соды, и тогда вы
 Все наслажденье можете понять...
 Нѣтъ, ни шербеть, пріятный въ часъ забавы,
 Ни водяная капля средь степей,
 Бургонское съ прозрачностью своей —
 Все это не замѣнить намъ собою
 Тебя, Гохгеймеръ, съ содовой водою.

CLXXXI.

Итакъ, въ тотъ часъ весь берегъ точно спалъ
 И словно небо самое дремало.
 Песокъ недвижной массою лежалъ
 О синяя волна не бушевала.
 Лишь крикомъ птицъ смущалась тишина,
 Да иногда безсонная волна
 О грудь скалы прибрежной разбивалась
 И брызгами по камнямъ рѣсыпалась.

CLXXXII.

Жуанъ и Гайде, я ужъ говорилъ,
 Въ отсутствіи отца вдвоемъ гуляли.
 За Гайде братъ дозоромъ не ходилъ
 И къ ней опекуна не приставляли.
 Лишь только Зоя съ нею всюду шла,
 Но у нея обязанность была —
 Услуживать, чесать и для награды
 Выпрашивать потертые наряды.

CLXXXIII.

Насталъ тотъ часъ, когда съ вершины скалъ
 Повѣяла вечерняя прохлада
 И изъ-за горъ лучъ солнечный сверкалъ...
 Въ эфирѣ тишь, и нѣга и отрада.
 Всѣ берега озарены тепло
 И море тихо, ясно, какъ стекло,
 И блещетъ небо розовою краской,
 А въ немъ горитъ звѣзда съ любовной лаской.

CLXXXIV.

Рука съ рукой гуляетъ ихъ чета.
 По ровному песку они блуждали
 И забирались въ дикія мѣста,
 Глубокія пещеры посѣщали.
 Предъ ними открывался мрачный залъ,
 Гдѣ темный сводъ кристаллами сверкалъ
 И тамъ они обнявшись отдыхали
 И солнце предъ закатомъ провожали.

CLXXXV.

Они глядѣли въ небо — ясный сводъ
 Пылалъ кругомъ, какъ розовое море,
 И дискъ луны всплывалъ изъ синихъ водъ
 И отражался въ синемъ ихъ просторѣ.
 Ласкалъ ихъ вѣтерокъ своей игрой,
 Когда жь встрѣчались взоры ихъ, порой,
 Тогда они въ забвеніи склонялись
 И въ подалуй восторженный сливались —

CLXXXVI.

Въ тотъ долгій, долгій поцалуй любви,
 Въ которомъ отражается все счастье,
 Когда огонь горитъ у насъ въ крови
 И насъ охватитъ страсти самовластье,
 Когда нашъ пульсъ kloкочетъ, какъ волканъ
 И поцалуй есть тотъ же ураганъ.
 Я силу поцалуя понимаю,
 И долготой его я измѣряю.

CLXXXVII.

Ихъ поцалуй былъ дологъ, безъ конца,
 (Они его едва ли измѣряли...)
 Однимъ биеньемъ бились ихъ сердца,
 Они безъ словъ другъ друга понимали.
 Нечаянно сливались ихъ уста,
 Какъ пчелы у цвѣточнаго куста,
 И ихъ сердца — для нихъ цвѣтами были,
 Гдѣ оба медъ сладчайшій находили.

CLXXXVIII.

Они одни — не въ комнатѣ пустой,
 Гдѣ причесся мы часто для свиданья —
 Предъ ними — море, мѣсяцъ золотой,
 Пески, пещеры, звѣздъ ночныхъ сіянье.
 Все это окружало ихъ въ тотъ часъ...
 Они сидятъ другъ къ другу наклонясь,
 Какъ будто въ мірѣ нѣтъ другихъ созданій...
 Имъ дѣла нѣтъ до будущихъ страданій.

CLXXXIX.

Никто не могъ ихъ ночью испугать,
 Они вдвоемъ въ ту ночь не трепетали...
 Не много словъ пришлось имъ повторять,
 Но ими все счастливыцы выражали.
 Все то, что могъ бы выразить языкъ,
 Имъ тихій вздохъ передавать привыкъ...
 Вздохъ, этотъ лучшій способъ выраженья,
 Намъ Ева завѣщала по паденьи...

СХС.

Клятвѣ и обѣтовъ Гайде не ждала,
 Она о нихъ едва ли и слыхала,
 Какъ и о томъ, что дѣвушка могла
 Опасности найти въ любви не мало.
 Невѣденъе — одинъ ея оплотъ,
 И къ юношѣ любовь ее влечеть.
 Невѣрности она не понимаетъ,
 А потому о ней не поминаетъ.

СХСІ.

Она любила сильно и была
 Любима тоже и хотя, казалось,
 Любовь могла сердца ихъ сжечь до тла,
 Но въ сердцѣ много жизни оставалось.
 Ихъ чувства замирали, чтобъ опять
 Для новаго блаженства воскресать...
 Все больше, больше Гайде убѣждалась,
 Что для него на свѣтъ она рождалась.

СХСII.

Увы! они такъ юны, хороши,
 Такъ любящи, такъ слабы, одиноки,
 Притомъ въ такой плѣнительной тиши
 Благоразумья всякаго далеки,
 Что ихъ ждала ужасная бѣда,
 Которая на многіе года
 Намъ адскимъ пыломъ сердце разжигаетъ
 И вѣчными страданьями терзаетъ.

СХСIII.

О, бѣдные Жуанъ и Гайде! Нѣтъ
 Четы прекраснѣй въ міръ безъ сомнѣнья...
 Ужель имъ жизнь готовить не, привѣтъ,
 Но страшные часы грѣхопаденья?
 Объ адѣ Гайде слышала не разъ,
 Она страшилась дьявольскихъ проказъ,
 Но, такова любви могучей сила,
 Теперь-то вотъ о всемъ и позабыла.

СХСIV.

При лунномъ свѣтѣ блещутъ взоры ихъ,
 Ея рука — на шеѣ Донъ-Жуана,
 Онъ обвился кистями рукъ своихъ
 Вкругъ стройнаго и дѣвственнаго стана.
 Прижавъ къ себѣ, онъ Гайде обнималъ,
 Въ себя онъ каждый вздохъ ея впивалъ...
 Они сидѣли, словно изванье,
 Достойное рѣзца и обожанья.

СХСV.

Мигъ упоенья быстро промелькнулъ
 И — (Гайде сна спокойнаго не знала)
 Жуанъ въ ея объятіяхъ уснулъ:
 Она его къ груди своей прижала...
 Порой, она смотрѣла въ небеса,
 Иль опускала ясные глаза
 На юношу, котораго любила,
 И всю себя на жертву приносила...

СХСVІ.

Съ восторгомъ въ пламя смотрится дитя
 И у груди родимой засыпаетъ;
 Арабъ, гостепріимствомъ не шутя,
 Съ привѣтомъ чужестранца принимаетъ,
 Морякъ за призомъ гонится, скупой
 Привыкъ дрожать надъ грудой золотой...
 Но лучшаго не знаю я желанья —
 Стеречь покой любезнаго созданья.

СХСVІІ.

Пусть спитъ оно — съ нимъ наша жизнь слилась,
 Пусть спитъ оно, во снѣ не сознавая
 О счастіи, имъ отданномъ для насъ,
 И мысли сокровенныя скрывая.
 Что думало, чѣмъ мучилось оно —
 Въ далекой глубинѣ погребено...
 Пускай же спитъ другъ милый и любимый,
 Любовью и участіемъ хранимый!

СХСVIII.

Такъ Гайде стерегла Жуана сонъ.
 Въ ней впечатлѣнья новыя рождали
 И океанъ, и ночь, и небосклонъ,
 Которые кругомъ ея сіяли...
 Среди песковъ и этихъ дикихъ скалъ
 Никто любви блаженной не мѣшалъ
 И только звѣзды въ небѣ понимали,
 Что ихъ счастливей въ мірѣ не видали.

СХСIX.

Увы! любовь для женщины страшна,
 Какъ періодъ прелестный и ужасный —
 Азартная игра для нихъ она:
 Когда случится проигрышъ несчастный —
 Миръ ихъ души уже на вѣкъ разбитъ.
 Вотъ почему ихъ мщенье такъ страшить:
 Онѣ какъ тигръ на жертву нападаютъ,
 Но мстя другимъ, еще сильней страдаютъ.

СС.

Несправедливы къ женщинамъ всегда
 Мы всѣ, мы всѣ: измѣна ждетъ ихъ вѣчно.
 Онѣ умѣютъ многіе года
 Любить, скрывая это, безконечно,
 Пока не поведутъ ихъ подъ вѣнецъ.
 Что жь остается всѣмъ имъ подъ конецъ?
 Невѣрный другъ, лѣнивый мужъ на свѣтѣ,
 Наряды, сплетни, ханжество и дѣти.

ССІ.

Однѣ берутъ любовниковъ; инымъ
 Хозяйство счастье скоро замѣняетъ;
 Тѣ отъ мужей уходятъ, только имъ
 За это свѣтъ презрѣніе бросаетъ
 И рѣдко жизнь пригрѣветъ ихъ опять:
 Имъ счастья обновленнаго не знать;
 Иныя же, когда съ пути собьются,
 Писаньемъ повѣстей тотчасъ займутся. ⁷

ССІІ.

Но, Гайде, ты была невѣстой горь,
 Рожденная подъ солнцемъ слишкомъ жгучимъ,
 Гдѣ южной страстью пышетъ женскій взоръ:
 Смотрѣть покойно ихъ мы не научимъ.
 Она была для страсти создана...
 Она ничѣмъ не будетъ смущена,
 Когда избранникъ милый ей найдется:
 Въ ея груди не даромъ сердце бьется.

ССІІІ.

О ты, біенье сердца!... Сколько разъ
 Намъ за тебя случалось поплатиться,
 Хоть радость ты и возбуждало въ насъ...
 Не рѣдко мудрость старая стремится
 Тѣ радости для насъ разоблачать
 И много истинъ славныхъ насказать...
 Тѣ истины такъ мудры, что покуда
 Ихъ обложить бы пошпиной не худо.

CCIV.

Итакъ свершилось — вмѣсто брачныхъ свѣчь,
 Любовь ихъ звѣзды ночи озарили...
 Имъ волны шлютъ таинственную рѣчь
 И небеса имъ храмомъ послужили,
 Духъ тишины ихъ бракъ благословилъ.
 Такъ совершенъ союзъ счастливый былъ.
 Блаженство имъ повсюду улыбалось
 И та пустыня раемъ показалась.

CCV.

Любовь! предъ нею Цезарь трепеталъ,
 Предъ ней рабомъ Антоній преклонялся,
 И голосъ Сафо нѣжностью дрожалъ
 (Той нѣжности міръ цѣлый удивлялся).
 Любовь! кто ты? зачѣмъ ты въ міръ пришла?
 Стоишь ты надъ людьми, какъ геній зла:
 Хотя меня терзала ты, волнуи,
 Но дьяволомъ тебя не назову я.

CCVI.

Ты нарушала браки столько лѣтъ,
 Ты лбы мужей великихъ оскорбляла:
 Вотъ Цезарь, Велизарій, Магометъ;
 Ихъ имена исторія вписала,
 Весь міръ узналъ теперь про ихъ дѣла,
 А между-тѣмъ ихъ участь очень зла:
 Они всегда героями являлись,
 Но три ихъ лба рогами украшались.

ССVII.

Любовь своихъ философовъ нашла:
 И Аристиппъ и Эпикуръ старались
 Втянуть насъ въ грѣхъ; наука ихъ была
 Доступной всѣмъ. Къ чему жь не догадались
 Они отъ бѣса насъ освободить?
 Тогда бы ихъ могли мы оцѣнить...
 «Люби и пей» — рѣчь эта прозвучала
 Изъ царственного рта Сарданапала...

ССVIII.

Но Юлію уже-ль Жуанъ забылъ?
 И скоро такъ уже-ль забыть возможно?
 Вопросъ такой меня теперь смутилъ:
 Рѣшать такой вопросъ неосторожно.
 Я думаю однако, что луна
 Виновна въ томъ, всему виной — она;
 Иначе почему же — мы не знаемъ —
 Для новыхъ лицъ мы прежнимъ измѣняемъ?...

ССIX.

Непостоянство, просто, смертный грѣхъ.
 Я началъ презирать и сталъ гнушаться
 Непостоянства этого во всѣхъ.
 А между-тѣмъ, я долженъ здѣсь признаться,
 Что въ маскарадѣ мнѣ, не такъ давно,
 Прелестное попало домино.
 Въ той маскѣ вѣрно демонская сила:
 Она меня до ужаса плѣнила.

ССХ.

Но мудрость мнѣ при этомъ помогла
 И о «священныхъ узахъ» намекнула.
 Я думать сталъ, но маска подошла:
 Ахъ, что за зѣбы, Боже! какъ взглянула!
 Замужняя иль нѣтъ — пойду узнать;
 Она должна объ этомъ мнѣ сказать.
 Но мудрость здѣсь опять въ права вступила
 И предо мною «стой» проговорила.

ССХІ.

Вернусь къ непостоянству. Чувствомъ тѣмъ
 Мы только дань-восторга выражаемъ
 Къ прекрасному въ природѣ и ко всеѣмъ
 Красавицамъ, которыхъ мы встрѣчаемъ.
 Мы красоту и въ статуѣ почтимъ,
 И если жизнь съ созданьемъ молодымъ
 Намъ встрѣчу хоть случайную послала,
 Мы въ женщинѣ чтимъ святость идеала.

ССХІІ.

Непостоянство — дань для красоты.
 Оно насъ развиваетъ въ этомъ мѣрѣ,
 Оно сошло съ надзвѣздной высоты
 И зародилось нѣкогда въ эфирѣ.
 Жизнь безъ него казалась бы пошла...
 Хотя оно доводитъ насъ до зла,
 Но потому, должны мы въ томъ признаться,
 Что наша кровь способна воспалиться.

ССХІІІ.

Но все-таки то чувство тяжело.
 Когда бь *одну* мы женщину любили
 И отъ нея ничто насъ не влекло,
 Мы бь отъ страданья сердце отучили
 (За тѣмъ, что научаемся страдать,
 Когда другой не можемъ обладать);
 Когда бь одна насъ женщина плѣняла,
 То это бь сердце съ печенью спасало.

ССІV.

Сердца людей — подобны небесамъ.
 Они, какъ небо, могутъ измѣняться,
 Пронесятся нерѣдко бури тамъ
 И часто громы могутъ раздаваться.
 Когда гроза спалитъ все сердце въ насъ,
 То дождевыми каплями изъ глазъ
 Полюются слезы горькія потокомъ:
 Бываетъ такъ на сѣверѣ далекомъ.

ССХV.

Для нашей жолчи печень — лазаретъ,
 Но отъ недуговъ рѣдко онъ спасаетъ:
 Страсть первая живетъ въ немъ много лѣтъ
 И отъ страстей другихъ не умолкаетъ.
 Въ немъ злоба, страхъ и ненависть кипятъ,
 И рвутся вверхъ, вокругъ разливая ядъ:
 Такъ въ кратерѣ подземнаго волкана
 Всегда зіяетъ огненная рана.

ССХVI.

Но я пока остановлю рассказъ.
Какъ въ первой пѣснѣ этого романа,
Здѣсь двѣсти слишкомъ стансовъ; каждый разъ
Я этой цифры въ пѣсняхъ Донъ-Жуана
Держаться буду точно и всегда.
Кладу перо. Прощайте, господа.
Теперь Жуанъ и Гайде могутъ сами
Здѣсь отвѣчать за повѣсть передъ вами.

ПѢСНЯ ТРЕТЬЯ.

I.

О, Муза! и такъ далѣе... Лежалъ
Жуанъ, склонясь на грудь подруги нѣжной;
Взоръ Гайде сонъ Жуана охранялъ...
Она полна любовью безмятежной,
Ей незнакомъ сомнѣнья тайный ядъ,
Ее мечты такія не страшатъ,
Что отъ любви въ ней сердце разобьется
И много горькихъ слезъ потомъ прольется.

II.

Любовь! зачѣмъ такъ вредоносна ты?
Скажи, зачѣмъ ты кипарисъ вплетаешь
Всегда въ свои душистые цвѣты
И муки сердца вздохомъ выражаешь?
Какъ увядаетъ сорванный букетъ,
Положенный случайно за корсетъ,
Такъ погибаютъ многія созданья,
Въ объятіяхъ любви найдя страданье.

III.

Для женщины любовникъ *первый* милъ,
 Потомъ сама любовь ее плѣняетъ,
 Привычка въ ней смѣняетъ прежній пылъ
 И безконечно ей надоѣдаетъ.
 Попробуйте вы женщину узнать:
 Сперва *одинъ* начнетъ ее плѣнять,
 Потомъ нужны ей *многіе* мужчины,
 И вѣрной быть нѣтъ женщинѣ причины.

IV.

Не знаю я, кто въ этомъ виноватъ,
 Но женщины, когда имъ измѣняютъ,
 (Однѣ ханжи не входятъ въ тотъ разрядъ)
 Интриги новой скоро пожелаютъ.
 Но первая любовь у нихъ сильна —
 Ей женщина всѣмъ сердцемъ предана,
 А если разъ она ее узнала,
 То не однажды послѣ измѣняла.

V.

Да, ужъ таковъ печальный, горькій плодъ
 Безумія людского и разврата:
 Любовь съ замужствомъ въ дружбѣ не живётъ,
 Хоть вмѣстѣ родились они когда-то.
 Какъ уксусъ изъ вина творится, такъ
 И отъ любви родился самый бракъ —
 Напитокъ очень кислый, непріятный
 И потерявшій запахъ ароматный.

VI.

Въ любви для многихъ, многихъ женщинъ ест
 Не мало горькихъ, грустныхъ сожалѣній:
 Сначала ихъ обманываетъ лесть,
 А въ будущемъ готовить рядъ мученій.
 Что жъ остается? плакать и страдать...
 Любовь себѣ привыкла измѣнять:
 Прекрасной страсть въ любовникѣ являлась,
 А въ мужѣ — только слабостью казалась.

VII.

Мужья стыдится нѣжность показать,
 Иные скоро могутъ пресыщаться,
 (Что, впрочемъ, рѣдко) станутъ тосковать:
 Нельзя жъ всегда женою восхищаться!
 А между-тѣмъ имъ бракъ постановилъ,
 Чтобъ тотъ союзъ до смерти крѣпокъ былъ...
 Ахъ! грустно потерять для насъ супругу
 И въ трауръ нарядить свою прислугу!...

VIII.

Любовь въ домашней жизни, какъ обманъ,
 Свое значенье первое теряетъ.
 Намъ о любви твердить любой романъ,
 Но романистовъ бракъ не занимаетъ.
 Поставимъ ли супругу мы въ вину,
 Когда цалуетъ онъ свою жену?
 Лаура не была женой Петрарки,
 Вотъ почему его сонеты жарки.

IX.

Героевъ смерть — трагедій всѣхъ конецъ,
 Счастливый бракъ — комедій окончанье.
 Исторія двухъ любящихъ сердець
 Не вызываетъ дальше описанья,
 Чтобы о нихъ неправды не сказать...
 Къ чему ихъ въ путь дальнѣйшій провожать?
 Нѣтъ, отдохнемъ на пятомъ актѣ въ драмѣ,
 Забывши и о *Смерти* и о *Дамѣ*.¹

X.

Лишь два пѣвца воспѣли рай и адъ
 (Иль иначе — замужство). Это были
 Мильтонъ и Дантъ, и оба, говорятъ,
 Въ супружествѣ своемъ несчастно жили;²
 Но знаемъ мы, что Дантъ, какъ и Мильтонъ,
 Намъ рисовали копіи не съ жонъ
 Въ чертахъ какъ Беатриче, такъ и Евы,
 И съ этимъ согласитесь, вѣрно, всѣ вы...

XI.

Толкуютъ, будто Дантъ изобразилъ
 Подъ видомъ Беатриче — богословье.
 Но комментаторъ сильно погрѣшилъ
 И доказалъ — не скрою — пустословье.
 Чѣмъ это мнѣнье могъ онъ подтвердить
 И мысли Данта міру пояснить?
 Нѣтъ, я признать скорѣе бы рѣшился,
 Что въ пѣняхъ математикъ въ немъ явился.

XII.

Женой Жуана Гайде не была,
 Но въ томъ они одни лишь виноваты:
 Пусть обойдетъ читателя хула,
 Что у меня герои не женаты,
 А чтобъ въ соблазнъ иныхъ не приводить,
 Я предлагаю книгу здѣсь закрыть:
 Пусть не дочтетъ читатель церемонный
 Исторію любви ихъ незаконной.

XIII.

Но все-таки ихъ жизнь была ясна,
 Для Гайде дни въ блаженствѣ пролетали,
 И въ упоеніи не думала она,
 Что тѣ мѣста отцу принадлежали.
 Отъ наслажденья мы не убѣжимъ,
 Пока себя мы имъ не утомимъ...
 Такъ чаще ихъ устраивались встрѣчи,
 Пока пиратъ крейсировалъ далече...

XIV.

Онъ промысломъ своимъ не удивлялъ,
 Хоть очень многихъ грабилъ по дорогѣ;
 Вѣдь если бъ былъ онъ первый адмиралъ,
 Изъ грабежа онъ сдѣлалъ бы — налоги.
 Но жизнь его умѣренный была
 Среди заботъ морского ремесла,
 И скромный путникъ воднаго простора
 Себѣ взялъ роль... морского прокурора.

XV.

Онъ, бурями задержанъ въ морѣ, ждалъ
 Себѣ добычи важной и богатой.
 Одну добычу онъ ужь потерялъ
 Въ морскихъ волнахъ; судовъ своихъ вожатай,
 Онъ плѣнниковъ на части раздѣлилъ,
 Какъ будто главы въ книгѣ, и спѣшилъ
 Ихъ заковать: товаръ тотъ очень цѣнный —
 Былъ годенъ для продажи каждый плѣнный.

XVI.

Изъ плѣнниковъ онъ многихъ съ рукъ ужь сбылъ,
 Иныхъ въ Тунисѣ продалъ безъ печали,
 Одинъ старикъ лишь въ море сброшенъ былъ:
 За дряхлость лѣтъ его забраковали.
 Богатыхъ онъ для выкупа берегъ
 И посадилъ ихъ въ трюмъ подъ замокъ.
 Всѣхъ остальныхъ сковалъ онъ безъ разбора:
 Знакомый бей купить ихъ долженъ скоро.

XVII.

Онъ точно такъ товары продавалъ —
 Ихъ покупать на рынкахъ были рады —
 И только никому не уступалъ
 Онъ женскіе различные наряды,
 Матери, блонды, дорогой браслетъ,
 Гитару и двѣ пары кастаньетъ:
 Окончивъ въ морѣ подвигъ свой опасный,
 Онъ везъ подарки дочери прекрасной.

XVIII.

Съ собою онъ животныхъ разныхъ везъ:
 Была съ нимъ обезьяна очень злая,
 Одна мартышка, медеянскій песъ,
 И даже были съ нимъ два попугая,
 И, наконецъ, персидскій важный котъ.
 Чтобъ въ морѣ не нажить отъ нихъ хлопотъ,
 Гдѣ были бури сильныя не рѣдки,
 Звѣрей онъ посадилъ въ особой клѣткѣ.

XIX.

Итакъ, окончивъ долгій свой походъ,
 Чтобъ починить свое большое судно,
 Морякъ обратно къ острову плыветъ,
 Гдѣ дочь его въ то время безразсудно
 Гостепріимно гостя приняла...
 Часть берега съ той стороны была
 Совсѣмъ низка, вокругъ рифы выплывали
 И пристань въ лучшемъ мѣстѣ выбирали.

XX.

И къ берегу присталъ тотчасъ пиратъ.
 Онъ не боялся встрѣтить карантина,
 Не ожидалъ таможенныхъ солдатъ,
 Которыхъ намъ бояться есть причина.
 Онъ приказалъ корабль свой накренить
 И въ поврежденномъ мѣстѣ починить.
 И сотни слугъ по слову стали съ жаромъ
 Носить тюки съ богатымъ ихъ товаромъ.

XXI.

И вотъ на холмъ спѣшитъ взойти старикъ,
 Откуда могъ увидѣть стѣны дома...
 Намъ чувство старика въ подобный мигъ
 Должно быть всѣмъ хоть нѣсколько знакомо.
 Въ груди у насъ сомнѣнія встаютъ:
 Здоровы ль всѣ, которые насъ ждуть?
 Въ насъ оживаютъ всѣ воспоминанья...
 И ощущеньямъ новымъ нѣтъ названья.

XXII.

Понятно, что и мужа и отца,
 Когда домой пришлось имъ возвращаться,
 Сомнѣнія тревожатъ безъ конца:
 За женщинъ вѣчно нужно опасаться.
 (Одинъ лишь я имъ вѣрю, господа,
 Хотя не льстилъ, ей-богу, никогда!)
 Жена хитритъ безъ мужа начинаетъ,
 А дочь, порой, съ лакеемъ убѣгаетъ.

XXIII.

Такъ, возвратясь домой, иной супругъ
 Въ немъ счастья Улисса не находитъ.
 Жена его забыть успѣла вдругъ
 И новаго поклонника заводитъ.
 Мужъ, возвратясь къ женѣ своей назадъ,
 Находитъ часто новыхъ двухъ ребятъ
 И даже Аргусъ³ лаской не встрѣчаетъ,
 Но сзади панталоны обрываетъ.

XXIV.

А холостякъ вернется — то найдетъ,
 Что вышла за мужъ милая невѣста...
 Но, иногда, супруговъ ссора ждетъ
 И волокитство будетъ тутъ у мѣста.
 Онъ можетъ вновь ухаживать опять,
 Иль полное презрѣнье показать,
 Которое, чтобъ скорби дать свободу,
 Онъ можетъ перелить въ большую оду.

XXV.

Да, господа, совѣтую я вамъ —
 Ужь если вы знакомы близко стали
 Съ одною изъ замужнихъ милыхъ дамъ
 (Прочнѣе связи сыщемъ мы едвали),
 То путешествій бойтесь, какъ огня.
 По опыту я знаю: васъ вина,
 Тѣ дамы по четыре раза въ сутки
 За вами вслѣдъ пошлютъ презлыя шутки.

XXVI.

Старикъ Ламбро лишь съ моремъ былъ знакомъ,
 Но мудростью на сушѣ не гордился,
 А потому, увидѣвши свой домъ,
 Восторгомъ непонятнымъ оживился,
 А такъ-какъ метафизики не зналъ,
 То радости своей не разбиралъ.
 Любилъ онъ дочь и смерть ея навѣрно
 Пирата огорчила бы безмѣрно.

XXVII.

Онъ стѣны дома ясно видѣть могъ,
 Зеленый садъ онъ видѣлъ въ полу-мракѣ,
 Вдали блеститъ знакомый ручеекъ
 И слышенъ громкій лай его собаки.
 Оружіе сверкнуло вдаль
 (Тамъ ходятъ всѣ съ оружіемъ въ рукѣ)
 -И яркіе, какъ бабочка, наряды
 Ужь отличать могли свободно взгляды.

XXVIII.

Такимъ гуляньемъ страннымъ удивленъ,
 Отецъ все больше къ дому приближался
 И ясно наконецъ услышалъ онъ:
 Звукъ нечестивой скрипки раздавался.
 Своимъ ушамъ не могъ онъ довѣрять
 И музыки такой не могъ понять.
 Вотъ барабанъ, вотъ флейта раздается
 И звонкій смѣхъ по воздуху несется.

XXIX.

Онъ разодвинулъ вѣтви и глядитъ,
 Стараясь подходить какъ можно тише:
 Толпа его прислужниковъ шумитъ;
 Они кружились быстро, какъ дервиши,
 И искренно веселью предались,
 И въ танцѣ разбѣгались и неслись.
 Зналъ хорошо старикъ нашъ удивленный:
 То былъ пиррійскій ⁴ танецъ оживленный.

XXX.

А далѣе гречанки въ кругъ сошлись —
 Одна изъ нихъ платкомъ своимъ махала —
 Какъ въ ожерелье, женщины сплелись
 И музыка ихъ танецъ оживляла.
 По шеѣ ихъ спадалъ кудрей каскадъ.
 Одна изъ нихъ подъ танецъ пѣла въ ладъ,
 Красавицы ей хоромъ отвѣчали
 И съ живостью восточною плясали.

XXXI.

Сложивши на крестъ ноги важно тутъ,
 Обѣдать собиралися другіе.
 Предъ ними много было разныхъ блюдъ,
 Сверкали въ флягахъ вина дорогія.
 Готовъ шербетъ прохладный; манить взглядъ
 Кистями крупный, спѣлый виноградъ,
 И апельсинъ и сочная граната
 Вкругъ проливаютъ соки аромата.

XXXII.

Толпа дѣтей вкругъ бѣлаго козла
 Его рога цвѣтами обвиваетъ,
 А онъ стоитъ, не дѣлая имъ зла,
 И голову торжественно склоняетъ.
 Онъ пищу принималъ изъ дѣтскихъ рукъ,
 Иль наклонялъ рога, какъ будто вдругъ
 Испытывалъ онъ мужество въ ребенкѣ,
 И покорялся вновь его рученкѣ.

XXXIII.

Ихъ строгій профиль, пышный ихъ нарядъ,
 Ихъ личики, какъ спѣлыя гранаты,
 Ихъ локоны и оживленный взглядъ,
 И блескъ очей, сверкавшихъ какъ агаты,
 Невинность ихъ, которая дивитъ —
 Все это представляло чудный видъ,
 И, право, жаль, что скоро эти дѣти,
 Какъ всѣ другіе, выростутъ на свѣтѣ.

XXXIV.

Вотъ карликъ-шутъ сидящимъ старикамъ
 Волшебныя легенды вспоминаетъ
 О многихъ кладахъ, скрытыхъ по горамъ,
 Арабскія остроты повторяетъ.
 Онъ учитъ ихъ недуги исцѣлять,
 Онъ о колдуньяхъ началъ толковать,
 Какъ тѣ мужей въ животныхъ превращали
 (Но сказку ту и въ жизни мы встрѣчали).

XXXV.

Всѣ искренно забавамъ отдались:
 Вкругъ раздаются музыка и сказки,
 И вина благовонныя лились
 И женщины кружились въ страстной пляскѣ.
 Но съ злобою глядѣлъ на все старикъ:
 Онъ къ мотовству, къ расходамъ не привыкъ,
 Считаая худшимъ зломъ людской породы
 Всѣ лишнія затраты и расходы.

XXXVI.

Какъ жалокъ въ наслажденьяхъ человекъ!
 Бѣда его повсюду ожидаетъ
 И, можетъ-быть, на весь печальный вѣкъ
 Ему день счастья только выпадаетъ.
 Насъ радость дразнить лишь издалека
 И, какъ сирена, губить новичка.
 Пиратъ на пиръ упалъ вдругъ для скандала,
 Какъ на огонь сырое одѣяло.

XXXVII.

Пиратъ привыкъ не много говорить;
 Чтобъ дочери доставить удивленье
 (Мужчинъ же онъ привыкъ мечомъ дивить),
 Отъ всѣхъ скрывалъ на островъ возвращенье.
 Что онъ былъ тутъ, еще никто не зналъ,
 И долго онъ невидимый стоялъ,
 Взволнованный и очень удивленный,
 Увидя праздникъ этотъ оживленный.

XXXVIII.

Не вѣдалъ онъ (какъ люди могутъ лгать!),
 Что здѣсь его погибшимъ всѣ считали
 (Такой народъ не можетъ умирать)
 И трауромъ печальнымъ поминали;
 Теперь же трауръ кончили они
 И начались праздники въ тѣ дни.
 На щочкахъ Гайде слезы осушила
 И въ управленье островомъ вступила.

XXXIX.

Вотъ почему былъ слышенъ всюду звукъ
 Веселыхъ пѣсенъ, музыки игривой
 И безъ заботъ толпа лѣнивыхъ слугъ
 Здѣсь предавалась праздности счастливой.
 Хотя старикъ гостепріименъ былъ,
 Но пиръ такой пирата возмутилъ...
 И какъ всѣмъ ловко Гайдѣ управляла
 Хоть... часа у любви не отнимала...

XL.

Здѣсь, можетъ-быть, подумаете вы,
 Что впалъ старикъ тотчасъ въ ожесточенье,
 Что не сносить прислугѣ головы,
 И ждетъ ихъ казнь за это преступленье,
 Что онъ рабовъ рѣшилъ проучить
 И отъ пировъ подобныхъ отъучить,
 Что, наконецъ, при зрѣлищѣ разврата
 Проснутъ страсти дикія пирата.

XLI.

Вы ошибетесь. Сдержанъ былъ старикъ,
 Хоть иреданъ былъ убійствамъ и разбою;
 Какъ царедворецъ, къ лести онъ привыкъ
 И мастерски умѣлъ владѣть собою;
 Что думалъ онъ — никто не могъ узнать;
 Онъ женщинъ власть не думалъ признавать...
 То былъ джентльменъ отличнаго закада
 И общество въ немъ много потеряло. ⁵

XLII.

Къ одной изъ группъ онъ тихо подошолъ,
 Рукой небрежно къ гостю прикоснулся,
 Котораго по близости нашолъ
 И страшною улыбкой улыбнулся.
 Потомъ спросилъ: «зачѣмъ здѣсь пиръ у васъ?»
 Но пьяный грекъ, не поднимая глазъ,
 Не узнавая вовсе господина,
 Сталъ лить вино изъ полного кувшина.

XLIII.

И не глядя — онъ былъ ужъ очень пьянъ —
 Черезъ плечо напитокъ предлагая,
 Сказалъ онъ, поднимая свой стаканъ:
 «Хочу я пить! вотъ влага дорогая!...»
 — «Старикъ нашъ умеръ, ты ему скажи»,
 Кричитъ другой: «мы слуги — госпожи».
 — «Какъ госпожи? вотъ это очень ново!
 Мы знаемъ господина молодого...»

XLIV.

То были пришлецы, а потому
 И не узнали грознаго пирата.
 Негодованье трудно скрыть ему
 И злобою душа его объята;
 Но онъ движенье внутреннее скрылъ
 И рассказать съ улыбкою просилъ
 Объ имени ихъ новаго владыки,
 Котораго щедроты такъ велики.

XLV.

«Кто онъ, откуда — я не разберу»,
 Сказалъ одинъ: «миѣ, впрочемъ, нѣтъ и дѣла;
 Здѣсь есть каплунъ, зажаренный въ жиру,
 И есть вино: здѣсь пью и ѣмъ я смѣло.
 Когда тебѣ не нравится отвѣтъ,
 То обратись къ сосѣду — мой сосѣдъ
 На всѣ вопросы тотчасъ отвѣчаетъ
 И день и ночь безъ умолку болтаетъ».

XLVI.

Я ужь сказалъ, что сдержанъ былъ пиратъ.
 Онъ показалъ такое воспитанье,
 Что я французамъ даже былъ бы радъ
 Его въ примѣръ поставить, въ назиданье.
 Онъ перенесъ фамиліарность слугъ,
 Не выразилъ ни бѣшенства, ни мукъ
 И вытерпѣлъ, какъ наглые обжоры
 Цинически вели съ нимъ разговоры.

XLVII.

Въ томъ, кто привыкъ всегда повелѣвать
 И прихоти свершать въ одно мгновенье,
 Кто могъ казнить иль въ цѣпи заковать,
 Подобныя манеры и терпѣнье
 Бываетъ странно видѣть намъ всегда,
 Но въ мірѣ есть такіе господа.
 Кто обладать собою такъ умѣетъ,
 Тотъ, какъ и Гвельфы, властвовать посмѣетъ.

XLVIII.

Онъ иногда не сдерживалъ свой гнѣвъ,
 Но въ важномъ дѣлѣ онъ не торопился,
 Какъ гордый и всегда спокойный левъ,
 Иль какъ удавъ, когда онъ притаился.
 Онъ усмирять умѣлъ свой первый пылъ,
 Утихнеть гнѣвъ — онъ жертвы не казнилъ,
 Но страшно было грозное молчанье,
 Неумолимо было наказанье.

XLIX.

Распрашивать онъ больше не желалъ
 И къ дому шолъ тропинкой потаенной.
 Никто его пока не замѣчалъ:
 Для всѣхъ онъ былъ — скиталецъ погребенный.
 Рѣшился ли онъ Гайде обвинять —
 Объ этомъ не могу я вамъ сказать;
 Но этотъ трауръ съ праздникомъ неожиданнымъ
 Ему тогда казался очень страннымъ.

I.

Когда бъ, страхнувъ съ себя оковы сна
 (Не дай лишь Богъ!), всѣ мертвецы возстали,
 Положимъ, хотъ супругъ или жена,
 Они бы много горя испытали
 И вновь рѣшились лучше умереть,
 Чѣмъ новыя страданія терпѣть.
 Всѣ жоны вновь заплакали бы, если бъ
 Забытые супруги ихъ воскресли бъ.

LI.

Онъ въ домъ вошелъ, уже какъ въ чуждый домъ:
 Для человѣка нѣтъ сильнѣй мученья,
 Когда онъ убѣдиться долженъ въ томъ,
 Что межъ своихъ онъ встрѣтитъ отверженье,
 Что прежній кровъ ему гробницей сталъ,
 Что онъ съ прошедшимъ связи разорвалъ...
 Той скорби безконечной и глубокой
 Понять не можетъ путникъ одинокой.

LII.

Онъ въ домъ вошелъ, уже какъ въ чуждый домъ,
 И въ первый разъ узналъ онъ гнѣтъ печали.
 Съ тоскою оглянулся онъ кругомъ:
 Его привѣтомъ ласки не встрѣчали.
 Здѣсь безъ заботъ жилъ долго такъ старикъ
 И сердце истощенное привыкъ
 Здѣсь умилять, смотря на дочь порою,
 Гдѣ онъ слѣдилъ за дѣтскою игрою.

LIII.

Характеромъ онъ страннымъ обладалъ.
 Пріятный въ обращеніи, съ дикимъ нравомъ,
 Собою онъ искусно управлялъ,
 Не отдавалъ всего себя забавамъ
 И, можетъ-быть, на этомъ свѣтѣ онъ
 Для лучшаго удѣла былъ рождёнъ.
 Но сынъ страны свободной лишь когда-то —
 Онъ цѣпь раба смѣнилъ на мечъ пирата.

LIV.

Страсть властвовать, забывъ про цѣлый свѣтъ,
 Испорченность, корыстолюбыя виды,
 Опасности отъ самыхъ раннихъ лѣтъ
 И мщеніе за прошлыя обиды,
 Рядъ страшныхъ сценъ, гдѣ кровь людей текла —
 Умѣли въ немъ раздуть всѣ искры зла,
 Онъ безпощаденъ сталъ въ кровавой сѣчѣ
 И съ нимъ враги вездѣ бѣжали встрѣчи.

LV.

Но предковъ духъ порой въ немъ говорилъ —
 Тотъ героизмъ, забытый въ нашемъ вѣкѣ,
 Когда рвались въ избыткѣ мощныхъ силъ
 За золотымъ руномъ въ Колхиду греки.
 Дѣйствительно, имъ миръ былъ позабытъ,
 Въ родномъ краю для славы путь закрытъ,
 И, проклиная свѣтъ и униженье,
 Онъ началъ жить для злобы и для мщенья.

LVI.

А между-тѣмъ, онъ грекъ изящный былъ —
 То климата чудеснаго вліянье —
 Невольно, можетъ-быть, но онъ любилъ
 И чувствовалъ въ прекрасномъ обаянье.
 Онъ наслаждаться музыкою могъ,
 Его манилъ журчащій ручеекъ,
 Манилъ къ себѣ цвѣтокъ благоуханный,
 И грусть тогда смѣнялъ покой желанный.

LVII.

Но вся любовь пирата перешла
 На дочь его: то милое созданье
 Въ немъ нѣжность возбуждать еще могла
 Среди убійствъ и криковъ злодѣянья.
 Одну ее онъ могъ еще любить,
 Но еслибъ дочь вдругъ перестала жить,
 Онъ нѣжности на вѣки бы лишился
 И навсегда въ Циклопа обратился.

LVIII.

Тигрицы злость неистово-сильна,
 Когда ее дѣтёныша лишаютъ;
 Ужасна разъяренная волна —
 Межъ скалъ подводныхъ судна погибають.
 Подобный гнѣвъ, хотя и силенъ онъ,
 Минуеть скоро, битвой утомлѣнъ,
 Но гнѣвъ людей, невѣдавшихъ боязни,
 Но гнѣвъ отца — ужаснѣй всякой казни.

LIX.

Смотрѣть невыносимо иногда,
 Какъ дѣти нашу власть съ себя свергали...
 Мы ихъ хранили многіе года,
 Намъ прошлое они напоминали —
 И вдругъ на склонѣ позднихъ нашихъ лѣтъ,
 Когда уже въ насъ силы прежней нѣтъ,
 Они бѣгутъ, какъ будто бы въ испугъ —
 А намъ остались... старости недуги.

LX.

А между-тѣмъ, въ семьѣ прекрасно жить
 (Лишь только бѣ дѣти спать намъ не мѣшали),
 Гдѣ мать дѣтей могла сама вскормить
 (Хоть многія изъ дамъ за то страдали).
 Вотъ вся семья сошлась у очага
 (Для каждаго та сцена дорога),
 Сіяетъ мать въ семьѣ прекрасной этой,
 Какъ суверенъ межъ мелкою монетою.

LXI.

Старикъ Ламбро вошелъ тихонько въ домъ.
 День потухалъ и небо потемнѣло.
 Межъ-тѣмъ съ Жуаномъ Гайде за столомъ,
 Прекрасная и гордая, сидѣла.
 Роскошный столъ весь яствами покрытъ,
 Толпа рабынь вокругъ его стоитъ;
 Повсюду золотыя украшенья,
 Коралль и драгоценныя каменья.

LXII.

Является обѣдъ изъ сотни блюдъ.
 Тамъ поданъ былъ ягненокъ, супъ шафранный,
 Имъ рыбу съ сладкимъ мясомъ подаютъ,
 И наконецъ шербетъ благоуханный
 Изъ сока винограда и гранатъ,
 Гдѣ черезъ корку выжать ароматъ,
 И тотъ напитокъ жажду утоляетъ
 И въ знойный день неволью освѣжаетъ.

LXIII.

Напитокъ тотъ играетъ въ хрусталѣ,
 Межъ фруктами восточными сверкая,
 И кофе самый, лучший на землѣ
 Былъ подаваемъ въ чашкахъ изъ Китая.
 Чтобъ рукъ себѣ никто обжечь не могъ —
 На блюдцахъ былъ широкій ободокъ.
 Съ корицей кофе смѣшанъ былъ искусно,
 Что, впрочемъ, не совсѣмъ бываетъ вкусно.

LXIV.

Изъ бархата обои на стѣнахъ
 Съ квадратами тоновъ разнообразныхъ,
 Съ букетами и въ шолковыхъ цвѣтахъ,
 И на коврахъ фигуры литеръ разныхъ;
 Персидскими словами испещрѣнъ
 Ихъ голубой и нѣжно-тканый фонъ.
 Начертаны на немъ для поученья
 Восточныхъ моралистовъ изреченья.

LXV.

Тѣ надписи писались по стѣнамъ
 Всѣмъ въ родѣ увѣщанья или совѣта,
 О суетѣ напоминая намъ,
 Какъ черепа Мемфисскаго банкета.
 Такъ Валтасаръ прочолъ разъ на стѣнѣ
 Ужасный приговоръ своей странѣ.
 Но пусть мудрецъ моралью насъ пугаетъ,
 А наслажденье мѣръ весь увлекаетъ.

LXVI.

Красавица увялая отъ лѣтъ,
 Изчезнувшій еще при жизни геній,
 Упорный методистъ или аскетъ,
 Уставшій отъ прошедшихъ наслажденій —
 Намъ могутъ всѣмъ примѣромъ послужить
 И многихъ въ этой жизни убѣдить,
 Что вина и любовь насъ разрушаютъ,
 Какъ пышный столъ, гдѣ яства насъ плѣняютъ.

LXVII.

Атласный и пурпуровый коверъ
 Былъ подъ ногами Гайде и Жуана
 И въ комнатѣ во весь ея просторъ
 Стояли три роскошные дивана.
 Подушки алый бархатъ покрывалъ,
 На нихъ искусно вышитый блисталъ
 Дискъ солнца золотистый и румяный,
 По бархату въ лучахъ сверкавшихъ тканый.

LXVIII.

Вездѣ хрусталь и мраморъ и фарфоръ,
 Вкругъ вазы драгоцѣнныя блестѣли,
 Пестрѣлъ ковровъ затѣйливый узоръ —
 На нихъ лежали кошки и газели.
 За ними негры, карлики — весь сбродъ,
 Который униженіемъ живетъ —
 Какъ на базарѣ, въ комнатѣ толпились
 И съ раболѣпьемъ всюду суетились.

LXIX.

Повсюду поднимались зеркала,
 Въ изящныхъ украшеньяхъ съ позолотой;
 Вилась рѣзьба вокругъ каждаго стола:
 Въ нихъ врѣзаны съ искусною работой
 И перламутръ, и черепахи кость...
 А на столахъ нашолъ бы каждый гость,
 Куда бы ни взглянулъ, въ большомъ избыткѣ
 И кушанья, и разные напитки.

LXX.

Костюмъ на Гайде пышенъ и богатъ.
 Она въ нарядѣ палеваго цвѣта,
 На грудь ея, гдѣ былъ жемчужинъ рядъ,
 Сорочка ярко-пестрая надѣта;
 Прозрачный газъ, какъ облачный туманъ,
 Обхватывалъ ея прекрасный станъ,
 И грудь ея подъ тонкой пеленою
 Могла сравниться съ двойственной волною.

LXXI.

Широкіе браслеты безъ замка
 Изъ золота ей руки обвивали,
 Но въ нихъ свободно двигалась рука:
 Ей мягкіе браслеты не мѣшали.
 По волѣ ихъ могла она сжимать
 Иль золото растягивать опять...
 Подъ украшеньемъ чистаго металла
 Едва ли тѣло лучшее блистало...

LXXII.

И обвивался обручь золотой
 Вкругъ ногъ ея, какъ власти выраженье,
 И въ волосахъ, спадающихъ волной,
 Сверкали драгоцѣнные каменья.
 Ея вуаль прозрачная, какъ мгла,
 Жемчужной ниткой связана была,
 Вкругъ яркія шальвары ниспадали
 И формы благородныя скрывали.

LXXIII.

А кудри, какъ альпійскій водопадъ,
 Окрашенный поутру яркимъ свѣтомъ,
 Широкой прядью падали до пятъ.
 Она бь могла въ каскадъ пышномъ этомъ
 Вся спрятаться, но сѣтка волосамъ
 Разсыпаться мѣшала по плечамъ,
 Хотя они на волю порывались;
 Лишь вѣтра подалуи ихъ касались.

LXXIV.

Вкругъ Гайде воздухъ былъ совсѣмъ иной,
 Когда она кругомъ бросала взгляды.
 Они сверкали южною весной,
 Исполнены и нѣги, и отрады.
 Она Психеей чистою была
 И помыслы грѣховныя гнала,
 И каждый могъ, въ красавицу влюбленный,
 Упасть предъ ней колѣнопреклоненный.

LXXV.

Ея рѣсницы, темныя, какъ ночь,
 Окрашены (таковъ обычай края),
 Но краска не могла ихъ превозмочь --
 И изъ-подъ нихъ глаза глядятъ сверкая.
 Покрыты краской ногти на рукахъ
 (То модой завѣщалось въ тѣхъ мѣстахъ),
 Но и безъ краски ногти эти были
 И розовы, и нѣжностью дивили.

LXXVI.

Чтобъ выступала ярче бѣлизна,
 Она въ румяной краскѣ не нуждалась,
 Какъ день, едва проснувшійся отъ сна,
 Когда заря на небѣ загоралась.
 Видѣніемъ она явилась въ міръ...
 Ссылаюсь на слова твои, Шекспиръ:
 «Лилею красить есть ли намъ охота?
 Для золота нужна ли позолота?»

LXXVII.

Былъ въ черной шали съ золотомъ Жуанъ
 И въ бѣлой ткани, легкой и прекрасной;
 Изъ-подъ нея, какъ звѣзды сквозь туманъ,
 Сверкали драгоценности. Атласный
 Тюрбанъ на головѣ его лежитъ,
 А въ немъ султанъ качаяся дрожитъ,
 И рогъ луны подъ нимъ едва мерцаетъ
 И кроткое сіянье проливаетъ.

LXXVIII.

Ихъ забавляли карлики въ тотъ часъ,
 Невольницъ пляска, евнухи... При этомъ
 Одинъ поэтъ, прославленный не разъ,
 Ихъ развлекалъ. Стихами и сюжетомъ
 Съ успѣхомъ онъ владѣть нѣ рѣдко могъ
 И не однажды пользу ужъ извлѣкъ,
 По милости своей пѣвучей лиры,
 Изъ лести очень тонкой и сатиры.

LXXIX.

На прошлое онъ въ пѣсняхъ клеветалъ,
 Онъ старину бранилъ безъ снисхожденья,
 И... анти-якобинцемъ новымъ сталъ,
 Желая за стихи вознагражденья.
 Онъ въ пѣсняхъ независимъ прежде былъ,
 Но прежнимъ убѣжденьямъ измѣнилъ
 И, выгоднымъ считая слово лести,
 Сталъ воспѣвать папу съ султаномъ вмѣстѣ.

LXXX.

Превратности судьбы онъ испыталъ
 И, привыкая всюду увиваться,
 Смотря по обстоятельствамъ, считалъ
 Онъ долгомъ непремѣннымъ измѣняться.
 Отъ мщенія его спасала лесть,
 Умѣлъ онъ нагло лгать... Надежда есть,
 Что онъ получитъ нѣкогда отъ свѣта
 Всѣ почести вѣнчаннаго поэта.

LXXXI.

Но у него талантъ былъ; онъ любилъ
 Затрогивать всеобщее вниманье
 И въ этомъ наслажденье находилъ...
 Кто не желалъ изъ насъ рукоплесканья?..
 Но продолжать я долженъ свой рассказъ.
 Остановился я на этотъ разъ
 На пиршествѣ островитянъ влюбленныхъ
 Средь дикихъ мѣстъ, отвсюду отдаленныхъ.

LXXXII.

Поэтъ ихъ былъ хотя и временщикъ,
 Но въ обществѣ его бы оцѣнили.
 Онъ къ похваламъ въ компаніи привыкъ,
 И хотъ не всѣмъ вполнѣ понятны были
 Его слова и спичи, но толпа
 Въ враждѣ и въ восхищеніи слѣпа:
 Она ему почтительно внимала
 И одобренье плескомъ выражала.

LXXXIII.

Теперь попавъ въ иной хорошій кругъ
 И вспоминая прожитые годы,
 Среди друзей поэтъ рѣшился вдругъ
 Своимъ рѣчамъ дать болѣе свободы.
 Себя ему хотѣлось, можетъ-быть,
 За долгое лганье вознаградить.
 Онъ зналъ, что пѣть здѣсь можно что угодно
 Безъ опасенья всякаго, свободно.

LXXXIV.

Онъ видѣлъ много націй и людей
 Различныхъ состояній, убѣжденья,
 Различныхъ кастъ, сословіи и идей,
 И каждаго умѣлъ изъ угожденья
 Приличнымъ словомъ встрѣтить иногда.
 Девизъ его — на многіе года,
 Вездѣ имъ соблюдаемый и всюду:
 «Съ римляниномъ по римски жить я буду».

LXXXV.

И потому-то въ обществѣ умѣлъ
 Выдерживать отлично тактъ похвальный:
 Гдѣ можно было — «Са іга» ⁶ онъ пѣлъ,
 А гдѣ нельзя — тамъ гимнъ національный.
 Чтобъ избѣжать гоненья и бѣды,
 Онъ съ Музой пѣлъ на разные лады.
 Вѣдь были жь скачки Пиндаромъ воспѣты!..
 И онъ могъ пѣть, какъ многіе поэты...

LXXXVI.

Во Франціи — онъ пѣсню бы сказалъ,
 Межъ англичанъ — старинное преданье,
 Въ Испаніи — балладу написалъ,
 Въ Германіи онъ, Гёте въ подражанье,
 Пегаса бѣ непременно осѣдлалъ,
 Въ Италиі, — чтобъ возбудить вниманье —
 Онъ тречентистамъ ⁷ въ пѣсняхъ подражалъ,
 А въ Греціи пропѣлъ бы пѣснь свободѣ,
 И пѣсня та была въ такомъ бы родѣ:

1.

Берега Эллады встали!
 Голосъ Сафо тамъ звучалъ,
 Тамъ искусства процвѣтали,
 Златокудрый Фебъ блисталъ,
 А теперь лишь солнце лѣта
 Лететь на васъ потоки свѣта.

2.

На другомъ концѣ земли
 И подъ чуждымъ небосклономъ
 Вашъ Гомеръ съ Анакреономъ
 Славу вѣчную нашли.
 Вся земля ихъ славить рада,
 Но молчить одна Эллада...

3.

Марафонъ стоитъ межъ скалъ,
 Какъ маякъ нашъ путеводный.
 Тамъ о Греціи свободной
 Не однажды я мечталъ.
 Межъ персидскими гробами
 Вѣчно ль быть всѣмъ намъ рабами?

4.

Царь одинъ смотрѣлъ съ скалы:
 Корабли кругомъ мелькали,
 Легіоны выступали,
 Словно грозные орлы;
 Но день ясный ночь смѣнила —
 Гдѣ жь могучей рати сила?

5.

Гдѣ пришлось имъ всѣмъ уснуть?
 Гимнъ героевъ не несется,
 Съ прежней силою не бьется
 Героическая грудь.
 Такъ могу ли въ этомъ мѣрѣ
 Я коснуться къ чудной лирѣ!

6.

Но забуду ли когда,
 Что весь край въ цѣпяхъ страдаетъ?
 Все лицо мое пылаетъ
 Краской общаго стыда...
 Намъ остались въ наказанье
 Стыдъ за грековъ и рыданья.

7.

Льемъ не кромь мы — капли слёзъ.
 Чтò намъ слезы, стыдъ румянца?
 Хоть бы три, хòть три спартанца
 Между греками нашлось...
 Только встаньте изъ могилы —
 Воскресимъ мы Фермопилы.

8.

Жду отвѣта мертвецовъ.
 Чу! отвѣтъ ихъ раздаётся:
 «Пусть хоть грекъ одинъ проснется —
 Мы придемъ со всѣхъ концовъ,
 Мы придемъ, чтобъ биться снова!»
 Но живые — ни полслова.

9.

Такъ, постыла вамъ война —
 Мечъ врагамъ предоставляйте
 И полнѣе наливайте
 Въ кубки красного вина...
 Что жь? откликнулись всѣ живо
 Звукамъ гнуснаго призыва.

10.

Вамъ остался только пиръ,
 Вы пиррійской пляскѣ рады,
 Но скажи, народъ Эллады,
 Гдѣ съ своей фалангой Пирръ?
 Въ рабствѣ нѣтъ для васъ печалей,
 Жизнь темна безъ вакханалій.

11.

Пейте жь вина. Воля — сонъ,
 Нѣтъ къ прошедшему возврата!...
 Пѣлъ вино Анакреонъ,
 Онъ былъ рабъ — но Поликрата.
 Поликратъ нашъ былъ тиранъ,
 Но тиранъ не чуждыхъ странъ.

12.

Десиотъ нашъ — былъ другъ свободы,
 Этотъ деспотъ — Мильтіадъ.
 Міръ такимъ тиранамъ радъ
 Въ старину и въ наши годы.
 Пусть съ цѣпями къ намъ придетъ
 Хотъ еще такой деспотъ!...

13.

Пейте жь сладкое вино!
 Можетъ-быть, найдутся люди —
 И не умерло въ ихъ груди
 Мщенье, спавшее давно.
 Гераклидовъ кровь и нынѣ
 Можетъ вспыхнуть въ гражданинѣ.

14.

Ждете вы — васъ галлъ спасетъ?
 Нѣтъ его не поджидайте.
 Всѣ надежды возлагайте
 Вы на собственный народъ;
 Но турецкой власти сила
 Грозный щитъ вашъ надломила.

15.

Пейте сладкое вино!
 Подъ веселые напѣвы
 Пляшутъ греческія дѣвы,
 Но въ глазахъ отъ слезъ темно:
 Вскормятъ груди дѣвъ прекрасныхъ
 Лишь однихъ рабовъ несчастныхъ...

16.

Нѣтъ, одинъ къ морскимъ волнамъ
 Я пойду съ своей кручиной,
 Кончу пѣсней лебединой
 И умру, какъ лебедь, тамъ...
 Рабскій край я презираю,
 На полъ кубокъ свой бросаю.

LXXXVII.

Такъ пѣлъ иль сталъ бы пѣть нашъ ново-грекъ;
 Хотя не могъ съ Орфеемъ онъ равняться
 Въ своихъ стихахъ, но въ нашъ холодный вѣкъ
 И хуже пѣсни могутъ раздаваться.
 Но въ пѣснѣ той есть чувства легкій слѣдъ,
 А чувствами и дѣйствуетъ поэтъ
 На цѣлый міръ... Лжецы — поэты эти:
 Знакомы всѣ цвѣта для нихъ на свѣтѣ.

LXXXVIII.

- Но слово — это двигатель земли.
 Напишется одно лишь только слово
 И — тысячи людей его прочли
 И въ міръ все твердить его готово...
 Да, нѣсколько рядовъ ничтожныхъ строкъ
 На свѣтѣ существуютъ долгій срокъ:
 Одинъ клочокъ какой-нибудь страницы
 - Переживетъ людей и ихъ гробницы.

LXXXIX.

А кто писалъ тѣ строки — стерся въ прахъ,
 Какъ цѣлый край, гдѣ прежде онъ родился...
 Когда жь случайно встрѣтимъ на поляхъ
 Пергамента, который сохранился —
 Мы имя то, иль на плитѣ найдемъ
 Одно воспоминаніе о немъ —
 То это имя станетъ непременно
 Грядущему потомству драгоцѣнно.

ХС.

Для многихъ слава только лишь смѣшна,
 Какъ звукъ пустой, иллізіи движенье...
 Отъ случая рождается въ міръ она.
 Гомеру Троя столько жъ, безъ сомнѣнья,
 Обязана, на сколько Гойлю — вистъ.
 А Марльборо? Міръ сердцемъ былъ бы чистъ,
 Его забывъ, когда его дѣянья
 Не изложилъ бы Коксъ въ своемъ сказаньи.

ХСІ.

Поэзіи король для насъ — Мильтонъ.
 Поэтъ немного скучный, но прекрасный,
 Умѣреннымъ во всемъ являлся онъ;
 Когда жъ Джонсонъ взялся за трудъ опасный —
 Составить біографію о немъ,
 То о Мильтонѣ вдругъ мы узнаемъ,
 Что отъ него жена его страдала
 И, наконецъ, изъ дома убѣжала.

ХСІІ.

Конечно, всѣмъ намъ любопытно знать,
 Что былъ Шекспиръ когда-то браконьеромъ,
 Что Бэконъ взятки могъ отлично брать —
 Но что жъ поймемъ мы по такимъ прѣмѣрамъ?
 Хоть истина историку нужна,
 Но въ случаяхъ такихъ едва ль она
 Исторію героевъ освѣщаетъ
 И, что нибудь къ ихъ славѣ прибавляетъ.

XСІІІ.

Но вѣдь такихъ, какъ Саути иль ты,
 Вордсвортъ, ужь нѣтъ теперь. Вордсвортъ когда-то,
 Тая въ себѣ чиновныя мечты,
 Писалъ поэмы словомъ демократа.
 А тотъ, Кольриджъ, еще до тѣхъ времёнъ,
 Когда аристократомъ не былъ онъ
 И не мечталъ въ журналѣ о подпискѣ,
 Украдкою женился на модисткѣ...

XСІV.

Теперь позорны эти имена,
 Какъ образцы измѣны и обмана,
 И презираетъ цѣлая страна
 Исторію льстеца и шарлатана.
 Вордсворта видѣлъ я послѣдній томъ
 Ужасной толщины, и каюсь въ томъ:
 Скучнѣй поэмы въ мірѣ я не видѣлъ
 И отъ души ее возненавидѣлъ.

XСV.

Вордсвортъ и Анна Сауткотъ.⁸
 Твореньями ужасными своими
 Не поражаютъ болѣе народъ,
 И нынѣ услаждаться можетъ ими
 Лишь избранныхъ поклонниковъ кружокъ.
 Всѣ думали — отъ нихъ родится богъ,
 А тутъ бѣда была совсѣмъ иная:
 Двухъ старыхъ дѣвъ раздула водяная.

ХСVI.

Но... здѣсь я откровенно сознаюсь,
 Что я рассказъ нерѣдко прерываю,
 Съ читателемъ надолго разстаюсь
 И самъ съ собой невольно разсуждаю.
 Изъ всѣхъ своихъ пороковъ самъ я могъ
 Въ себѣ признать такой большой порокъ.
 Я сознаюсь, что эти отступленья
 По истинѣ — большое преступленье.

ХСVII.

«Longueurs», какъ у французовъ говорятъ,
 (У насъ, положимъ, нѣтъ такого слова,
 За то у насъ поэмъ есть цѣлый рядъ,
 Гдѣ слову объясненіе готово)
 Читателю наскучать наконецъ,
 Но и другой эпическій пѣвецъ
 Приливомъ и отливомъ страшной скуки
 Заставитъ опустить невольно руки.

ХСVIII.

Мы знаемъ, что «Гомеръ, порою, спалъ»,⁹
 Вордсвортъ же сонъ не рѣдко забываетъ
 (Онъ насъ всегда любезностью смущалъ)
 И вокругъ озеръ съ «Извощикомъ»¹⁰ блуждаетъ...
 Вотъ въ «лодку» онъ садится, чтобы плыть...
 По воздуху... Потомъ спѣшитъ спросить
 Себѣ «челнокъ» — и плаваетъ въ просторѣ
 Своей слюны, вдругъ обращонной въ море.

XCIX.

Но если такъ желаетъ онъ парить
 И для себя Пегаса не поймаетъ —
 Его спасетъ «Извощикъ», можетъ-быть,
 Иль пусть дракона въ путь онъ осѣдлаетъ.
 Но такъ-какъ шею можетъ онъ сломать,
 А на луну желанье есть слетать,
 То отчего не сядетъ въ шаръ воздушный,
 Желанію нелѣпому послушный?

С.

О, Поппа тѣнь! О, Драйденъ!... Въ наши дни
 Являются подобныя творенья,
 И носятся надъ бездною они,
 И ускользаютъ всюду отъ презрѣнья!
 Ихъ авторы васъ смѣютъ оскорблять!
 И надъ могилой вашею свистать,
 Лишь завистью безчестною объаты,
 Рѣшаются лжецы и ренегаты!...

СІ.

Итакъ — впередъ. Пиръ кончился. Ушли
 Рабы и карлы; танцы прекратидись,
 Затихли пѣсни звонкія вдали
 И музыканты тихо удалились.
 Любовники одни теперь сидятъ,
 Любуясь на розовый закатъ...
 Ave Maria! всюду во вселенной
 Тебя достоинъ этотъ часъ священный.

СII.

Ave Maria! чтимъ мы этотъ часъ!
 Благословимъ тотъ климатъ, гдѣ когда-то
 Приходъ его я чувствовалъ не разъ
 Въ прелестный мигъ вечерняго заката.
 Вдали на башнѣ колоколъ звучалъ
 И гулъ его на небо улеталъ;
 Тумана волны въ воздухѣ стояли
 И только листья тихо трепетали.

СIII.

Ave Maria! это часъ любви!
 Ave Maria! это часъ моленья!
 Ave Maria! насъ благослови:
 Мы просимъ твоего благословенья.
 Ave Maria! дивныя черты!
 Они полны нездѣшной красоты...
 О, въ той святой, божественной картинѣ
 Мы видимъ отраженіе святыни.

СIV.

Въ памфлетахъ безъименныхъ стороной
 Корятъ меня въ безбожьи казуисты,
 Но пусть они помолятся со мной:
 Посмотримъ, чьи молитвы будутъ чисты...
 Алтарь мой — небо, солнце, доно водъ,
 Земли, эфиръ и все, что создалъ Тотъ,
 Кто далъ мнѣ на землѣ существованье,
 Мысль и любовь, и самое страданье.

CV.

Вечерняго заката дивный часъ!
 На берегу, въ густыхъ лѣсахъ Равенны
 Встрѣчалъ его съ восторгомъ я не разъ...
 Тайственны, темны, уединенны
 Тѣ милые, зеленые лѣса:
 Боккачю воспѣлъ ихъ чудеса...
 Я въ сумерки любилъ въ нихъ углубляться
 И тишиной вечерней наслаждаться.

CVI.

Въ лѣсу кругомъ молчаніе царить,
 Лишь пѣніе кузнечиковъ несется,
 Мой конь въ травѣ подковами звучить,
 Да благовѣсть сквозь вѣтви раздается...
 Вотъ съ адской сворой мчится предо мной
 «Охотникъ-привидѣнье»... стороной
 Красавицы мелькаютъ... ¹¹ тѣни эти
 Какъ будто проносились въ полу-свѣтѣ.

CVII.

О, Гесперь! ты покой приносишь намъ,
 Усталому ты теплый кровъ находишь
 И пищу всѣмъ голоднымъ бѣднякамъ
 И къ юной птичкѣ мать ея приводишь;
 Ты намъ даешь и миръ и тишину —
 И мы склоняемъ голову ко сну,
 Успокоеніе подъ кровлю посылаешь
 И къ матери ребенка возвращаешь.

СVIII.

Блаженный часъ!.. Въ иныхъ онъ грусть будиль,
 Когда они въ чужомъ краю скитались;
 Иной его привѣтствовать любилъ,
 Лишь звуки съ колокольні раздавались,
 И словно плакать тихо начиналъ,
 Что ясный день на небѣ умиралъ...
 Увы! все то, что въ мірѣ умираетъ,
 Хоть въ комъ-нибудь да слезы вызываетъ.

СIX.

Когда казненъ судьбою былъ Неронъ,
 Какъ жертва справедливаго отмщенья,
 И Римъ рукоплескалъ со всѣхъ сторонъ,
 Привѣтствуя свое освобожденье —
 То неизвѣстный другъ принесъ цвѣты,
 Чтобъ увѣнчать могильныя плиты:
 То, можетъ-быть, несчастныхъ приношенье
 Тирану за минуту снисхожденья.

СХ.

Но я опять рассказъ свой позабылъ —
 И мнѣ не кстати вдругъ пришла охота
 (Читателей я этимъ удивилъ)
 Припоминать Нерона для чего-то.
 Мнѣ измѣнило творчество — и я
 (Сказали бы кэмбриджскіе друзья) ¹²
 Сталъ «ложкой деревянной»: то названье
 Лѣнивымъ всѣмъ давалось въ посмѣянье.

СХІ.

Я сознаюсь: нѣтъ толку въ болтовнѣ...
Чтобъ избѣжать теперь такой напасти,
Фантазія явилася во мнѣ —
Разрѣзать эту пѣсню на двѣ части.
Вѣдь въ томъ меня никто не уличить,
А уличать — какой же въ этомъ стыдъ?
Самъ Аристотель былъ того же мнѣнья
И всѣ ему повѣрятъ, безъ сомнѣнья.

ПѢСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Чѣмъ завершить, иль чѣмъ начать рассказъ —
Нерѣдко затруднялись всѣ поэты;
Когда крыло свихнетъ себѣ Пегасъ,
Мы кубаремъ несемся въ волны Леты,
Какъ Люфицеръ, за грѣхъ слетѣвшій въ адъ...
Въ насъ тотъ же грѣхъ: бросая гордый взглядъ,
Мы всѣ умомъ высоко залетаемъ,
Потомъ — увы — безславно внизъ спадаемъ.

II.

Но опытомъ наученные, мы
Лишь послѣ сознаемъ свое безсилье
(Какъ самый бѣсъ среди кромѣшной тьмы)
И опускаемъ робко наши крылья.
Въ дни юности, когда въ насъ кровь кипитъ,
Такая мысль нашъ умъ не шевелитъ
И мы полны и горды до могилы
Той дѣтской вѣрой въ собственныя силы.

III.

Я мальчикомъ въ себѣ увѣренъ былъ
 И ждалъ похвалъ общественнаго мнѣнья,
 Въ дни зрѣлости я точно заслужилъ
 И похвалы, и общее почтенье.
 А что жъ теперь? фантазіи мечты
 Опали, какъ осенніе листья,
 И все, что прежде умъ мой поражало —
 Младенчески-забавнымъ нынче стало.

IV.

И если я надъ смертью хохочу,
 То для того, чтобъ скрыть свои рыданья,
 И если плакать часто я хочу,
 То для того, чтобъ облегчить страданья.
 Насъ въ Летѣ ждетъ забвенья вѣчный сонъ;
 Тетида сынъ былъ въ Стиксѣ окрещонъ:
 Мать смертная могла бъ крестины эти
 Приличнѣе устроить въ самой Летѣ.

V.

Меня враги повсюду въ томъ винятъ,
 Что нравственность я часто оскорбляю
 И смѣло проповѣдую развратъ...
 Своихъ достоинствъ я не защищаю,
 Но мнѣ не снился даже этотъ планъ;
 Когда я принимался за романъ,
 То въ немъ имѣлъ единственную цѣль я
 Избѣгнуть скуки съ помощью веселья —

VI.

Хоть, можетъ-быть, читатель удивлѣнъ
 Моей манерой, нѣсколько свободной...
 Писалъ такъ Пульчи ¹ нѣкогда, но онъ
 Иного вѣка былъ пѣвецъ народный,
 И воспѣвалъ въ своихъ поэмахъ намъ
 Миръ рыцарей, волшебниковъ и дамъ.
 Теперь на нихъ прошла на свѣтѣ мода
 И я пишу разсказъ другого рода.

VII.

Мнѣ удался разсказъ мой или нѣтъ —
 Не знаю я... кто хочетъ, такъ и судить.
 Пусть новаго творенія сюжетъ
 Безнравственнымъ казаться многимъ будетъ:
 Въ нашъ молодой и либеральный вѣкъ
 Свободно мыслить каждый человѣкъ...
 Но Аполлонъ зоветъ меня къ роману —
 И продолжать исторію я стану.

VIII.

Бѣгутъ уединенія часы
 Для Гайде и Жуана. Въ наказанье
 Сатурнъ не смѣлъ поднять своей косы,
 Чтобъ оскорбить два нѣжныя созданья;
 Хоть, врагъ любви, онъ все-таки скорбѣлъ,
 Что часъ за часомъ быстро такъ летѣлъ:
 Для нихъ, казалось, старость не настанетъ,
 Отъ времени ихъ счастье не увянетъ.

IX.

Не созданы ихъ лица для морщинъ,
 Ихъ кровь безсмертной юностью согрѣта,
 Ихъ волосы знать не должны сѣдинъ
 И жизнь для нихъ, какъ въ небѣ южномъ лѣто,
 Должна безъ увяданья проходить.
 Ихъ можетъ громъ въ мгновеніе убить,
 Но разрушенье старости едва ли
 Готовило имъ въ будущемъ печали.

X.

Вдвоемъ теперь опять они сидятъ —
 Разлуки часъ они не выносили:
 Плотиною закрытый водопадъ,
 Стволъ дѣрева, которое срубили,
 Ребенокъ, потерявшій рано мать,
 Едва начавшій грудь ея сосать,
 Не скоро такъ угаснуть въ страшной мукѣ,
 Какъ Донъ-Жуанъ и Гайде отъ разлуки.

XI.

Какъ счастливъ тотъ, чье сердце, какъ фарфоръ,
 На части разобьется отъ паденья:
 Его минуетъ старости позоръ
 И не коснутся годы разрушенья.
 Онъ не пойметъ страданій долгихъ лѣтъ:
 Они въ душѣ оставляютъ страшный слѣдъ
 И тотъ, кто умереть скорѣй желаетъ —
 Живетъ на зло нерѣдко и страдаетъ.

XII.

«Кто милъ богамъ», мужъ въ древности сказалъ: ²
 «Тотъ въ этомъ мірѣ скоро умираетъ».
 Отъ многихъ золь, которыхъ онъ не зналъ,
 Его могила скоро избавляетъ.
 Потеря дружбы, счастія конецъ
 Не возмутятъ покой такихъ сердець,
 И если гробъ всѣхъ смертныхъ ожидаетъ,
 То счастливъ тотъ, кто рано умираетъ.

XIII.

Жуана съ Гайде гробъ не устрашалъ;
 Они за то лишь время обвиняли,
 Что часъ за часомъ быстро пролеталъ...
 Какъ зеркало, ихъ души отражали
 Взаимное блаженство; каждый разъ
 Ихъ яркій взоръ, блиставшій какъ алмазь,
 Былъ радости и счастья выраженъ,
 Не затемненный горемъ и сомнѣньемъ.

XIV.

Пожатіе чуть слышное двухъ рукъ
 И нѣжный трепетъ ихъ прикосновенья
 И подалуя дѣвственнаго звукъ —
 Имъ замѣняли рѣчи выраженья.
 Обоимъ имъ понятенъ тотъ языкъ,
 Котораго никто бы не постигъ:
 Они одни тѣ рѣчи понимали
 И ими голосъ сердца выражали.

XV.

Они дѣтьми явились въ этотъ свѣтъ
 И кончить жизнь свою должны, какъ дѣти;
 Имъ строгой роли въ мірѣ этомъ нѣтъ:
 Какъ призраки они явились въ свѣтѣ,
 Рожденные въ источникѣ одномъ;
 Имъ чуждо все, чѣмъ жизнь кипитъ кругомъ,
 Ихъ міръ — цвѣты и лоно водъ зеркальныхъ,
 Ихъ жизнь — любовь вдали заботъ печальныхъ.

XVI.

Не разъ луна свершила свой обходъ,
 Но въ нихъ не охладѣло упоенье:
 Такая страсть въ сердцахъ не устаетъ,
 Имъ непонятно было пресыщенье,
 Не чувственность связала крѣлко ихъ,
 И все, что такъ опасно для другихъ —
 Въ восторгахъ обладанья, имъ давало
 Иную жизнь и чувствъ не притупляло.

XVII.

Такой любви намъ въ мірѣ не найти:
 Для нихъ любовь чужда земныхъ волненій,
 Страстишекъ мелкихъ, жалкаго пути
 Семейныхъ дрызгъ и сценъ и приключеній,
 Гдѣ Гименея факель освѣщаль
 Нерѣдко соблазнительный скандалъ
 И жизнь блудницъ, которыя упали,
 Чего мужья одни не понимали.

XVIII.

Но отчего жь счастливая чета
 Опасности подобной избѣжала?
 Врожденная невинность, чистота
 Ихъ дѣвственное чувство охраняла.
 Такія чувства міръ не признаетъ
 И романтизмомъ нынче ихъ зоветъ,
 А романтизмъ теперь не уважаютъ
 И почему-то глупостью считаютъ.

XIX.

Въ иныхъ любовь искусственно живётъ
 Отъ чтенья книгъ, отъ жажды наслажденья;
 Но имъ судьба въ любви дала оплотъ:
 Имъ чуждо всѣхъ романовъ возбужденье —
 Для Гайде незнакомъ былъ ихъ обманъ .
 И въ строгости воспитанъ былъ Жуанъ:
 У нихъ любовь есть тоже — вдохновенье,
 Какъ соловья плѣнительное пѣнье.

XX.

Они глядятъ на солнечный закатъ.
 Его мгновенья имъ напоминали,
 Что въ тотъ же часъ немного дней назадъ
 Другъ друга въ первый разъ они узнали,
 И сумерки, спускаясь до земли,
 Имъ новое блаженство принесли.
 И все кругомъ теперь ихъ восхищало,
 Все о прошедшемъ имъ напоминало.

XXI.

Но въ этотъ часъ ихъ тайный страхъ смутилъ,
 И горизонтъ ихъ счастья омрачился:
 Такъ струны арфы вѣтеръ шевелилъ
 Иль надъ огнемъ мгновенно проносился.
 Предчувствіе Жуану давитъ грудь,
 И онъ не могъ глубоко не вздохнуть,
 А глазки Гайде, полные печали,
 Слезами набѣжавшими сверкали.

XXII.

Тѣ черные, прекрасные глаза
 За солнцемъ съ тайнымъ трепетомъ слѣдили,
 Какъ будто ждетъ обоихъ ихъ гроза,
 Какъ будто дни ихъ счастья уходили.
 Жуанъ слѣдилъ за Гайде и страдалъ
 Тоской — ея онъ самъ не понималъ —
 И за минуту тайнаго смущенья
 Онъ взглядами просилъ ея прощенья.

XXIII.

Тутъ улыбнулась Гайде, и тоска
 Въ ея улыбкѣ милой отражалась.
 Но если скорбь была въ ней велика,
 Она въ себѣ убить ее старалась;
 Когда жь Жуанъ — для шутки, можетъ-быть —
 Объ ихъ испугѣ началъ говорить,
 Она его сомнѣнья разгоняла,
 Хоть и ее предчувствіе пугало.

XXIV.

А чтобъ Жуанъ скорѣе замолчалъ —
 Къ его лицу лицо она склонила
 И поцалуй печаль его прогналъ...
 Да, поцалуй — магическая сила.
 Предпочитають многіе вино —
 Пренебрегать и этимъ не должно.
 Два эти средства часто помогаютъ,
 Хотя отъ нихъ нерѣдко и страдаютъ.

XXV.

Мы можемъ выбрать — женщинъ и вино,
 Они блаженства нашего налоги.
 Что лучше выбрать? Мной не рѣшено...
 Ужь если дѣлать выборъ на дорогѣ,
 То оба эти средства для себя
 Избралъ бы я, равно ихъ полюбя...
 Въ любви вино забыть я не желаю,
 А при винѣ любовь не забываю.

XXVI.

Жуанъ и Гайде съ нѣжностью глядятъ
 И въ нихъ такое чувство отражалось,
 Какъ будто смотритъ другъ, любовникъ, братъ —
 Все это въ ихъ любви соединялось.
 Они другъ въ другъ счастье нашли
 И болѣе любить ужъ не могли.
 И избавляло ихъ отъ пресыщенья
 Чрезмѣрное желанье наслажденья.

XXVII.

О, лучше, если бъ умерли они
 Въ объятіяхъ другъ друга въ это время,
 Когда ихъ ждуть печали новой дни
 И въ будущемъ грозитъ печали бремя.
 Весь лживый свѣтъ былъ созданъ не для нихъ,
 Какъ пѣсня Сафо, страстныхъ и живыхъ.
 Любовь и жизнь для нихъ соединялись
 И души ихъ съ любовью той сливались.

XXVIII.

Въ глуши лѣсовъ они должны бы жить,
 Какъ соловьи среди уединенья,
 И тамъ весь свѣтъ порочный позабыть —
 Его развратъ и гнѣвъ, и заблужденья.
 Такъ парами всѣ птички гнѣзда вьютъ
 И лишь орлы одни- всегда живутъ,
 А вороны всѣ стаями летаютъ
 И съ жадностью на трупы нападаютъ.

XXIX.

Щекой къ щекѣ склоняясь въ сладкомъ снѣ,
 Жуанъ и Гайде вмѣстѣ задремали,
 Но ихъ дремоту въ этой тишинѣ
 Какія-то видѣнія смущали.
 Шептала Гайде звуки смутныхъ словъ,
 Какъ яркій ключъ межъ тихихъ береговъ;
 Надъ ней неслись невѣдомыя грезы,
 Какъ вѣтерокъ, качавшій стебель розы,

XXX.

Иль какъ ручей, когда играетъ онъ
 Среди долинъ, взволнованный зефиромъ.
 Таковъ былъ сонъ у Гайде. Этотъ сонъ
 Всегда бывалъ для насъ особымъ міромъ,
 Онъ насъ своимъ законамъ подчинялъ
 И въ сновидѣньяхъ мыслить заставлялъ, —
 И въ этомъ снѣ, хотъ глазъ не раскрывали,
 Мы чувствовать и видѣть начинали.

XXXI.

Ей снилось, что прикована къ скалѣ,
 Она стоитъ, и волны вокругъ играютъ —
 Валы ревуть и прыдаютъ во мглѣ
 И гибелью ей страшной угрожаютъ:
 Они лицо ужъ стали заливать...
 Она не можетъ болѣе дышать...
 Надъ головою волны заревѣли,
 Какъ будто задавить ее хотѣли.

XXXII.

Но вотъ она свободна и бѣжитъ
 По острымъ камнямъ... кровь изъ ногъ сочилась...
 А впереди — и Гайде вся дрожитъ —
 Какъ будто что-то бѣлое катилось.
 Хотъ съ ужасомъ, бѣжитъ за нимъ она
 И разглядѣть, схватить его должна,
 Но всякій разъ, какъ руку поднимаетъ —
 Неясный призракъ быстро ускользаетъ.

XXXIII.

Сонъ измѣнился вдругъ. Она идетъ
 Пещерою... встаютъ рядами залы
 И стѣны ихъ, ихъ полутемный сводъ
 Украсили роскошные кораллы.
 На Гайде влажны были волоса
 И слезъ полны пылавшіе глаза.
 Когда жь съ щеки слеза ея спала,
 То становилась блѣсткою кристалла.

XXXIV.

А передъ ней недвижный, будто трупъ,
 Какъ пѣна моря блѣдный и холодный,
 Лежалъ Жуанъ, не раскрывая губъ...
 Не бьется сердце жизнью свободной...
 Вкругъ пѣли волны пѣсню похоронъ...
 И этотъ сонъ, ужасный, краккій сонъ,
 Ей безконечнымъ вѣкомъ показался,
 Ее пугалъ и все не прекращался.

XXXV.

И вотъ она въ чертахъ его лица
 Черты другія смутно узнавала...
 Она глядитъ — и видитъ въ немъ отца...
 И вотъ еще яснѣе сходство стало:
 Вотъ профиль тотъ, отцовскій взглядъ... Она
 Въ минуту ту очнулася вдругъ отъ сна.
 И на нее — какъ страшно пробужденье! —
 Смотрѣлъ отецъ въ то самое мгновенье.

XXXVI.

Она вскочила съ крикомъ и опять
 Назадъ упала: счастье и горе
 Могли ее въ то время взволновать:
 Отецъ былъ живъ и не погибъ онъ въ морѣ,
 Она отца должна всегда любить,
 Но онъ Жуана можетъ погубить...
 Я положенье Гайде понимаю:
 Странанье то по опыту я знаю.

XXXVII.

Жуанъ вскочилъ, чтобъ Гайде охранить,
 И поспѣшилъ въ минуту пробужденья
 Передъ пришельцемъ саблю обнажить —
 И въ гнѣвѣ былъ готовъ онъ на отмщенье.
 Тогда Ламбро съ презрѣнiемъ сказалъ:
 «Сто палашей, когда бъ я пожелалъ,
 Здѣсь явятся по одному лишь звуку...
 Такъ опусти съ безсильной саблей руку».

XXXVIII.

Предъ нимъ склоняясь, Гайде говоритъ:
 «То мой отецъ, Жуанъ, передъ тобою!
 Я чувствую, онъ насъ съ тобой простить:
 Склонимся передъ нимъ теперь съ мольбою.
 О, мой отецъ! Прости меня, прости,
 И радости свиданья не смуди...
 Казни меня, казни безъ сожалѣнья,
 Но за него прошу я снисхожденья».

XXXIX.

Старикъ на дочь взглянулъ и промолчалъ;
 Спокойствіе свѣтилось въ строгомъ взорѣ,
 Хотя подъ нимъ онъ гнѣвъ порой скрывалъ
 И ближнему готовилъ смерть и горе.
 Тутъ къ юношѣ онъ обратился вновь...
 А между-тѣмъ въ Жуанѣ пышетъ кровь,
 Въ его лицѣ румянецъ появился:
 Онъ умереть съ оружіемъ рѣшился.

XL.

«Свой мечъ отдай!» сказалъ ему старикъ.
 —«Нѣтъ, никогда!» Ламбро, услыша это,
 Вдругъ поблѣднѣлъ и въ тотъ же самый мигъ
 Въ рукѣ сверкнуло дуло пистолета.
 «Такъ пусть же кровь прольется въ этотъ день!»
 Сказалъ старикъ и осмотрѣлъ кремень —
 И, наконецъ, исполнивъ дѣло это,
 Онъ поднялъ къ верху дуло пистолета.

XLI.

Для слуха звукъ взведеннаго курка
 Особое имѣетъ выраженье,
 Когда подчасъ противника рука
 Намъ цѣлитъ въ лобъ, не зная сожалѣнья.
 Но привыкаютъ люди ко всему;
 Кто выдержалъ три выстрѣла, тому
 Случается съ улыбкой незамѣтной
 Выслушивать и выстрѣлъ пистолетный.

XLII.

И вотъ Ламбро навелъ свой пистолеть.
 Еще бы мигъ и — здѣсь конецъ романа
 И нашего героя въ мірѣ нѣтъ.
 Но Гайде заслонила вдругъ Жуана.
 Отчаянно воскликнула она:
 «Пусть я умру: виновна я одна!
 Отецъ, ты твердъ, ты врагъ для всѣхъ опасный:
 Узнай же твердость дочери несчастной».

XLIII.

Еще сейчасъ была она въ слезахъ
 И, слабая и нѣжная, рыдала,
 Теперь же, презирая всякій страхъ,
 Она удара гордо ожидала
 И словно выше стала въ этотъ часъ.
 Она съ отца не отводила глазъ,
 Но дѣвушки рѣшительные взгляды
 Не ждали ни прощенья, ни пощады.

XLIV.

Она глядитъ упорно на отца.
 О, какъ они похожи другъ на друга!
 У нихъ почти одни черты лица
 И тотъ же взоръ, сверкавшій жаромъ юга.
 Она, какъ онъ, жестоко мстить могла,
 И львицей настоящею была.
 Въ ней кровь отца не даромъ клокотала;
 Она, какъ онъ, предъ смертью не дрожала.

XLV.

Лицомъ своимъ, осанкою она
 Дѣйствительно Ламбро напоминала,
 А нѣжность рукъ и кожи бѣлизна
 То сходство въ нихъ обоихъ довершала...
 Такъ, вмѣсто слезъ свиданья въ этотъ мигъ,
 Предъ любящею дочерью старикъ
 Стоялъ надменный съ грозной силой власти...
 Вотъ баковы въ натурахъ сильныхъ страсти!

XLVI.

Отецъ подумалъ нѣсколько — потомъ
 Оружье опустилъ, но оставался
 Недвиженъ онъ съ нахмуреннымъ челомъ,
 Затѣмъ сказалъ ей: «Я не добивался
 Погибели пришельца, не желалъ,
 Чтобъ предомной онъ кровью истекалъ,
 Ему обиду даже я прощаю,
 Но долгъ теперь исполнить я желаю.

XLVII.

«Чтобъ бросилъ онъ ненужный свой клинокъ
 Иль съ жизнію сейчасъ же разставался...»
 Тогда онъ громко свистнулъ въ свой свистокъ
 И на призывъ другой свистокъ раздался.
 Въ оружіи отъ головы до ногъ
 Тутъ шайка ворвалась черезъ порогъ.
 И онъ сказалъ: «Сейчасъ его схватите
 Иль жизни непокорнаго лишите».

XLVIII.

Потомъ къ себѣ привлекъ онъ быстро дочь,
 И хотъ она со стономъ вырылась,
 Но ей ли силу было превозмочь?
 Змѣей рука вокругъ Гайде обвивалась.
 Межь-тѣмъ Жуанъ толпой былъ окружонъ:
 Ужь саблей одного ударилъ онъ,
 Такъ что плечо пирата заалѣло;
 Онъ щоку разрубилъ другому смѣло.

XLIX.

Но третій былъ старѣйшій изъ рубагъ.
 Онъ выдержалъ Жуана нападенье,
 Подставивъ подъ удары свой тесакъ,
 И вдругъ повергъ его въ одно мгновенье.
 Покрылся кровью павшій Донъ-Жуанъ:
 Она лилась изъ двухъ глубокихъ ранъ.
 Перенося ужаснѣйшую муку,
 Онъ раненъ былъ и въ голову, и въ руку.

L.

Его связали, подняли съ земли
 (Пирата знаки быстро исполнялись)
 И къ берегу морскому понесли,
 Гдѣ ихъ суда къ отплытію собирались,
 И тамъ онъ въ лодкѣ былъ перевезенъ
 Къ большому галіоту; скоро онъ
 Былъ въ темный люкъ опущенъ осторожно:
 Жуану бѣгство стало невозможно.

LI.

Случайностями полонъ этотъ свѣтъ.
 Кто могъ предвидѣть случай тотъ несчастный,
 Что нашъ герой во цвѣтъ юныхъ лѣтъ,
 Красивый, гордый счастьемъ и прекрасный,
 Превратность жизни долженъ испытать
 И раненый и связанный лежать!
 А вся бѣда лишь потому случилась,
 Что въ Донъ-Жуана дѣвушка влюбилась...

LII.

Но замолчу. Себя я взволновалъ
 Китайской нимфой слезъ — зеленымъ чаемъ.
 Когда его я много выпивалъ —
 То былъ сантиментальностью смущаемъ
 И начиналъ богеа ³ чорный пить...
 Жаль, что вино намъ можетъ повредить:
 Въ себѣ веселья я не замѣчаю,
 Когда напьюся кофе или чаю —

LIII.

Безъ помощи твоей, родной коньякъ!
 Прелестная наяда Флегетона!
 Зачѣмъ на печень дѣйствуешь ты такъ
 И насъ кладешь въ постель? Во время оно
 Аракомъ я стаканъ свой наполнялъ,
 Но онъ меня не рѣдко заставлялъ
 Съ ужасной болью ночью просыпаться —
 И отъ него я долженъ отказаться.

LIV.

Мы отъ Жуана къ Гайде перейдемъ.
 Жуанъ былъ живъ, хоть раненъ, но едва ли
 Страдалъ онъ больше Гайде о быломъ.
 Для Гайде нѣтъ конца ея печали.
 Въ любви, какъ и въ страданіи, она
 Была неутомима и сильна,
 Чтобъ броситься на новыя приманки:
 Она вѣдь родилась отъ мавританки.

LV.

Дочь Африки она была — страны,
 Гдѣ расцвѣтаютъ пышныя оливы,
 Гдѣ фрукты ароматны и пышны
 И гдѣ въ цвѣтахъ благоухаютъ нивы,
 Гдѣ полночью львы грозные ревуть,
 Въ пустынь пробирается верблюды,
 И караваны гибнуть въ общей грудѣ...
 Природа тамъ иная, какъ и люди.

LVI.

Тотъ край подъ солнцемъ жгучимъ раскаленъ;
 Тамъ и земля и кровь людей пылаетъ
 На зло и на добро; со всѣхъ сторонъ
 Тамъ челоуѣкъ блескъ солнца отражаетъ.
 Красавицей родилась Гайде мать;
 Ея глаза привыкли отражать
 Порывы страсти дикой, но прекрасной,
 Дремавшей въ ней сномъ льва у рѣчки ясной.

LVII.

Была нѣжнѣе Гайде создана,
 Какъ облака, которыя въ лазури
 Бѣгутъ — и имъ знакома тишина,
 Покамѣстъ въ нихъ не зародились бури,
 И громъ молчалъ... миръ Гайде былъ разбитъ
 И вотъ огонь въ крови ея горитъ.
 Онъ, какъ самумъ, летающій въ пустынь,
 Пылаеть въ ней и жжетъ ей сердце нынѣ.

LVIII.

Въ ея глазахъ былъ сверженъ Донъ-Жуанъ,
 Безчувственный, израненный и плѣнный;
 Въ ея глазахъ погибнуть могъ отъ ранъ
 Ея любовникъ, другъ ея безцѣнный:
 Все это Гайде видѣла въ тотъ часъ...
 Потoki слезъ вдругъ хлынули изъ глазъ...
 Не вырываясь, Гайде зарыдала
 И на руки къ отцу она упала.

LIX.

Одна изъ венъ въ ней лопнула. Бѣжитъ
 Кровь черная изъ устъ ея волною...
 Какъ лилія блѣдна, она лежитъ —
 Положена въ постель, и надъ больною
 Печальныя прислужницы стоятъ...
 Напрасно пробудить ее хотятъ
 Лекарствами: жизнь будто отлетѣла,
 А смерть еще коснуться къ ней не смѣла.

LX.

Ужь много дней, холодная, какъ трупъ,
 Она лежитъ и пульсъ ея не бьется,
 Но краска не сошла съ открытыхъ губъ:
 Казалось, что сейчасъ она проснется.
 Ещё лица прекрасныя черты
 Не потеряли прѣжней красоты —
 И подъ ужаснымъ гнетомъ усыпленья
 Въ нихъ сохранилось жизни вдохновенье.

LXI.

Въ ней страсть еще таилась и жила
 Какъ въ мраморномъ, холодномъ изваяньѣ,
 Но неподвижность та же въ ней была,
 Какъ въ статуѣ Венеры, какъ въ страданьѣ,
 Въ которомъ изнывалъ Лаокоонъ...
 Тѣ статуи живутъ для всѣхъ времёнъ
 Какъ безконечной жизни выраженье,
 Хоть въ статуяхъ не видимъ мы движенья.

LXII.

Вотъ Гайде пробудилась наконецъ
 И жизнь ей чѣмъ-то новымъ показалась:
 Такъ просыпаться можетъ лишь мертвецъ.
 Хоть память къ ней почти не возвращалась,
 Но безъ сознанья яснаго она
 Страданіемъ была поражена.
 Прошедшее предъ ней не возставало
 И памяти разбитой не пугало.

LXIII.

Она кругомъ бросала мутный взглядъ,
 Но будто всё ей незнакомы были;
 Не слышала она, что говорятъ,
 Не видѣла, какъ вокругъ нея ходили,
 Какъ будто мысль чужда ей съ давнихъ поръ.
 Съ ней заводить старались разговоръ,
 Но не могли прервать ея молчанья,
 Лишь слышно было тихое дыханье.

LXIV.

Услугъ рабынь и нѣжности отца
 Она совсѣмъ тогда не замѣчала —
 И нѣтъ игры въ чертахъ ея лица...
 Ничто теперь ее не занимало.
 Напрасно ей старались угодить,
 Но память не могли ей возвратить,
 И лишь однажды взоръ ея прекрасный
 Сверкнулъ огнемъ: то былъ огонь ужасный.

LXV.

Тогда арфистъ былъ призванъ къ ней и сталъ
 Настраивать свой инструментъ уныло,
 Когда же онъ на арфѣ заигралъ,
 Она свой взоръ на немъ остановила,
 Потомъ вдругъ обернулася къ стѣнѣ...
 Арфистъ запѣлъ ей пѣсню о старинѣ,
 О дняхъ, когда тираны не являлись,
 Когда рабы въ цѣпяхъ не пресмыкались.

LXVI.

И пальцами худыми начала
 Она бить тактъ той пѣсни заунывной,
 Но на любовь вдругъ пѣсня перешла —
 И память въ ней воскресла съ силой дивной,
 Прошедшее вновь ожило опять
 И Гайде начала тогда рыдать.
 Такъ иногда туманы накопились
 И вдругъ дождемъ цѣлебнымъ разражались.

LXVII.

Увы! въ ней мозгъ былъ сильно потрясенъ.
 Въ безуміи она съ постели встала,
 И каждаго, кто былъ къ ней приближенъ,
 Она съ испугомъ, молча избѣгала.
 Въ молчаніи проводитъ день она,
 Какъ будто словъ и рѣчи лишена,
 Какъ будто рѣчь давно ей неизвѣстна:
 Безумье Гайде было безсловесно.

LXVIII.

Но отблескъ смысла видѣнъ въ Гайде былъ.
 Съ отцомъ она встрѣчаться не любила,
 Какъ-будто онъ теперь ее страшилъ.
 Все юстальное Гайде выносила.
 Отъ пищи и отъ платья каждый разъ
 Отказывалась рѣзко; черныхъ глазъ
 Сонъ не смыкалъ ни на одно мгновенье:
 Къ ней не слетало больше сновидѣнье.

LXIX.

Двѣнадцать дней и столько же ночей
 Безуміе душой ея владѣло,
 Но наконецъ потухъ огонь очей:
 Жизнь безъ мученій въ вѣчность отлетѣла.
 Какъ смерть пришла — никто не уловилъ,
 И блескъ лица прекраснаго покрылъ
 Мракъ смертнаго холоднаго тумана...
 Такъ молода и умерла такъ рано!..

LXX.

Да, Гайде умерла, но не одна:
 Скончалось съ ней начало жизни новой
 И плодъ любви, который, какъ она,
 Закроется могилою суровой.
 Однимъ ударомъ вмѣстѣ сражены,
 Они въ землѣ лежать теперь должны,
 Роса небесъ напрасно къ нимъ спадаетъ,
 Напрасно къ жизни снова призывается...

LXXI.

Пирата дочь была не создана
 Для долгаго, упорнаго страданья,
 До старости не дожила бъ она.
 Вся жизнь ея полна очарованья,
 Но коротка... Не долги счастья дни,
 За то прекрасны были такъ они...
 На берегу морскомъ она почила —
 На берегу, который такъ любила.

LXXII.

Теперь тотъ островъ пустъ и дикъ кругомъ,
 Всѣ берега печальны и унылы,
 Остались тамъ на берегу морскомъ
 Ламбрò и милой Гайде двѣ могилы.
 Но той могилы намъ не отыскать,
 Тамъ камня нѣтъ, чтобъ могъ онъ рассказать
 Исторію ея любви и горя...
 Кругомъ шумятъ лишь только волны моря.

LXXIII.

Но имя Гайде въ иѣснахъ не умереть,
 Ея любовь гречанкамъ всѣмъ извѣстна;
 Не разъ рыбакъ рассказъ о ней начнетъ:
 Отецъ былъ храбръ, а дочь была прелестна.
 Для Гайде страсть безгрѣшной не была,
 Она за грѣхъ свой рано умерла...
 Любовь намъ всѣмъ дарить свои улыбки,
 Чтобы потомъ карать за всѣ ошибки.

LXXIV.

Но я на этомъ здѣсь остановлюсь...
 Къ чему печали будемъ предаваться?...
 Безумье я описывать боюсь,
 Чтобъ самому безумнымъ не казаться.
 Къ тому же я окончилъ свой рассказъ...
 А между тѣмъ Жуанъ ждетъ въ морѣ насъ,
 Гдѣ мы его оставили въ оковахъ —
 Въ толпѣ людей и грубыхъ, и суровыхъ.

LXXV.

Онъ скованъ былъ и брошенъ въ темный трюмъ.
 Когда Жуанъ сталъ приходить въ сознанье,
 То понялъ онъ, услыша моря шумъ,
 Что въ кораблѣ везутъ его въ изгнанье.
 Ужь за кормой остался Иліонъ...
 Въ иные дни ему бы радъ былъ онъ,
 Теперь же, поднимаясь изъ тумана,
 Сигейскій мысъ не радуеть Жуана.

LXXVI.

Тамъ на холмѣ, подъ кровомъ тѣхъ небесъ,
 Гдѣ въ зелени избушекъ рядъ мелькаетъ,
 Покоится въ могилѣ Ахиллесъ
 (Бриантъ однако это отрицаетъ),
 А далѣе еще курганъ стоитъ.
 Не знаемъ мы, кто въ немъ давно зарытъ.
 Патроклъ? Аяксъ?... Когда бѣ тѣ люди жили,
 Насъ и теперь давить они бѣ любили.

LXXVII.

Кругомъ холмы, гдѣ нѣтъ могильныхъ плитъ,
 Пустыня между скалъ, вершина Иды...
 Все здѣсь о славѣ людямъ говоритъ;
 Величія полны въ краю томъ виды.
 Большимъ войскамъ вступить здѣсь можно въ бой,
 Но тамъ, гдѣ я искалъ передъ собой
 Стѣну Иліона — стадо видно тамъ мнѣ,
 Да черепаха ползаетъ на камнѣ.

LXXVIII.

Въ иныхъ мѣстахъ лачужки развелись;
 По волѣ бродятъ кони поселенца;
 Порой настухъ (не сходенъ съ нимъ Парисъ)
 Бѣжитъ взглянуть на гостя-чужеземца;
 Порою турокъ, съ четками въ рукахъ,
 Передъ тобой склоняется, Аллахъ!
 То Фригiя была, но въ ней — я удивлялся —
 Миѣ ни одинъ фригiецъ не попался.

LXXIX.

Здѣсь Донъ-Жуанъ изъ трюма вышелъ вонъ
 И понялъ, что въ плѣну онъ находился.
 Безсмысленно глядѣлъ на волны онъ,
 Гдѣ ликъ героевъ мертвыхъ отразился.
 Безсильный отъ потери крови, сталъ
 Онъ предлагать вопросы, но узналъ
 Отъ спутниковъ, съ нимъ ѣхавшихъ, не много.
 Имъ овладѣла новая тревога.

LXXX.

Межъ плѣнными онъ скоро увидалъ
 Артистовъ итальянскихъ: это были
 Пѣвцы. Судьбу пѣвцовъ Жуанъ узналъ:
 Въ Сицилію они всей труппой плыли,
 Но близъ Ловорно встрѣтилъ ихъ пиратъ.
 И всѣхъ взялъ въ плѣнъ. Антрепренеръ былъ радъ
 Продать пѣвцовъ, совсѣмъ забывъ про сцену,
 За самую умѣренную цѣну! ⁴

LXXXI.

Одинъ пѣвецъ немножко былъ буффонъ,
 И хотъ его ждалъ рынокъ мусульманскій,
 Но весело рассказывать сталъ онъ
 О приключеньяхъ труппы итальянской.
 Онъ и въ плѣну свой юморъ сохранялъ
 И бодрости въ несчастьи не терялъ;
 Надъ примадонной часто онъ смѣялся
 И теноромъ, который растерялся...

LXXXII.

Онъ такъ свою историю рассказалъ:
 «Близь берега хозяинъ нашъ проклятый
 Вдругъ подалъ неожиданный сигналъ
 И тотчасъ въ-суднѣ подплыли пираты.
 Не заплатилъ намъ денегъ этотъ чортъ...
 Всѣхъ насъ связавши, бросили на бортъ.
 Но, впрочемъ, если вкусъ есть у султана,
 Мы кое-что добудемъ для кармана.

LXXXIII.

«Хотъ примадонна наша и стара
 И — нечего таить — поистаскалась,
 Но у нея — бываетъ та пора —
 Иная нота очень удавалась...
 Потомъ есть въ труппѣ тенора жена,
 Безъ голоса, но очень не дурна:
 Она въ Болоньѣ шумъ производила
 И у старухи графа тамъ отбила.

LXXXIV.

«Но есть, притомъ, танцовщицы у насъ.
 Вотъ, напримѣръ, мотовка эта Нини,
 Охотница до денегъ и проказъ;
 Вотъ хохотунья наша Пелегрини:
 Пять сотъ цехиновъ далъ ей карнавалъ
 И былъ истраченъ мигомъ капиталъ...
 А на Гротеску каждый заглядится
 И можетъ безъ ума въ нее влюбиться.

LXXXV.

«Есть фигурантки также. Среди ихъ
 Двѣ три, положимъ, милы, какъ картинки,
 За то другія всѣ... всѣхъ остальныхъ
 Продать не жалко даже и на рынкѣ...
 Тутъ есть одна, какъ пика высока,
 Могла бъ карьеру сдѣлать, но дика,
 А потому танцуетъ очень вяло
 И быстроты въ ея движеньяхъ мало.

LXXXVI.

«А о-мужчинахъ нечего сказать.
 Ну вотъ хоть тотъ: въ любомъ теперь сералѣ
 Онъ евнуха достоинъ замѣнять:
 Въ немъ качества такія мы узнали;
 Но какъ въ пѣвцѣ, въ немъ проку вовсе нѣтъ.
 Весь *третій полъ*, хоть исходи весь свѣтъ,
 И трехъ пѣвцовъ хорошихъ не имѣетъ
 И голосомъ свободно не владѣетъ.

LXXXVII.

«Нашъ теноръ потерялъ свой голосъ; басъ —
 Ну, онъ лишъ только ревѣ-пускать умѣетъ,
 Поетъ не въ тонъ, безъ такта каждый разъ
 И въ музыкѣ понятя не имѣетъ,
 Но примадоннѣ нашей онъ родня:
 Ея рекомендацію цѣня,
 Ту бестію изъ труппы не прогнали,
 Хотя давно осломъ его считали.

LXXXVIII.

«Сэръ, о себѣ я долженъ умолчать.
 Вы молоды, я вижу, но едва ли
 Въ незнаньи васъ могу подозрѣвать:
 Объ операхъ навѣрно вы слыхали.
 Раукоканти — такъ меня зовутъ.
 Вы черезъ годъ себѣ составьте трудъ —
 Отправьтесь въ Луго: тамъ для развлеченья
 Послушайте Раукоканти пѣнье.

LXXXIX.

«Ба! я забылъ совсѣмъ про баритонъ.
 Онъ малый черезчуръ самолюбивый,
 Притомъ необразованъ очень онъ,
 И хотъ поетъ почти всегда фальшиво
 И годенъ лишъ для пѣнія балладъ
 На улицахъ, но постоянно радъ
 Высказывать къ судьбѣ своей презрѣнье:
 Онъ о себѣ отличнѣйшаго мнѣнья»...

ХС.

Здѣсь прерванъ былъ оратора разсказъ.
 Всѣхъ плѣнниковъ пираты пригласили,
 Чтобы они — насталь условный часъ —
 Свои каюты снова посѣтили, —
 И всѣ они, бросая грустный взоръ
 На небеса и на морской просторъ,
 Гдѣ волны темно-синія катились,
 Въ свои каюты мрачныя спустились.

ХСІ.

На утро всѣ узнали жребій свой.
 Султанъ велѣлъ, чтобъ плѣнниковъ сковали
 Для вѣрности попарно межъ собой,
 Мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ, и держали
 Всѣхъ въ заперти, пока ихъ изъ каютъ
 На рынокъ межъ рабами не сведутъ.
 Везли ихъ всѣхъ на суднѣ, какъ поклажу,
 Въ Константинополь прямо на продажу.

ХСІІ.

Мужчинъ и жонъ нечетное число
 Замѣтили при первомъ же осмотрѣ,
 И всѣхъ тогда въ смущенье привело:
 Какъ заковать ихъ по два, а не по три?
 Тутъ къ женщинамъ soprano, какъ шпионъ,
 Отъ общества мужчинъ былъ отрѣшонъ,
 А нашъ Жуанъ (не избѣжалъ оковъ онъ)
 Съ румяною вакханкой былъ закованъ.

XСІІІ.

Съ Раукоканти теноръ скованъ былъ.
 Они давно другъ друга не терпѣли;
 Теперь не столько плѣнь ихъ возмутилъ,
 Какъ то, что ихъ связать такъ близко смѣли.
 Не заняты печальною судьбой,
 Они браниться стали межъ собой
 И пробудилась старая въ нихъ злоба...
 Arcades ambo, то-есть — плуты оба.

XСІV.

А Донъ-Жуана спутница была
 Римлянка молодая изъ Анконы.
 Она глазами пламенными жгла...
 Къ ней очень шло названье «bella donna».
 Прекрасная и гордая, она
 Желаніемъ однимъ оживлена:
 Всѣхъ приводить въ восторгъ и въ изумленье
 И возбуждать невольное смущенье.

XСV.

Но красоту римлянки въ этотъ разъ
 Не замѣчалъ Жуанъ въ своей печали,
 Не жогъ его огонь прекрасныхъ глазъ
 И хоть оковы очень ихъ сближали,
 И хоть, порой, горячая рука
 Его руки касалася слегка,
 Но пульсъ его все также ровно бился:
 Жуанъ ни на минуту не забылся.

XCVI.

Не знаю я, какъ могъ онъ устоять,
 Но этотъ фактъ пусть фактомъ остается
 И я его не стану объяснять,
 Хотя не разъ намъ слышать придется:
 «Тотъ, кто огонь въ рукъ своей держалъ —
 О льдахъ Кавказа вѣрно не мечталъ».
 Такая роль для многихъ наказанье,
 Но Донъ-Жуанъ нашъ вынесъ испытанье.

XCVII.

Я много испытаній пережилъ
 И здѣсь бы въ описанье ихъ пустился,
 Но я и такъ упрёки заслужилъ,
 Что въ повѣсти своей заговорился.
 Такъ пусть герой мой къ берегу спѣшитъ,
 Иначе... мой издатель говоритъ:
 Скорѣй верблюдъ пролѣзетъ сквозь иголку,
 Чѣмъ мой романъ въ семейный домъ на полку.

XCVIII.

Ну, что жь? я, какъ уступчивый поэтъ,
 Другихъ пѣвцовъ читать всѣмъ предлагаю:
 Вотъ Аріосто, Фильдингъ и Смоллетъ,
 Хоть скромности я въ нихъ не замѣчаю...
 Владѣлъ смѣлѣй перомъ я въ старину
 И затѣвать любилъ, порой, войну.
 Поэзія такая всѣхъ смущала,
 А нынче насъ она тревожитъ мало.

XCIX.

Въ дни юности всегда я шумъ любилъ,
 Теперь — покой всему предпочитаю.
 Пускай шумить за насъ одинъ зоилъ...
 При жизни ли я славу потеряю
 И высохнетъ мгновенно лавръ вѣнка,
 Иль перейду я долго жить въ вѣка,
 Мнѣ все равно — травой моя могила
 Вкругъ заростетъ печально и уныло.

C.

Столѣтъя пережившіе цѣвцы!
 Скажите: что для васъ земная слава
 И почести и гордые вѣнцы?
 На вашу урну смотреть величаво
 Ряды вѣковъ... Такъ снѣжный глыбы комъ
 Летитъ и расширяется кругомъ,
 Горою онъ становится съ разбѣгомъ,
 Но все жъ онъ снѣгъ и будетъ только снѣгомъ.

CI.

Да, слава — звукъ, одинъ ничтожный звукъ,
 Минутная забава, наслажденье.
 Она порой — источникъ многихъ мукъ
 Для тѣхъ, кто убѣгаетъ отъ забвенья...
 Я видѣлъ холмъ, гдѣ Ахиллесъ лежалъ,
 И споры оживленные слышалъ
 О томъ, была ли Троя. Можетъ-статься,
 И въ жизни Рима будутъ сомнѣваться...

СII.

За человѣкомъ гибнетъ человѣкъ,
 Жизнь давить смерть объятіемъ суровымъ,
 И все, что завѣщалъ намъ прошлый вѣкъ,
 Хоронится въ могилу вѣковъ новыхъ.
 На все кладетъ печать могильный сонъ.
 За исключеніемъ нѣсколькихъ имёнъ,
 Кругомъ насъ — безыменныя гробницы,
 Съ словами непонятными страницы.

СIII.

То мѣсто посѣщаю я, гдѣ палъ
 Ты, Де-Фуа! Была смертельна рана...
 Ты долго для людей существовалъ,
 Но для тщеславья умеръ слишкомъ рано...
 Вотъ памятникъ: за нимъ надзора нѣтъ;
 Повсюду разрушенія видѣнъ слѣдъ...
 Поставленный въ честь битвы подъ Равенной,
 Заросъ травой тотъ памятникъ священный. ⁵

СIV.

Къ могилѣ Данта часто я хожу. ⁶
 Красивый куполъ прахъ его скрываетъ;
 Не рѣдко здѣсь людей я нахожу:
 Толпа поэта больше почитаетъ,
 Чѣмъ воина; но славы кратокъ слѣдъ —
 Забудется и воинъ, и поэтъ,
 Какъ та для насъ невѣдомая эра —
 До появленія славнаго Гомера.

CV.

Тотъ памятникъ запятнанъ кровью былъ,
 На немъ лежитъ людское оскверненье.
 Его затѣмъ крестьянинъ осквернилъ,
 Чтобъ показать глубокое презрѣнье.
 И вотъ судьба трофеевъ всей земли!
 Вотъ варвары: они будить могли
 Въ сердцахъ такія лютыя страданья,
 Которымъ нѣтъ достойнаго названья.

CVI.

Но все же въ міръ еще пѣвцы придуть.
 Пусть слава — дымъ, но этотъ дымъ насъ манить,
 Мы съ жадностью бросаемся за трудъ,
 Пока насъ опытъ горькій не обманеть.
 Поэзіи всегда могуча власть,
 Поэзія есть тоже, что и страсть,
 Въ ней говоритъ страстей языкъ свободный,
 Пока она не сдѣлалася модной.

CVII.

Такъ-какъ въ иныхъ способность развилась,
 Запоминая много приключеній
 Ихъ выводить потомъ всѣ на показъ
 Съ замѣтками различныхъ наблюденій
 И все, что приходилось имъ встрѣчать —
 Какъ въ зеркалѣ, печатно выставяте,
 То противъ нихъ возстать должны бы всѣ мы...
 Но есть за то и чудныя поэмы.

CVIII.

Я обращаюсь къ вамъ теперь; да, къ вамъ,
 Премудрыя, лазурныя созданья!
 Вашъ нѣжный взоръ былъ приговоромъ намъ:
 Дадите ль «*imprimatur*» ? для изданья?
 Уже-ль мой трудъ къ пирожникамъ пойдетъ
 И, неизвѣстный міру, пропадетъ?
 Скажите мнѣ: кастанльскимъ вашимъ чаемъ
 Уже-ли я не буду угощаемъ?...

CIX.

Иль я уже перестаю быть «львомъ»,
 Пѣвцомъ баловъ, буфономъ всѣхъ салоновъ?
 Или похвалъ не слышу я кругомъ
 Средь шарканья, улыбокъ и поклоновъ?
 О, если такъ, я, какъ Вордсвортъ, скажу,
 Что въ славѣ лотерею нахожу,
 Что дамы въ синихъ юбкахъ для забавы
 Намъ раздають вѣнки мишурной славы.

CX.

«О, голубой, густой, прекрасный цвѣтъ!»
 О небесахъ одинъ поэтъ такъ пишетъ;
 Я жь славлю васъ, о, лэди!... Много лѣтъ
 Слыхалъ ужь я: чулокъ вашъ *синій* вышить
 (Цвѣтъ синій на чулкахъ я не встрѣчалъ
 А потому его не постигалъ)
 И также синь, какъ ордена подвязки...
 Но, можетъ-быть, все это только сказки...

СХІ.

Хотя межъ васъ не мало милыхъ дамъ,
 Но годы тѣ исчезли невозвратно,
 Когда въ стихахъ въ любви я клялся вамъ...
 А впрочемъ, мнѣ всегда встрѣчать пріятно
 Дамъ развитыхъ; одну изъ нихъ давно
 Встрѣчать мнѣ часто въ свѣтѣ суждено:
 Она — чиста, прекрасна, благородна,
 Но, къ сожалѣнью, очень сумасбродна.

СХІІ.

Я знаю, Гумбольдтъ вздумалъ изобрѣсть
 Воздушный инструментъ. Ему названье
 Особое, какъ помнится мнѣ, есть.
 Онъ имъ хотѣлъ провѣрить состоянье
 Атмосферы и *синевы* небесъ. ⁸
 О, лэди Дафна! вмѣсто тѣхъ чудесъ,
 Чтобы я вамъ скорѣе началъ вѣрить,
 Позвольте васъ на этотъ разъ измѣрить!..

СХІІІ.

Но возвратимся къ плѣннымъ. Судно ихъ
 У стѣнъ сераля вдругъ остановилось
 И съ корабля толпа людей живыхъ
 Въ Стамбулѣ на продажу отводилась.
 Они не пострадали отъ чумы
 И между нихъ — увидѣли бы мы —
 Черкешенки, славянки и грузинки
 Ждутъ щедрыхъ покупателей на рынкѣ.

СХІV.

Вотъ чудная черкешенка. Она,
 Съ ручательствомъ въ невинности, за цѣну
 Высокую была тамъ продана,
 Другихъ красавицъ требуя на смѣну,
 И полныя завистливой тоски,
 Сиѣшили отойти покупщики;
 Черкешенка имъ въ руки не попалась:
 Она въ гаремъ султана назначалась.

СХV.

За цѣну очень крупную пошли
 Двѣнадцать негрятенокъ. Въ это время
 Такъ въ Индіи продать ихъ не могли,
 Хотъ Вильберфорсъ все черное ихъ племя
 Двойной цѣной на рынкахъ обложилъ;
 Но этотъ фактъ насъ вовсе не дивидъ:
 Порокъ законовъ вовсе не боится,
 И въ прихотяхъ своихъ не покусится.

СХVІ:

А гдѣ же итальянскіе пѣвцы?
 Иныхъ — паши, иныхъ жида купили,
 Тѣ разбрелись въ цѣпяхъ во всѣ концы,
 Тѣ ренегатствомъ плѣнъ свой сократили;
 А группа женщинъ съ страхомъ тайнымъ ждетъ,
 Кого изъ нихъ старикъ къ себѣ возьметъ
 Любовницей, женой или рабою...
 Онѣ дрожать предъ будущей судьбою.

СХVII.

Но эта пѣсня кончена. Разсказъ
Изъ скромности я здѣсь перерываю;
И безъ того я долго мучилъ васъ.
Объ участи героя обѣщаю
Подробно въ пятой пѣснѣ разсказать.
Желанью Музы долженъ я внимать —
И въ пятой пѣснѣ этого романа
Я вновь начну исторію Жуана.

ПѢСНЯ ПЯТАЯ.

I.

Когда пѣвецъ для прелести стиховъ
Любви блаженство нѣжно воспѣваетъ
И риѣмы, какъ Венера голубковъ,
Попарно ставитъ въ пѣсню — онъ не знаетъ,
Какое зло онъ можетъ причинить:
Овидій въ томъ примѣромъ могъ служить;
Петрарка самъ, когда мы взглянемъ строго,
Насъ обольщая въ пѣсняхъ, грѣшенъ много.

II.

Творенія подобныя вредны,
Когда они насъ только увлекали...
Нѣтъ, въ гладкихъ, скромныхъ пѣсняхъ мы должны
Все подводить подъ правила морали —
И ужь никакъ людей не развлекать,
Но страсти всевозможныя карать...
И если мой Пегасъ подкованъ прочно —
Поэма эта будетъ безпорочна.

III.

На рядъ дворцовъ привыкли мы смотрѣть,
 Плывя чрезъ Геллеспонтъ иль по Босфору...
 Вся въ золотѣ Софійская мечеть...
 Летить корабль по водному простору...
 Олимпъ увѣнчанъ массой облаковъ
 И манять взоръ двѣнадцать острововъ...
 Картина та здѣсь cadaго плѣнила
 И Мери Монтегю очаровала.

IV.

Я имя «Мери» больше всѣхъ люблю —
 Оно меня тревожило когда то;
 Я въ звукѣ томъ прошедшее ловлю,
 Чему, какъ царству сновъ, ужъ нѣтъ возврата.
 Я измѣнился, буду скоро старъ,
 Но мнѣ не сбросить власти дивныхъ чаръ...
 Однако я разказъ свой забываю
 И въ патетичный тонъ теперь впадаю.

V.

Эвксина волны, прядая, шумятъ...
 Вездѣ картина чудная для взора...
 Когда съ «холма гиганта» ¹ бросишь взглядъ
 На бурное волненіе Босфора,
 То чувствуешь при ропотѣ волны
 Присутствіе душевной тишины,
 Хотя пловцамъ, спѣшившимъ въ путь собраться,
 Въ Эвксинѣ нужно рвоты опасаться.

VI:

Стоялъ одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дней,
 Когда морскія бури завываютъ
 И непогода осени сильнѣй,
 И моряки въ крушеньи погибаютъ,
 Когда пловцы, скользя среди валовъ,
 Въ испугѣ не жалѣютъ клятвъ п словъ
 Раскаянья, что очень безразсудно:
 Обѣты выполнять намъ очень трудно.

VII.

Толпа рабовъ всѣхъ половъ, странъ и лѣтъ
 На рынкѣ, въ рядъ поставлена, дрожала.
 Торговецъ былъ у каждой группѣ. Нѣтъ
 Веселыхъ лицъ — печаль на всѣхъ лежала.
 Всѣ, кромѣ негровъ, были смущены
 Вдали друзей родной своей страны,
 Но каждый негръ философомъ казался:
 Какъ угръ, съ сдираньемъ кожи онъ сживался.

VIII.

А Донъ-Жуанъ? Онъ молодъ былъ тогда,
 Въ его груди надеждой сердце билось,
 Но, не смотря на юные года,
 Слеза, порой, изъ глазъ его катилась.
 Онъ, можетъ-быть, отъ ранъ еще страдалъ
 Иль отъ того, что разомъ потерялъ
 Любовницу, имущество, свободу
 И отданъ въ руки дикому народу.

IX.

Самъ стойкъ приунылъ бы съ этихъ бѣдъ,
 Но Донъ-Жуанъ глядѣлъ кругомъ спокойно;
 Его фигура, пышный туалетъ,
 Въ которомъ онъ держалъ себя достойно —
 Всѣмъ этимъ былъ въ толпѣ замѣтенъ онъ
 И отъ рабовъ несчастныхъ отличонъ.
 Всѣ думали: красивъ, одѣтъ онъ знатно —
 Богатый выкупъ будетъ, вѣроятно...

X.

Вся площадь, какъ тавлейная доска,
 Отъ бѣлыхъ группъ и черныхъ группъ пестрѣла:
 Тамъ черный негръ плѣнялъ покупателя,
 Здѣсь бѣлый рабъ былъ покупаемъ смѣло.
 Въ числѣ другихъ, на рынокъ приведѣнъ
 Какой-то незнакомецъ; онъ сложонъ
 Былъ хорошо. Ставъ съ Донъ-Жуаномъ рядомъ,
 Онъ ждалъ своей продажи съ твердымъ взглядомъ.

XI.

Румянъ и бѣлъ, въ плечахъ своихъ широкъ,
 Онъ съ виду англичаниномъ казался.
 Отъ долгихъ думъ, занятій иль тревогъ
 Открытый лобъ высоко поднимался,
 Кривавою подвязкою слегка
 Поддержана была его рука;
 Лишь любопытству праздному послушный,
 Онъ вкругъ смотрѣлъ, какъ зритель равнодушный.

XII.

Но увидавъ Жуана предъ собой,
 Безстрашнаго, но полнаго смущенья
 Предъ новою гнетущею судьбой,
 Почувствовалъ къ нему онъ сожалѣнье.
 Товарищъ по несчастью возбудилъ
 Въ немъ чувство тѣ, хотъ самъ онъ находилъ,
 Что ежедневно встрѣтишь на дорогѣ
 Подобныя несчастья и тревоги.

XIII.

— «Любезнѣйшій!» сказалъ онъ: «кромѣ насъ,
 Толпу рабовъ лишь по окраскѣ кожи
 Мы различимъ; межъ нихъ, на этотъ разъ,
 Мы, только мы здѣсь на людей похожи,
 Порядочные люди — вы да я:
 Мы по неволѣ быть должны друзья,
 Обоимъ намъ сойтись теперь не худо.
 Я стану развлекать васъ. Вы откуда?»

XIV.

— «Испанецъ я». — «Я самъ предполагалъ,
 Что вы не грекъ: какъ псы, они всѣ льстивы
 И гордостью взглядъ грека не блисталъ...
 И такъ, мой другъ, судьбой вы несчастливы:
 Она всѣхъ насъ привыка не щадить,
 Но счастье къ вамъ вернется, можетъ-быть.
 Судьба со мной сыграла ту же штуку.
 Но я давно постигъ ея науку».

XV.

— «Что жь привлекло васъ въ это мѣсто, сэръ?»
 — «Что привлекло? — татары и... оковы».
 — «Но я узнать желалъ бы, напримѣръ,
 За что они къ вамъ были такъ суровы?
 Вотъ я о чемъ рѣшаюсь васъ спросить».
 — «Я началъ въ русской арміи служить
 И, находясь при взятіи Виддина,
 Я самъ былъ взятъ. Вотъ бѣдъ моихъ причина».

XVI.

— «Но есть друзья у васъ?» — «Они давно
 Меня, по счастью, больше не тревожатъ.
 Я все сказалъ вамъ. Мнѣ не мудрено
 Ждать и отъ васъ признанія. Быть-можетъ...»
 — «Ахъ, дологъ и печалень мой рассказъ!»
 — «О, если такъ, не требую отъ васъ
 Подобной откровенности. Страданье
 Бойся откровеннаго признанья».

XVII.

«Не унывайте только: къ вамъ должна
 Фортуна возвратиться скоро снова
 (Фортуна, слава Богу, не жена)
 И больше къ вамъ не будетъ такъ сурова.
 Борьба съ судьбой, повѣрьте мнѣ, глупа:
 Снопу не устоять противъ серпа.
 Мы всѣ игрушки случая, хоть въ этомъ
 И совѣстно признаться намъ предъ свѣтомъ».

XVIII.

— «Страдаю я», сказалъ тутъ Донъ-Жуанъ,
 «За прошлое: прекрасное созданье
 Я полюбилъ...» и словно какъ туманъ
 Затмилъ его глаза и стонъ рыданья
 Готовъ былъ вырваться изъ груди. Онъ сказалъ:
 «Меня не этотъ рынокъ испугалъ;
 Я въ жизни бѣдъ испытывалъ не мало;
 Средь бурь морскихъ душа моя не знала,

XIX.

«Что значить страхъ, но тотъ ударъ!...» и онъ
 Вновь замолчалъ и быстро отвернулся.
 — «Ну такъ и есть, вопросъ мной былъ рѣшонъ:
 Тутъ богъ любви не кстати подвернулся;
 Когда любовь является, тогда
 Мнѣ скорбь понятна. Въ прежніе года
 Я самъ рыдалъ, когда — то верхъ скандала —
 Моя жена вторая убѣжала.

XX.

«Моя супруга третья...» — «Какъ? у васъ
 Есть три жены?» Жуанъ воскликнулъ съ жаромъ.
 — «Лишь двѣ теперь осталось. Что жь, не разъ
 Вѣнчались люди трижды. Этимъ даромъ...»
 — «Ну, гдѣ жь теперь послѣдняя жена?
 Отъ васъ не убѣжала ли она?»
 «О, нѣтъ!» «Такъ что жь?» спросилъ Жуанъ въ испугѣ.
 — «Я самъ бѣжалъ отъ третьей той супруги».

XXI.

— «Я хладнокровьемъ вашимъ пораженъ».
 — «Увы, мой другъ, такъ все идетъ на свѣтъ.
 Васъ — впереди ждетъ ясный небосклонъ,
 Меня ждетъ — тьма. Всѣ люди на расцвѣтѣ
 Встрѣчаютъ жизнь съ надеждами любви,
 Потомъ остынетъ первый жаръ въ крови
 И время всѣ мечты въ насъ убиваетъ:
 Такъ съ змѣй ихъ кожа яркая спадаетъ.

XXII.

«Хоть иногда становится нарядъ
 Опять блестящъ, но не пройдетъ и года,
 Онъ вновь спадетъ и не вернутъ назадъ
 Прошедшаго. Любовь скорѣе ѣда
 Насъ отравитъ, а поздніе года
 Намъ портятъ слава, скупость и вражда,
 И только остается въ насъ охота
 Жить для награды, для денегъ и почота».

XXIII.

— «Все это такъ», сказала Жуанъ, «но мы
 Вѣдь этимъ участь нашу не измѣнимъ
 И не откроемъ выхода изъ тьмы...»
 — «За то, мой другъ, отлично мы оцѣнимъ,
 Когда себѣ усвоимъ этотъ взглядъ,
 Что рабство есть и гнусность, и развратъ,
 И мы поймемъ несчастіе народа,
 Когда опять вернется къ намъ свобода».

XXIV.

— «Когда бъ теперь свободны были мы»,
 Сказалъ Жуанъ, скрывая вздохъ печали,
 «Язычники бъ, надѣвшіе чалмы,
 Отъ насъ урокъ отличный испытали...
 Несчастливымъ всѣмъ пусть да поможетъ Богъ!...»
 — «Все перемѣнится, быть-можетъ, въ краткій срокъ.
 А между-тѣмъ, съ насъ евнухъ глазъ не сводить
 И выгодной покупкой насъ находятъ.»

XXV.

«Я, впрочемъ, не корю своей судьбы:
 Мы всѣ рабы безъ всякихъ исключеній.
 Владыки міра тоже вѣдь рабы
 Своихъ страстей, капризовъ и волненій.
 Все общество, признавъ въ любви — законъ,
 Живетъ въ борьбѣ, въ враждѣ со всѣхъ сторонъ.
 Смотрѣть на всѣхъ съ улыбкой равнодушной
 Привыкъ лишь стойкъ чорствый и бездушный.»

XXVI.

Но въ этотъ мигъ къ нимъ подошолъ евнухъ
 И тотчасъ сталъ осматривать подробно
 Наружность и фигуру плѣнныхъ двухъ,
 Чтобъ убѣдиться, было ли удобно
 Ихъ, какъ звѣрей, по клѣткамъ разсадить...
 Такъ за женою мужъ привыкъ слѣдить,
 Портной за платьемъ, дама — за влюбленнымъ
 И сторожъ за несчастнымъ заключеннымъ.

XXVII.

Еще прилежнѣй смотрятъ за работъ:
 Вѣдь, равнаго себѣ купить такъ лестно...
 Продажны всѣ — сознаться надо въ томъ:
 Продажны страсти наши повсемѣстно.
 Насъ подкупаетъ власть и красота,
 Корысти жаръ и видныя мѣста,
 По цѣнамъ насъ лишь только отличаютъ:
 Тѣхъ славою, тѣхъ плухой подкупаютъ.

XXVIII.

И вотъ евнухъ ихъ зорко осмотрѣлъ,
 Вотъ началъ торговать: почему за пару?
 И жаркій споръ торговли закипѣлъ
 И раздался по цѣлому базару,
 Какъ будто торговались у купца
 Осель иль быкъ, козленокъ иль овца...
 Никто продажѣ той не удивлялся:
 Двуногій скотъ на рынкѣ продавался.

XXIX.

Но спорный пунктъ рѣшонъ былъ наконецъ —
 И кошелекъ съ ворчаньемъ развязался...
 Считалъ монеты жадный продавецъ,
 Ихъ на рукѣ подбрасывалъ, старался
 Ихъ качество по звуку угадать,
 И получивъ всю сумму, сталъ писать,
 Что получилъ всѣ деньги аккуратно,
 И размышлялъ о завтракѣ приятно.

XXX.

Имѣлъ ли онъ въ то время аппетитъ?
 Какое у него пищеваренье?
 Уже-ль ѣды его не отравить
 О правѣ незаконномъ размышленье:
 Что онъ людьми, какъ стадомъ, торговалъ?...
 Когда обѣдъ намъ сладокъ не бывалъ,
 Тотъ самый часъ (я мыслей тѣхъ держался)
 Въ теченье дня намъ хуже всѣхъ казался.

XXXI.

Вольтеръ — много мнѣнья. Пишетъ онъ:
 «Кандиду жизнь тогда сноснаѣй казалась,
 Когда ѣдой онъ былъ ужь пресыщенъ».
 Но онъ не правъ. Намъ въ сытности являлось
 Еще страданье новое всегда,
 Когда мы только трезвы были... Да,
 Въ вопросѣ пици я держусь принципа,
 Которому былъ вѣренъ сынъ Филиппа.

XXXII.

Какъ Александръ, я думалъ, что ѣда
 Намъ постоянно всѣмъ напоминаетъ
 Про нашу смерть и многіе года
 О-бренности подумать заставляетъ.
 И намъ ли всѣмъ — подумайте о томъ —
 Талантами гордиться и умомъ,
 Когда нашъ умъ зависитъ... отъ чего же?
 Отъ пици и желѣдка, правый Боже!...

XXXIII.

Разъ вечеромъ — шесть дней тому назадъ —
 Я вспомнилъ про недавнее событiе:
 Едва надѣвъ обычный свой нарядъ
 И шляпу взявъ, ужь думалъ уходить я,
 Какъ вдругъ услышалъ выстрѣлъ. Въ тотъ же мигъ
 Я выскочилъ на улицу на крикъ,
 Гдѣ распростертъ, недвижимъ и покоенъ,
 На мостовой лежалъ убитый воинъ.

XXXIV.

Бѣднякъ! Пять пуль пришлось ему принять,
 И умирать такъ одиноко въ мирѣ....
 Его велѣлъ тотчасъ же я поднять
 И въ комнату внести въ моей квартирѣ.
 Его мы осмотрѣли. Но зачѣмъ
 Подробности? онъ былъ и мертвъ, и нѣмъ.
 Онъ жертвой палъ, быть-можетъ, жертвой мщенья:
 Пять пуль въ него впилося въ одно мгновенье. ²

XXXV.

Я глазъ не отводилъ отъ мертвеца.
 Мнѣ удавалось труповъ видѣть много,
 Но не встрѣчалъ такого я лица:
 Оно спокойно было такъ и строго...
 Хоть онъ въ животъ и въ сердце былъ пронзенъ,
 Казалось мнѣ, что впалъ онъ въ тихій сонъ...
 Мертвецъ снаружи не былъ облитъ кровью
 И думалъ я, склонившись къ изголовью:

XXXVI.

«Что значитъ смерть? ты долженъ мнѣ сказать...»
 Отвѣта нѣтъ. «Проснись!» Онъ не проснулся.
 Вчера еще онъ сильно могъ дышать,
 Рядъ воиновъ предъ грозной волей гнулся:
 «Иди!» онъ говорилъ, и шолъ народъ;
 «Впередъ!» кричалъ — всѣ шли за нимъ впередъ,
 Раскрылъ уста — молчатъ рожки и трубы,
 Теперь же неподвижны эти губы.

XXXVII.

Передъ постелью воина стоятъ
 Его друзья-соратники въ печали,
 Въ послѣдній разъ на хладный трупъ глядятъ...
 Такъ онъ погибъ. Его не разъ видали
 Среди жаркихъ битвъ, гдѣ врагъ предъ нимъ дрожалъ
 И, пораженный, съ боя убѣгалъ...
 Онъ, приступомъ когда-то бравшій стѣны,
 Погибъ безславной смертью отъ измѣны!

XXXVIII.

Межъ свѣжихъ ранъ еще замѣтенъ слѣдъ
 Старинныхъ шрамовъ ранъ его военныхъ.
 Какой контрастъ! Но память прошлыхъ лѣтъ
 Не потревожу; подвиговъ почтенныхъ
 Не стану мимоходомъ вспоминать...
 Но, какъ всегда, хотѣлъ бы я узнать,
 Смотри на трупъ, загадку смерти вѣчной,
 Всегда нѣмой, холодной, безконечной.

XXXIX.

Но все осталось тайной. Нынче мы
 Еще живемъ, а завтра двѣ-три пули
 Уносятъ насъ въ иное царство тьмы...
 Къ чему жь мы этой жизнию дохнули?
 Зачѣмъ нашъ прахъ стихіи разнесутъ?
 Эфиръ, вода, земля, огонь — живутъ,
 А мы — вѣнцы созданья — умираемъ...
 Довольно! Мы рассказъ свой забываемъ.

XL.

Двухъ плѣнниковъ угрюмый попущикъ
 Повелъ ихъ тотчасъ къ лодкѣ золоченой —
 Вдругъ весла поднялись и въ тотъ же мигъ
 Они помчались къ цѣли отдаленной.
 Куда? зачѣмъ? уже-ли смерть ихъ ждетъ?
 Но вотъ каикъ у бухты пристаесть,
 Гдѣ стѣны надъ водою поднимались
 И кипарисы стройные качались...

XLI.

Ихъ проводникъ въ окошко постучалъ,
 Раскрылась дверь желѣзная; шли слѣдомъ
 Они за нимъ въ аллею, гдѣ лежалъ
 Глубокій мракъ... Тотъ путь имъ былъ невѣдомъ.
 Ужь ночь давно спустилася съ небесъ,
 Кругомъ деревья темны, словно лѣсъ...
 Гребцамъ евнухъ махнулъ рукой сурово
 И тѣ ушли, не говоря ни слова.

XLII.

Извилистой тропой они идутъ
 Среди цвѣтовъ и зелени восточной,
 (Когда бъ была охота, могъ бы тутъ
 Я сдѣлать всѣмъ имъ списокъ очень точный:
 Вѣдь на восточныя растенья и цвѣты
 Нашъ сѣверъ скупъ. Но нѣтъ, читатель, ты
 Встрѣчалъ навѣрно въ многихъ сочиненьяхъ
 Трактаты о цвѣтахъ и о растеньяхъ.)

XLIII.

Въ Жуанѣ мысль случайно родилась,
 Когда они тропинкой проходили,
 О чемъ сказалъ товарищу. У насъ
 Самихъ такія бѣ мысли забродили...
 «Мнѣ кажется — сказалъ онъ — попытать
 Намъ не мѣшаетъ евнуха примять.
 По головѣ его ударимъ разомъ,
 Чтобъ не успѣлъ моргнуть онъ даже глазомъ».

XLIV.

—«Отлично! такъ! что жъ сдѣлаемъ потомъ?
 Гдѣ мы теперь, понятя не имѣя,
 Живые мы отсюда не уйдемъ
 И испытаемъ смерть Варѣоломея,³
 Попавъ въ другой какойнибудь вертепъ...
 Подобный рискъ былъ очень бы нелѣпъ...
 Притомъ я голодъ чувствую ужасный
 И мнѣ биштексъ мерещится прекрасный.

XLV.

«Вблизи жили должны теперь мы быть,
 Не даромъ этотъ негръ идетъ такъ смѣло:
 Онъ не рѣшился бѣ плѣнныхъ двухъ водить
 Такой дорогой: видано ли дѣло!
 Онъ знаетъ, что друзья его не спятъ,
 И только крикнетъ — разомъ набѣжатъ.
 Но посмотрите, гдѣ мы? что за диво!
 Въ огняхъ дворець... Какъ зданіе красиво!..»

XLVI.

И точно былъ предъ ними пышный домъ,
 Передній фасъ котораго, казалось,
 Весь золотомъ украшенъ было кругомъ
 И, по турецкому капризу, украшалось
 Все зданіе въ различные цвѣта,
 Хоть отъ того теряла красота.
 Всѣ виллы по Босфору — какъ экраны
 Раскрашены, пестры, какъ балаганы.

XLVII.

На встрѣчу имъ несется запахъ блюдъ,
 Пилавовъ и жаркихъ благоуханье,
 Все голодъ раздражало въ нихъ и тутъ
 Жуанъ смирилъ свирѣпыя желанья
 И негру жить покамѣстъ позволялъ,
 Къ тому жь его пріятель увѣрялъ:
 «Повѣрьте мнѣ, теперь не шумъ намъ нуженъ,
 А только сытный и спокойный ужинъ».

XLVIII.

Мы прибѣгаемъ къ помощи страстей,
 Къ услугамъ чувствъ и, наконецъ, къ разсудку,
 Хоть онъ не въ модѣ нынче у людей.
 Ораторы употребляютъ шутку,
 Чтобъ общее вниманье возбуждать
 Иль начинаютъ слезы проливать —
 Насъ каждый убѣдить вездѣ хлопочеть,
 Но краткимъ быть никто изъ насъ не хочетъ.

XLIX.

Есть много средствъ на свѣтѣ убѣждать
 Посредствомъ краснорѣчья, денегъ, лести,
 Насъ красота умѣетъ увлекать,
 Но средства эти, взятая всѣ вмѣстѣ,
 Не могутъ такъ охватывать сердца —
 И радостью живить черты лица,
 Какъ трель звонка, когда онъ заиграетъ
 И звономъ на обѣдъ насъ призываетъ.

L.

Но въ Турціи къ обѣду не звонятъ
 И плѣнники звонка не услышали,
 Не видѣвъ имъ прислуги цѣлый рядъ,
 Лишь ароматъ отъ блюдъ они глотали,
 Да повара мелькали вокругъ огня,
 Сверкающей посудой звеня...
 Двухъ плѣнниковъ дразнили эти сборы
 И аппетитъ ихъ выражали взоры.

LI.

Забывъ свой планъ, впередъ они идутъ
 И ихъ ведетъ путеводитель чорный:
 Онъ и не зналъ за нѣсколько минутъ,
 Что смерть близка... Ручкою негръ проворный
 Имъ сдѣлалъ знакъ немного подождать,
 Потомъ калитку началъ отпирать —
 И путникамъ открылся залъ парадный,
 Обставленный роскошно и громадный.

LII.

Не стану я описывать тотъ залъ.
 Вѣдь, въ наши дни любой пѣвецъ пространный
 Любилъ изображать, какъ посѣщалъ
 Онъ пышный дворъ державы иностранной,
 Хоть публика за то его кляла...
 Уже давно природа отдала
 Себя на жертву гидовъ разныхъ націй,
 «Записокъ», приемъ и разныхъ иллюстрацій.

LIII.

Съ ногами на крестъ вдоль и поперекъ
 По залѣ турки къ шахматамъ склонялись.
 Тѣхъ разговоръ коротокъ былъ и строгъ,
 Тѣ собственнымъ нарядомъ любовались...
 Сбѣгаетъ дымъ съ янтарныхъ мундштуговъ
 Волнами ароматныхъ облаковъ...
 Тамъ группы то ходили, то лежали,
 То молча ромъ предъ ужиномъ глотали.

LIV.

Когда же негръ ввелъ плѣнныхъ въ свѣтлый залъ,
 Никто на нихъ не обратилъ вниманья:
 Тотъ, кто ходилъ — шаговъ не умѣрять
 И лицъ не измѣнилось очертанье.
 Иной же такъ взглянулъ на тѣхъ людей,
 Какъ смотрять при оцѣнкѣ лошадей,
 Иные негру съ мѣста поклонились,
 Но губы ихъ въ тотъ мигъ не шевелились.

LV.

А негръ все дальше плѣнниковъ ведетъ.
 Вкругъ нихъ покои пышны, молчаливы...
 Въ одномъ изъ нихъ блестящій водометъ
 Журчалъ во тьмѣ и билъ полулѣниво,
 Да иногда, какъ будто имъ дивясь,
 Въ дверяхъ мелькала пара женскихъ глазъ,
 Тяжолая портьера поднималась
 И черная головка появлялась.

LVII.

Когда въ лѣсу, на берегу рѣки,
 Въ степи мы остаемся одиноки,
 То не страдаемъ тамъ мы отъ тоски:
 Тамъ наши мысли ясны и глубоки;
 Но изъ громадныхъ темныхъ галлерей
 Намъ хочется бѣжать скорѣй, скорѣй...
 Какъ гробъ, насъ давитъ тамъ уединенье
 И образъ смерти гонитъ размышленье.

LVIII.

Каминъ съ огнемъ, гостиной свѣтлый видъ,
 Двѣ книги, милый другъ, стаканъ кларета,
 Хорошій ужинъ, добрый аппетитъ —
 Вотъ гдѣ укрыться любимъ мы отъ свѣта.
 Конечно, здѣсь того эффекта нѣтъ,
 Когда изъ ложи смотримъ мы балетъ...
 Но я — я съ темной залой не разлученъ,
 А потому бываю часто скученъ.

LIX.

Увы! къ чему возводятъ на землѣ
 Огромныя постройки? Только храмы
 Должны тревожить думы на челѣ,
 Лишь въ храмахъ забывать должны всегда мы
 О всемъ земномъ... Сътѣхъ поръ, какъ палъ Адамъ,
 Жилищъ большихъ не нужно вовсе намъ,
 И башни вавилонской созиданье —
 Есть лучшій намъ урокъ и наказанье.

LX.

Былъ прежде неизвѣстенъ Вавилонъ,
 Но знаменитымъ сдѣлался онъ скоро,
 Роскошными садами окружонъ.
 Стоялъ тамъ тронъ Навуходоносора,
 Гдѣ онъ потомъ, какъ звѣрь лѣсной, бродилъ;
 Тамъ львовъ смирялъ въ берлогахъ Даниилъ,
 И тамъ жила сама Семирамида:
 Тяжка ей нанесенная обида!...

LXI.

Ее историкъ нашъ оклеветалъ
 (Историкъ все толкуетъ очень ложно),
 Что будто конь царицу ту плѣнялъ
 (Любовь — капризь: ей въ мѣрѣ все возможно).
 Ошибка здѣсь рѣшительно ясна:
 Царица обожала *скакуна* —
 Что жъ изъ того? держусь такой я вѣры,
 Что *скакунами* звались тамъ *курьеры*. ⁴

LXII.

Но если бъ было такъ (а въ наши дни
 Все можетъ быть), что эти мусульмане
 Не вѣрятъ въ вавилонскій столбъ (они
 Могли бы книгу Рича взять заранѣ: ⁵
 Онъ самъ купилъ — рассказано такъ въ ней —
 Отъ этой башни нѣсколько камнѣй),
 Не вѣрятъ и евреямъ въ указанъ
 На это очень мудрое преданье,

LXIII.

То пусть они узнаютъ наконецъ,
 Что о постройкѣ дерзкой Вавилона
 Сказалъ Горацій, чудный нашъ пѣвецъ:
 Горацій говорилъ во время оно,
 Что тамъ народъ, «забывъ про тьму могилъ,
 Вблизи гробовъ постройки возводилъ...» ⁶
 Печально очень это изреченье,
 Но можетъ всѣмъ служить намъ въ поученье...

LXIV.

Межь-тѣмъ они вошли въ ту часть дворца,
 Гдѣ словно эхо разомъ пробудилось...
 Повсюду роскошь — прихоть безъ конца —
 Передъ глазами путниковъ явилась...
 Довольство поражало ихъ кругомъ...
 Вошла сама природа въ этотъ домъ,
 На все съ благоговѣніемъ смотрѣла,
 Но чѣмъ помочь искусству — не умѣла...

LXV.

И, видимо, та комната была
 Лишь только входомъ въ комнаты другія,
 Но въ ней вездѣ сверкали зеркала
 И шли вокругъ стѣнъ диваны дорогие:
 На нихъ и сѣсть, казалось бы, грѣшно...
 Узоръ ковровъ такъ вытканъ мудрено,
 Что мы, ступивъ на нихъ хоть по ошибкѣ,
 Могли скользить, какъ золотыя рыбки.

LXVI.

Одинъ ефнухъ съ презрѣніемъ взиралъ
 На все своимъ суровымъ, мрачнымъ взоромъ,
 И съ наглостью цвѣты ковровъ топталъ,
 Не увлекаясь дивнымъ ихъ узоромъ.
 Потомъ раскрылъ онъ шкапъ съ ключомъ въ рукѣ
 (Вы видите — стоитъ онъ въ уголкѣ;
 Но если вы немножко слѣповаты,
 То въ этомъ, право, сами виноваты).

LXVII.

Итакъ, раскрылъ онъ шкапъ своей рукой.
 Въ шкапу костюмы разные висѣли;
 Тамъ пышныхъ платьевъ выборъ былъ такой,
 Что пренебречь едва ли бѣ имъ посмѣли
 И мусульмане знатные, но онъ
 Для плѣнниковъ собралъ со всѣхъ сторонъ
 Костюмъ отъ прочихъ платьевъ всѣхъ отличный,
 И для гяуровъ купленныхъ приличный.

LXVIII.

Онъ старшаго изъ нихъ тотчасъ облѣкъ
 Во первыхъ въ плащъ, потомъ далъ шаровары
 Широкия: шовъ лопнуть въ нихъ не могъ —
 Такъ одѣваться любятъ всѣ татары.
 Шаль Кашемира плѣннику онъ далъ,
 Цвѣтныя туфли, въ золотѣ кинжалъ
 Съ оправой и съ булатомъ безпорочнымъ...
 Одѣлся онъ въ минуту львомъ восточнымъ.

LXIX.

Пока они мѣняли свой нарядъ,
 Ихъ спутникъ Баба дѣлалъ наставленья,
 Что если христіане захотятъ,
 Имъ улыбнется счастье, безъ сомнѣнья,
 И онъ спѣшитъ ихъ въ томъ предостеречь.
 Затѣмъ онъ такъ окончилъ эту рѣчь:
 «Свершите только дѣло обрѣзанья,
 И вамъ легко покажется изгнанье...

LXX.

«Я былъ бы очень радъ, прибавилъ онъ,
 Въ васъ встрѣтить правовѣрныхъ, но насильно
 Изъ васъ никто не будетъ принуждёнъ
 Свершать обрядъ». На то ему умильно
 Съ поклономъ старшій плѣнный отвѣчалъ:
 — «Давно я ваше мнѣнье раздѣлялъ
 И самъ люблю — хоть я теперь и плѣнный —
 Обычай той націи почтенной.

LXXI.

«Что-жь до меня касается — свершить
 Обычай тотъ не прочь я... Вѣроятно,
 Когда мнѣ здѣсь предложатъ закусить —
 Что для меня весьма теперь пріятно —
 То я, подумавъ, даже буду радъ
 Исполнить правовѣрныхъ всѣхъ обрядъ».
 — «Какъ!» вскрикнулъ Донъ-Жуанъ, весь холодѣя,
 «Пусть голову отрубятъ мнѣ — нигдѣ я —

LXXII.

«Не соглашусь на это...» — «Милый другъ,
 Я васъ прошу — меня не прерывайте:
 Вы видите, я съ рѣчи сбился вдругъ...
 Итакъ — я продолжаю, сэръ: узнайте,
 Когда я здѣсь немного закушу —
 Вопросъ тотъ непременно разрѣшу,
 Но думаю — хоть васъ мы мало знаемъ —
 Что въ выборѣ не буду я стѣсняемъ».

LXXIII.

Тутъ негръ къ Жуану обратился: «Васъ
Одѣться я прошу». Онъ подалъ платье:
Въ него бы съ восхищеньемъ облеклась
Красавица, но, затаивъ проклятье,
Жуанъ его ногой отбросилъ прочь...
«Скорѣе одѣвайтесь!..» Превозмочь
Жуанъ не въ силахъ гнѣва и поднялся:
— «Я женщиной еще не одѣвался!..»

LXXIV.

— «До этого мнѣ вовсе дѣла нѣтъ;
Я словъ терять напрасно не желаю:
Одѣньтесь поскорѣе — мой совѣтъ...»
— «Но я одинъ вопросъ вамъ предлагаю:
Къ чему носить мнѣ женщины нарядъ?»
— «Въ послѣдствіи вамъ это объяснять,
Теперь-же я имѣю наставленье
Вамъ не давать ни слова объясненья».

LXXV.

— «О, если такъ!» Жуанъ воскликнулъ, «мнѣ...»
— «Не гнѣвайтесь! Угрозы васъ погубятъ:
Прекрасна храбрость только на войнѣ,
А здѣсь — повѣрьте мнѣ — шутить не любятъ...»
— «Но какъ же я могу свой полъ забыть...»
— «Когда меня хотите вы сердить,
То я сзову людей и — вотъ вамъ слово. —
Вамъ не оставятъ пола никакого.»

LXXVI.

«Я предлагаю чудный вамъ костюмъ,
Хоть женскій онъ, но, вѣрно, такъ ужь надо,
И нѣтъ причинъ вамъ дѣлать въ домѣ шумъ...»
Но Донъ-Жуанъ такого маскарада
Не могъ понять: «ну, вотъ проклятый газъ!
Что буду дѣлать съ нимъ на этотъ разъ?»
Такъ онъ шепталъ надъ кружевомъ прозрачнымъ;
Его носить бы только новобрачнымъ.

LXXVII.

Вздыхалъ, бранился Донъ-Жуанъ,
Потомъ надѣлъ шальвары съ оторочкой,
Стянулъ дѣвичьимъ поясомъ свой станъ,
Прикрытый бѣлой, легкою сорочкой;
Когда же юбку сталъ онъ надѣвать
Съ неловкостью (что можемъ мы понять),
То, въ складкахъ утопая, оглянулся
И, вовсе неожиданно, споткнулся.

LXXVIII.

Въ томъ дива никакого, право, нѣтъ:
Онъ этимъ никогда не занимался...
Но вотъ совсѣмъ оконченъ туалетъ
(Жуанъ довольно долго одѣвался).
Когда жъ порой костюмъ его смущалъ,
Ему степенный Баба помогалъ:
Не безъ труда и не тая проклятья,
Онъ, наконецъ, просунулъ руки въ платье.

LXXIX.

Осталось затрудненіе одно:
 Носилъ онъ волосы не длинныя; но это,
 Ихъ спутникомъ тотчасъ устранило:
 Фальшивую косу досталъ онъ гдѣ-то
 И въ мигъ была прилажена она,
 Расчесана, кругомъ умощена...
 По плечамъ кудри змѣями спадали
 И въ нихъ каменья разные сверкали.

LXXX.

Посредствомъ ножницъ, щипчиковъ, румянъ
 Въ красавицу преобразился разомъ
 Въ нарядъ женскомъ юный Донъ-Жуанъ.
 — «Смотрите! крикнулъ Баба имъ съ экстазомъ:
 Клянусь, онъ сталъ прекрасною женой!
 Теперь прошу васъ слѣдовать за мной,
 Вы, господинъ... хотѣлъ сказать я — дама,
 За мною вслѣдъ теперь идите прямо».

LXXXI.

Онъ сдѣлалъ знакъ — вошли рабы тотчасъ.
 «Вотъ съ ними вы отправитесь на ужинъ»,
 Сказалъ онъ одному: «а вотъ для васъ,
 Сударыня, въ проводники я нуженъ.
 Упрямство васъ къ добру не приведетъ,
 При томъ же здѣсь совсѣмъ не злой народъ,
 Какъ львы въ пещерѣ; люди здѣсь не дики:
 Попали вы теперь въ дворецъ владыки...

LXXXII.

«Никто въ дворцѣ не сдѣлаетъ вамъ зла».
 — «Тѣмъ лучше всѣмъ! Жуанъ тутъ замѣчаетъ:
 «Моя рука довольно тяжела
 И дерзкаго на мѣстѣ поражаетъ.
 Ступайте же! за вами я иду;
 Но если въ западную я попаду,
 Наряженный зачѣмъ-то въ это платье,
 То за обманъ съумѣю наказать я».

LXXXIII.

— «Не бойтесь же, идите!» Между-тѣмъ
 Жуанъ съ своимъ товарищемъ прощался,
 И тотъ хотя былъ веселъ не совсѣмъ,
 Но, глядя на Жуана, улыбался.
 — «Здѣсь чудный край!» Жуану онъ сказалъ:
 «Одинъ изъ насъ — чуть-чуть не туркомъ сталъ,
 И въ женщину другой преобразился,
 Надъ чѣмъ волшебникъ черный потрудился».

LXXXIV.

— «Прощайте!» закричалъ Жуанъ. «Какъ знать—
 Дождемся ль встрѣчи новой? До свиданья!»
 — «Но если мы увидимся опять,
 То каждый передастъ свое сказанье...
 Мы поплывемъ, куда судьба несетъ,
 Но помните: невинность — вашъ оплотъ,
 Не будьте Евой», крикнулъ онъ Жуану.
 — «О нѣтъ! Я не отдамся и султану...»

LXXXV.

Друзья разстались. Съ Бабою Жуань
Идетъ по галлерейамъ комнатъ темныхъ,
Гдѣ въ темнотѣ журчалъ, порой, фонтанъ —
И вотъ предъ ними входъ воротъ огромныхъ.
Стоитъ, какъ очарованный, колоссъ...
Вокругъ благоуханіе лилось
И тишина ничѣмъ не прерывалась...
Святыищемъ то мѣсто представлялось.

LXXXVI.

Изваяна вся дверь со всѣхъ сторонъ
Отчетливо изъ бронзы золоченой;
На ней упорный бой изображонъ:
Здѣсь видѣнъ побѣдитель изступленный,
Убитый врагъ лежитъ недвижно тутъ,
За колесницей плѣнники идутъ,
Бѣгутъ полки... оружія сверканье...
Казалось древнимъ очень изваянье.

LXXXVII.

Тѣмъ входомъ замыкался длинный залъ.
По сторонамъ два карлика стояли,
И каждый карликъ былъ такъ страшно малъ,
Что ихъ едва у двери замѣчали.
Они, какъ двое гадкихъ чертенятъ,
Еще смѣшнѣй среди такихъ громадъ,
И въ той большой, великолѣпной залѣ
Они, казалось, оба исчезали.

LXXXVIII.

Но подойдя къ нимъ близко, мы могли
 Тамъ въ ужасѣ невольномъ отвернуться
 Отъ этихъ карловъ, видныхъ чуть съ земли:
 Ихъ безобразью можно ужаснуться.
 Цвѣтъ ихъ лица былъ смѣсю всеѣхъ цвѣтовъ,
 Притомъ, языкъ былъ нѣмъ у тѣхъ шутовъ
 И оба карла — глухи. Тѣ уроды
 Стояли тамъ, какъ прихоть пышной моды.

LXXXIX.

Обязанность ихъ состояла въ томъ —
 Тѣ крошки были сильны — чтобъ ворота
 Всѣмъ отворять, хоть не большимъ трудомъ
 Для карликовъ казалась та работа;
 Въ движеніи двери были такъ легки,
 Какъ, напримѣръ... хоть Роджерса стихи.
 Притомъ, къ нашимъ ихъ съ петлей посылали,
 Когда паши, порою, бунтовали.

LС.

Языкъ совсѣмъ не двигался у нихъ.
 Глаза ихъ страшнымъ блескомъ вдругъ сверкнули,
 Лишь Баба попросилъ тѣхъ домовыхъ,
 Чтобы они имъ двери распахнули.
 Зеленыхъ ихъ зрачковъ Жуанъ не могъ
 Перенести: казалось, въ краткій срокъ
 Змѣиные глаза ихъ отравляли
 И чародѣйной силою пугали.

LСI.

У входа Баба спутнику твердилъ:
 «Походка ваша слишкомъ ужъ мужская
 И если можно — я бы васъ просилъ
 Ступать помягче: ваша роль такая...
 При этомъ не качайтесь на ходу
 И наконецъ, когда я васъ введу
 Съ собой сію минуту въ залъ огромный,
 Старайтесь видъ принять дѣвицы скромной.

LСII.

«Къ тому жъ у этихъ карловъ зорокъ взоръ,
 И если полъ вашъ дьяволы узнаютъ —
 Вы знаете, что близко здѣсь Босфоръ:
 Въ него у насъ измѣнниковъ бросаютъ
 И намъ обоимъ утромъ, можетъ-быть,
 Въ мѣшкахъ зашитыхъ нужно будетъ плыть:
 Здѣсь принято давно ужъ средство это...⁷
 Такъ слушайтесь вы добраго совѣта».

LСIII,

И тутъ они вошли въ другой покой.
 Онъ былъ великолѣпнѣе, пышнѣе...
 Повсюду видѣнъ царственный покой,
 Гдѣ блескомъ ослѣплялся взоръ, тускнѣя,
 Гдѣ чистый, благороднѣйшій металлъ
 Передъ глазами каждаго сіялъ
 И камни драгоценные пестрѣли,
 Мѣшались межъ собою и горѣли...

LCIV.

Богатства много, вкуса — вовсе нѣтъ,
 (Такъ водится всегда въ дворцахъ восточныхъ)
 Вкругъ пестрота и яркихъ красокъ цвѣтъ.
 (Я пять иль шесть дворцовъ такихъ же точно
 Въ Европѣ видѣлъ), всюду встрѣтишь тамъ,
 Среди богатствъ, ненужный вовсе хламъ...
 Но статуи, диваны и картины
 Описывать теперь мнѣ нѣтъ причины.

LCV.

Въ той комнатѣ, склонившись на диванъ,
 Въ величьи царскомъ дама возлежала.
 Предъ ней склонился Баба, и Жуанъ,
 Хоть кланяться привыкъ онъ очень мало,
 Сталъ на колѣно, негру покорясь,
 Той странной сценѣ мысленно дивясь,
 И думалъ такъ: «кто быть она могла бы?»
 Межь-тѣмъ, не измѣнялась поза Бабы.

LCVI.

Вотъ дама на диванѣ поднялась —
 Венера вышла такъ изъ океана —
 И съ быстротой газели пару глазъ
 Вдругъ устремила прямо въ Донъ-Жуана;
 Потомъ рукой знакъ Бабѣ подала, —
 Какъ лучъ луны рука была бѣла...
 Едва до платья смѣя ей касаться,
 Съ той незнакомкой Баба сталъ шептаться.

LСVII.

Той женщины прелестной красота
 Была неотразима и надменна,
 Неуловима, словно какъ мечта...
 Ее вамъ нужно видѣть непременно,
 Чтобъ оцѣнить. Когда бъ посредствомъ фразъ
 Я описалъ ту красоту для васъ,
 Тогда бы всѣ могли лишиться зрѣнья...
 Нѣмѣетъ мой языкъ для выраженья.

LСVIII.

Хоть было ей тогда лѣтъ двадцать шесть,
 Но на землѣ такія есть созданья,
 Красавицы такія въ мірѣ есть,
 Которыя не знаютъ увиданья:
 Шотландская Марія такова.
 Хоть отъ несчастій никнетъ година,
 Но не для всѣхъ несчастіе опасно:
 Нинонъ Данкло всегда была прекрасна.

LСIX.

Своей царицы слушая приказъ,
 Прислужницы вокругъ ея стояли.
 Онѣ одѣты были въ этотъ часъ,
 Какъ и Жуанъ. Смотри на нихъ, едва ли
 Отъ нимфъ ихъ можно было отличить
 И съ сестрами Діаны не сравнить...
 Я говорю о внѣшней красотѣ ихъ,
 Не вѣдая объ остальныхъ затѣяхъ.

С.

Съ поклономъ удаляются онѣ.
 Жуанъ смотрѣлъ на все и удивлялся,
 Оставленный отъ прочихъ въ сторонѣ:
 Зачѣмъ онъ здѣсь?... и съ кѣмъ? куда попался?
 Онъ на яву теперь, иль видитъ сонъ?
 Жуанъ былъ удивленъ и восхищенъ...
 Тѣ чувства къ намъ всегда проходятъ въ парѣ...
 Тотъ жалокъ, чей девизъ — *nil admirari*.⁸

СІ.

«Кто счастье земли умѣлъ постичь,
 Тотъ ничему нигдѣ не удивлялся».
 Такъ рассуждалъ Мюррей и думалъ Кричъ,⁹
 Такъ самъ пѣвецъ Горацій выражался,
 То изреченье Попе повторялъ,
 Но еслибъ былъ таковъ ихъ идеалъ,
 То Попе съ пѣсней въ міръ бы не явился
 И лирою Горацій не плѣнился.

СІІ.

Когда ушли прислужницы, евнухъ
 Къ Жуану съ приказаньемъ обратился
 И повторилъ потомъ, едва не вслухъ,
 Чтобъ къ ножкѣ дамы плѣнникъ приложился,
 И вновь предъ ней колѣна преклонилъ,
 Но тутъ Жуанъ весь вспыхнулъ и вскочилъ:
 «Я не привыкъ до нынѣ унижаться,
 Я передъ папой могъ лишь преклоняться...»

СІІІ.

Той гордостью былъ Баба возмушонъ
 И петлей угрожалъ ёму за это,
 Но Донъ-Жуанъ не палъ бы, умилёнъ,
 Передъ самой невѣстой Магомета...
 Всесилёнъ въ мірѣ грозный этикетъ,
 И бредить имъ повсюду цѣлый свѣтъ
 Въ палатахъ царскихъ, въ залахъ театральныхъ,
 На скачкахъ, на балахъ провинціальныхъ...

СІV.

Жуанъ былъ непреклоненъ (Баба вновь
 Напрасно убѣдить его старался):
 Кипѣла въ немъ кастильскихъ предковъ кровь,
 И умереть скорѣе онъ рѣшался,
 Чѣмъ древній родъ свой рабствомъ оскорбить.
 Тутъ Баба сталъ иначе говорить
 И ужь не *можку* ей (боясь проклятій)
 Просилъ хоть руку лишь поцаловать ей.

СV.

Такая сдѣлка выгодна была.
 И пусть они какъ дипломаты строги,
 Но тутъ любая сторона могла
 Сойтись между собой на полъ-дорогѣ.
 Не могъ не согласиться Донъ-Жуанъ,
 Сказавъ: «Таковъ обычай нашихъ странъ —
 На югѣ непременно и всегда мы
 Привыкли прикасаться къ ручкѣ дамы».

CVI.

Онъ подошолъ. Прекрасная рука
 Для поцалуя всякаго манила —
 Когда уста коснутся къ ней слегка
 То въ голову желанье приходило
 Склониться къ ней второй и третій разъ...
 Желанье то смущало, вѣрно, васъ,
 Когда съ созданьемъ милымъ вы встрѣчались
 И до руки губами прикасались.

CVII.

Красавица взглянула и въ тотъ мигъ
 Велѣла гордо Бабѣ удалиться.
 Намѣки всѣ лукавый негръ постигъ
 И, поспѣшивъ ей низко поклониться,
 Шепнулъ Жуану: «бросьте всякій страхъ!»
 И съ свѣтлою улыбкой на губахъ,
 Какъ будто сдѣлалъ доброе онъ дѣло,
 Скользнулъ въ дверяхъ, взглянувъ довольно смѣло.

CVIII.

Едва сокрылся Баба, какъ въ чертахъ
 Прекрасной дамы сдѣлалось волненье,
 Румянецъ загорѣлся на щекахъ —
 Такъ рдѣютъ облака въ одно мгновенье,
 Когда проглянетъ солнце изъ-за горъ —
 И выражалъ ея блестящій взоръ
 Въ одно и тоже время — гордость, счастье
 И, наконецъ, томленье сладострастья.

СІХ.

Въ ней грація природная видна,
 Въ ея чертахъ есть нѣжность, но иная —
 Той нѣжностью владѣлъ лишь сатана,
 Невинную дикарку соблазняя...
 Какъ солнце лучезарное, чиста
 Во всей ей разлитая красота:
 Та красота скорѣй повелѣвала,
 Но никому сама не уступала.

СХ.

На всѣхъ кругомъ — таковъ въ ней царскій видъ —
 Она какъ будто цѣпи налагаетъ,
 Но насъ блаженство самое страшитъ,
 Когда въ немъ деспотизмъ преобладаетъ.
 Нашъ духъ одну свободу признаетъ
 И, если тѣло часто терпитъ гнетъ,
 То цѣпи допускаетъ лишь на время:
 Духъ, наконецъ, осилитъ это бремя.

СХІ.

Высокомѣренъ былъ ея привѣтъ,
 Она высокомерно улыбалась,
 Какъ будто награждала цѣлый свѣтъ,
 И даже въ ножкахъ воля отражалась.
 За поясомъ ея блисталъ кинжалъ,
 И этотъ знакъ — санъ дамы означалъ:
 Она — жена султана. (Богу слава,
 Что не моя она супруга, право!)

СХІІ.

«Мнѣ повинуйся!» вотъ ея законъ.
 Всѣ прихоти царицы исполнялись
 Толпой ея рабовъ со всѣхъ сторонъ.
 Она — изъ рода знатнаго; склонялись
 Всѣ передъ блескомъ чудныхъ этихъ глазъ...
 Когда бъ она въ Европѣ родилась
 То, думаю, *perpetuum mobile*
 У насъ теперь давнымъ-давно бъ открыли.

СХІІІ.

Ей доставлялось все, чего бъ она
 По прихоти своей ни пожелала,
 И дорогая самая цѣна
 Ей въ достиженьи цѣли не мѣшала.
 Ея капризамъ не было конца,
 Но за улыбку чуднаго лица
 И самый деспотизмъ ей извиняли,
 Лишь жоны красоты ей не прощали.

СХІV.

Жуанъ ея вниманіе привлѣкъ,
 Когда она по рынку проѣзжала.
 «Купить его!» Тутъ Баба ей помогъ:
 Она его услуги испытала.
 Для дѣлъ такихъ негръ словно былъ рождёнъ,
 Къ тому жъ имѣлъ благоразумье онъ.
 Вотъ почему — прошу теперь понять я —
 Кънейприведенъ Жуанъ былъ въ женскомъ платьѣ.

СХV.

Жуанъ былъ молодъ — хитрость удалась.
 Вы спросите: какъ мысль такого плана
 Явилась ей? О томъ прошу я васъ
 Спросить изъ любопытства жонъ султана...
 Владыки — лишь мужья въ глазахъ ихъ жонъ,
 А жоны съ незапамятныхъ времёнъ
 Своихъ мужей обманывать любили,
 Хоть ихъ мужья и королями были.

СХVI.

Купивъ себѣ Жуана безъ хлопотъ —
 Султанша почему-то разсуждала,
 Что Донъ-Жуанъ за счастье почтётъ
 Ея привѣтъ; въ глазахъ ея пылала
 Власть и любовь. Чтобъ гостя оживить:
 «Ты, чужестранецъ, можешь ли любить?»
 Она спросила, тутъ же ожидая,
 Что заиграетъ кровь въ немъ молодая.

СХVII.

Такъ быть могло, конечно; но Жуанъ
 О Гайде не забылъ еще: носилась
 Она предъ нимъ, какъ призракъ, какъ туманъ,
 И постепенно кровь въ немъ охладилась
 И къ сердцу вдругъ отхлынула съ лица:
 Онъ сдѣлался блѣднѣе мертвеца.
 Какъ будто копья въ грудь его вонзили —
 И разомъ слезы щоки оросили.

СХVIII.

Она смутилась этимъ. Зарыдать
 Способны жоны вовсе безъ приины,
 Но тяжело и больно намъ встрѣчать
 Зловѣщую слезу въ глазахъ мужчины.
 Отъ женскихъ слезъ тоска къ нимъ не придѣтъ,
 Но какъ огонь слеза мужчины жжотъ;
 Для женщины ихъ слезы — облегченье,
 А для мужчины — жгучес мученье.

СХIX.

Хотѣлось ей немного облегчить
 Жуана скорбь, но чѣмъ? — она не знала.
 Ей въ мѣрѣ было некого любить,
 Страданія она не испытала,
 Лишь огорченья мелкія одни
 Случалось ей знавать въ иные дни,
 А потому, не склонная къ страданью,
 Она дивилась этому рыданью.

СХХ.

Но власть природы въ женщинѣ сильна,
 Природы въ ней не заглушить искусство
 И сердцемъ впечатлительнымъ она
 Оцѣнитъ незнакомое ей чувство.
 Во всѣхъ несчастьяхъ женщина могла
 Смягчать для насъ всю массу бѣдъ и зла,
 Такъ и теперь Гюльбея зарыдала,
 Хотя причины слезъ не понимала.

СХХІ.

Но слезы прекратились, и Жуанъ,
 Недавно огорченный тономъ важнымъ,
 Вновь горделиво выпрямилъ свой станъ...
 Своимъ глазамъ, лишь за минуту влажнымъ,
 Онъ придалъ твердость прежнюю опять:
 Онъ красоты не могъ не понимать,
 Но сознавалъ, что прежнія печали
 Ему любить опять не позволяли.

СХХІІ.

Лишь въ первый разъ Гюльбея смущена.
 Она — благоговѣнье только знала,
 Привыкла къ похваламъ однимъ, она
 Сейчасъ своею жизнью рисковала,
 Чтобъ встрѣтиться съ Жуаномъ tête-à-tête,
 И вдругъ — такая встрѣча... хуже нѣтъ —
 Въ подобный часъ — минуты келебанья:
 Для женщины ужаснѣй нѣтъ страданья.

СХХІІІ.

Предупреждаю юношей тѣхъ странъ,
 Гдѣ южныя натуры ждаты не любятъ
 (Не говорю про хладныхъ англичанъ),
 Что медленность въ любви не рѣдко губитъ.
 Ца сѣверѣ — дается долгій срокъ,
 На югѣ замедленіе — порокъ:
 Дается двѣ минуты на признанье,
 А послѣ — пропадетъ очарованье.

СХХІV.

Но Гайде Донъ-Жуанъ не могъ забыть,
 Онъ съ образомъ ея не разставался,
 А потому султаншѣ, можетъ-быть,
 Любовникомъ неловкимъ показался...
 Она его спасла, ввела въ дворецъ —
 Онъ передъ ней... и что же наконецъ?
 Султанша вся зардѣлась, поблѣднѣла,
 Какъ полотно, и снова заалѣла.

СХХV.

Но вотъ она въ него вперила взглядъ,
 Съ большимъ упрекомъ за руку схватила.
 Онъ все стоитъ... глаза ея горятъ...
 Но въ плѣнникѣ любви не находила
 Красавица... Сгарая отъ стыда,
 Она привстала съ мѣста — и тогда,
 Уставъ въ борьбѣ, султанша молодая
 На грудь Жуана бросилась, рыдая.

СХХVІ.

Игра была опасна, но Жуанъ
 Былъ защищенъ своей печалью раньше;
 Ее склонивъ тихонько на диванъ,
 Онъ избѣжалъ объятія султанши.
 Почти безъ чувствъ лежитъ предъ нимъ она,
 И онъ сказалъ: «прекрасная жена!
 Подруги нѣтъ орлу въ его неволѣ:
 Не буду я игрушкой женской воли!

СХХVII.

«Спросила ты — могу ли я любить!
 Суди сама, какъ полюбить могу я,
 Когда тебя рѣшаюсь позабыть...
 Любовь — дана свободнымъ. Ей торгуя,
 Любить не въ состояннѣ жалкій рабъ...
 Предъ властью часто разумъ самый слабъ,
 Колѣни, спины гнутся всенародно,
 Но сердце остается въ насъ свободно».

СХХVIII..

Та истина знакома всѣмъ, но ей
 Она была до нынѣ неизвѣстна...
 Гюльбея лестъ слыхала съ раннихъ дней,
 Да слушала восторги повсемѣстно.
 И вся земля — такъ думала она —
 Лишь для однихъ султановъ создана...
 Не вѣдать ей дано рожденьемъ право,
 Что сердце бьется слѣва, а не справа.

СХХIX.

Притомъ, такъ хороша она была,
 Что еслибъ родилась въ семьѣ плебея,
 То царство бъ для себя создать могла...
 И сознавала власть свою Гюльбея,
 Увѣрена, что каждый смертный могъ
 Лобзать слѣды ея прекрасныхъ ногъ,
 Что каждый передъ ней дрожалъ отъ страсти...
 Я съ этимъ соглашаюсь лишь отчасти.

СXXX.

Припомните тѣ юные года,
 Когда вы цѣломудріе хранили
 И какъ вдову скучавшую тогда
 Своимъ отказомъ дѣтскимъ оскорбили,
 Иль вспомните, о чемъ уже давно
 Въ романахъ старыхъ намъ говорено:
 То самое несчастье испытала
 Красавица, какихъ на свѣтѣ мало.

СXXXI.

Иль вспомнить, наконецъ, прошу я васъ
 Пентефрія жену, иль личность Федры,¹⁰
 Иль лэди Буби:¹¹ въ юности не разъ
 Исторію читали намъ съ кафедръ...
 О, юноши! примѣровъ тѣхъ урокъ
 Не забывать должны вы долгій срокъ!
 Когда о нихъ вы вспоминать начнете,
 То бѣшенство Гюльбеи вы поймете.

СXXXII.

Какъ тигрица неистово глядитъ,
 Когда ее дѣтёныша лишаютъ,
 Такъ дамы принимаютъ грозный видъ
 Въ тотъ часъ, когда ихъ чувствъ не раздѣляютъ.
 Но тигрица не такъ оскорблена:
 Дѣтей своихъ лишается она,
 А женщина вдвойнѣ скорбитъ о дѣтяхъ,
 Когда совсѣмъ лишится правъ имѣть ихъ.

СХХХШ.

Любить дѣтей — естественный законъ:
 Какъ львица, такъ и утка защищаетъ
 Своихъ дѣтей и стережотъ ихъ сонъ,
 За нихъ безъ сожалѣнья умираетъ.
 У колыбели дѣтской любить мать,
 Слезамъ и смѣху дѣтскому внимать...
 Для матери любовь — святое дѣло
 И той любви нѣтъ мѣры, нѣтъ предѣла.

СХХХІV.

Гюльбеи гнѣвъ едва ли передамъ.
 И что скажу? — что искры разсыпались
 Изъ черныхъ глазъ? Но постоянно тамъ
 Не потухая искры разгарались.
 Негодованьемъ царственнымъ полна,
 Стояла передъ плѣнникомъ она...
 Мы всѣ почти гнѣвъ женщинъ испытали,
 Когда желаній ихъ не исполняли.

СХХХV.

Гнѣвъ въ ней утихъ въ минуту, но была,
 Какъ самый адъ, минуту та ужасна —
 Въ ней столько было ненависти, зла,
 Хоть женскій гнѣвъ описывать прекрасно,
 Какъ океанъ, шумящій между скалъ....
 И еслибъ кто Гюльбею увидалъ
 Разгнѣванной, глубоко оскорбленной,
 Ее сравнилъ бы съ бурей оживленной.

СХХХVI.

Какъ ураганъ былъ этотъ гнѣвъ силенъ,
 И не казался вспышкою мгновенной,
 Хотя исчезъ въ одно мгновенье онъ.
 Какъ въ «Лирѣ», этой женщинѣ надменной
 Хотѣлось лишь «убить, убить, убить».
 Но жажда мщенья — жажда кровь пролить —
 Отчаяньемъ глубокимъ въ ней смѣнилась
 И женщина слезами разразилась.

СХХХVII.

Она зажглась грозой и, какъ гроза,
 Утихла, говорить не въ состояньи...
 Слезами затуманились глаза
 И въ этотъ часъ явилось въ ней сознанье
 Тяжелаго, ужаснаго стыда:
 Къ ней въ первый разъ явился стыдъ тогда,
 Что женщинамъ въ подобномъ положеньи
 Испытывать полезно... Безъ сомнѣнья,

СХХХVIII.

Ей стыдъ подобный вѣрно дастъ понять,
 Что въ мiрѣ всѣ мы созданы изъ праха,
 Что вазы также можно разбивать,
 Какъ и горшки, ударивъ ихъ съ размаха,
 Что и султана гордая жена
 Изъ той же плоти, крови создана...
 На сколько стыдъ добру ее научить,
 Не знаю я — но онъ ее измучить...

СXXXIX.

Жуана казнь была ей рѣшена,
 Потомъ она желала съ нимъ разстаться,
 Потомъ сообразила, что должна
 Иадъ воспитаньемъ гостя посмѣяться,
 Потомъ его раскаянія ждать,
 Потомъ она подумала — лечь спать,
 Кнутами высѣчь Бабу захотѣла,
 Потомъ она заплакала и сѣла.

СXL.

Пронзить себя кинжаломъ? — но кинжалъ
 Былъ слишкомъ близко, тутъ же подъ рукою,
 И этотъ фактъ, понятно, помѣшалъ.
 Тотъ планъ смѣнился думою такою:
 Убить Жуана тотчасъ; но бѣднякъ
 Хоть точно стоилъ смерти — это такъ —
 Но этимъ цѣль ее не достигалась:
 Съ нимъ вмѣстѣ и надежда убивалась.

СXLI.

Жуанъ былъ тронуть. Онъ воображалъ,
 Что ждуть его ужасныя мученья;
 Онъ каждую минуту ожидалъ,
 Что будетъ лвамъ онъ брошенъ на сѣденье,
 И, какъ герой, собирался умереть,
 И вдругъ — на слезы долженъ онъ смотрѣть.
 Въ немъ подавило смерти ожиданье
 Прекрасной этой женщины рыданье.

СХLII.

И въ немъ исчезла храбрость — отступать
 Теперь онъ не рѣшался также смѣло.
 Дивился онъ, какъ могъ ей отказать,
 И думалъ, какъ поправить это дѣло.
 Жуанъ себя за дикость упрекалъ,
 Понявъ, что онъ обѣта не давалъ,
 Что никому онъ въ вѣрности не клялся;
 Къ тому жь, какой обѣтъ не нарушался.

СХLIII.

Онъ началъ извиняться: но слова
 Безсильны тутъ, хотя бъ вы прибѣгали
 Ко всѣмъ уловкамъ опытнаго льва
 И пѣсни музъ различныхъ повторяли.
 Но въ немъ надежда скоро ожила:
 Султанша улыбаться начала.
 И дальше бы пошолъ онъ, безъ сомнѣнья,
 Но Баба прекратилъ ихъ объясненье.

СХLIV.

— «Невѣста солнца, мѣсяца сестра!
 (Такъ началъ онъ) твой взглядъ мѣры смущаетъ,
 Твоей улыбки розовой игра
 Планеты въ небѣ счастьемъ оживляетъ!
 Я, рабъ твой, вѣсть сладчайшую принесъ.
 Торжественнымъ посломъ мнѣ быть пришлось,
 Чтобъ заявить предъ царственной женою:
 Само свѣтило шествуетъ за мною».

СXLV.

— «Какъ!» вскрикнула она, боясь дохнуть:
 «О, для чего не завтра будетъ это!..
 Но пусть моихъ прислужницъ — млечный путь
 Идетъ предъ нимъ. Ты, старая комета,
 Веѣмъ звѣздамъ дай сейчасъ объ этомъ знать...
 Ты, христіанинъ, можешь здѣсь стоять
 Межъ звѣздъ моихъ, и если не велики...»
 Но тутъ: «султанъ идетъ!» раздались крики.

СXLVI.

Сперва явился женщинъ длинный рядъ,
 Потомъ тянулись евнухи султана.
 Идя къ женѣ, султанъ хранилъ обрядъ —
 Предупреждать о томъ супругу рано.
 Былъ съ нею постоянно вѣжливъ онъ;
 Изъ четырехъ его прекрасныхъ жонъ
 Гюльбея фавориткою считалась
 И жонамъ остальнымъ предпочиталась.

СXLVII.

Султанъ серьезнымъ видомъ обладалъ,
 До самыхъ глазъ обросши бородою...
 Онъ изъ тюрьмы на братнинъ тронъ пошалъ,
 Смѣнивъ его обычной чередою —
 И не дивилъ ничѣмъ турецкій міръ...
 Въ исторіи ни Нольсъ ни Кантемиръ
 Ни одного не славили султана,
 За исключеньемъ, впрочемъ, Солимана.

СXLVIII.

Являлся аккуратно онъ въ мечеть,
 Всегда держался самыхъ строгихъ правилъ,
 Но за страной рѣшился не смотрѣть:
 Дѣлами государства визирь правилъ.
 Въ семьѣ—какъ намъ извѣстно съ давнихъ поръ—
 Съ супругами не заводилъ онъ ссоръ
 И въ запертомъ, таинственномъ гаремѣ
 Съ наложницами ладилъ онъ со всѣми.

СXLIX.

Хотя измѣны были иногда,
 Но рѣдко расходились по народу;
 Измѣнники смирялись безъ труда —
 На голову мѣшокъ и — прямо въ воду:
 Такъ подъ водой и умиралъ секретъ,
 Не ставши достояніемъ газетъ;
 Газеты, впрочемъ, пикнуть не могли бы...
 Довольны оставались только рыбы.

CL.

Что мѣсяць круглъ — султанъ былъ убѣждёнъ,
 Но что земля кругла — тому не вѣрилъ:
 Той истинѣ — увы! — не вѣрилъ онъ,
 Затѣмъ; что лично шаръ земной не мѣрилъ
 И круглоты зѣмли не замѣчалъ.
 Онъ и границъ страны своей не зналъ:
 Хоть у границъ гяуры съ нимъ сражались,
 Но только къ «Семи Башнямъ» ¹² не являлись —

СЛІ.

За исключеніемъ посланниковъ: они,
 Когда войны движенья начинались,
 По праву очень мудрому, въ тѣ дни
 Туда на испытаніе сажались,
 Чтобъ не могли распространять мятежъ
 Посредствомъ писемъ лживыхъ и депешъ...
 Нельзя чтобъ дипломаты, въ самомъ дѣлѣ,
 Съ интригами во все мѣшаться смѣли...

СЛІІ.

Сто человекъ дѣтей имѣлъ султанъ.
 Всѣхъ дочерей держалъ онъ очень строго,
 Какъ въ парникѣ цвѣты полдневныхъ странъ;
 Когда же подросли онѣ немного,
 Онъ за пашей ихъ замужъ выдавалъ,
 За что паша подарки присылалъ:
 Вотъ потому-то дочери султана
 Всѣ отдавались въ жоны очень рано.

СЛІІІ.

А сыновья... имъ было два пути
 (И выпадалъ не часто жребій лестный)
 Иль на престолъ отцовъ своихъ взойти,
 Иль умереть отъ петли, очень тѣсной.
 Старались ихъ отлично воспитать —
 И многіе умѣли доказать,
 Что ихъ съ успѣхомъ равнымъ — если взвѣсить —
 Кроровать возможно иль повѣсить.

CLIV.

Свою жену привѣтствовалъ султанъ,
 При этомъ всё приличья соблюдая;
 Вполнѣ цѣня ея высокій санъ...
 Была нѣжна султанша молодая,
 Какъ женщина, которая за часъ
 Грѣхомъ запретнымъ жадно упилась...
 Всѣ женщины, когда намъ измѣняютъ,
 Насъ чрезвычайной ласкою встрѣчаютъ.

CLV.

Вотъ бросилъ взоръ вокругъ себя султанъ
 И взглядъ его въ толщѣ остановился
 На мѣстѣ томъ, гдѣ былъ нашъ Донъ-Жуанъ.
 Супругъ къ женѣ спокойно обратился:
 (Гюльбея вздохъ хотѣла подавить)
 — «Вы вздумали ту дѣвушку купить...
 Теперь одно сознанье мнѣ обидно:
 Гяура дочь быть можетъ миловидна».

CLVI.

Тотъ комплиментъ, заставилъ задрожать
 И покраснѣть гяура дочь. Подруги,
 Не смѣя недовольство показать,
 Потупили глаза свои въ испугъ...
 О, Магометъ! Какъ могъ теперь султанъ
 Забыть красавицъ гордыхъ мусульманъ,
 Простою христіанкой любоваться...
 Всѣ начали съ волненіемъ шептаться.

CLVII.

Отчасти турки правы, если жонъ
 Безъ всякихъ церемоній запираютъ:
 Горячъ и зноенъ южный небосклонъ —
 Тамъ страсти слишкомъ скоро увлекаютъ.
 (На сѣверѣ самъ климатъ насъ хранить
 И страстные порывы холодить).
 Отъ солнца ледъ полярный только таетъ,
 Но кровь людскую солнце распаляетъ.

CLVIII.

Вотъ почему такъ къ жонамъ строгъ востокъ,
 И къ жеищинамъ мужья неумолимы,
 Вотъ почему *женитба* и *замокъ*
 Для мусульманъ — суть только синонимы.
 Но многоженство — вотъ причина зла.
 Вся Турція удобнымъ не нашла
 Супруга награждать одной женою...
 Обычай тотъ и сталъ всему виною.

CLIX.

Довольно. Пятой пѣсни здѣсь конецъ.
 На полъ-дорогѣ якорь свой бросая,
 Какъ сдержанный эпическій пѣвецъ,
 На время опускаю паруса я.
 Пусть эту пѣсню публика прочтетъ,
 Шестая же до паюса дойдетъ...
 Гомеръ вѣдь спалъ порою — такъ на ложе
 Позволено и мнѣ склониться тоже.

ПѢСНЯ ШЕСТАЯ.

I.

«Въ людскихъ дѣлахъ бываетъ иногда
Прилива часъ»... всѣ помнятъ окончанье. ¹
Мы это знали многіе года,
Хоть рѣдко, не смотря на все старанье,
Улавливать могли тотъ самый часъ.
Но все на свѣтѣ въ лучшему для насъ:
Начало дѣлъ всегда бываетъ скучно,
Потомъ кончаемъ ихъ благополучно.

II.

И въ жизни женщинъ тоже есть приливъ,
Въ него попавъ, зайдемъ Богъ вѣсть куда мы.
Гдѣ тотъ морякъ, который, уловивъ
Теченіе капризной мысли дамы,
Могъ указать намъ безопасный путь?
Мы не привыкли думать какъ нибудь,
Въ насъ страсть передъ разсудкомъ нашимъ гнется,
А женщина вся сердцу отдается...

III.

А между-тѣмъ капризная жена,
 Прекрасная и съ волей неизмѣнной,
 Готовая — боится ль жертвѣ она? —
 Пожертвовать и трономъ и вселенной,
 Готовая луну съ небесъ сорвать,
 Чтобъ только страсть могли съ ней раздѣлять,
 Опасна всѣмъ, какъ порожденье ада,
 Но ей душа всегда отдаться рада.

IV.

Отъ честолюбцевъ мѣръ дрожалъ кругомъ
 И троны потрясенные дрожали,
 Но если страсть свершала тотъ погромъ,
 Мы ей скорѣй за это извиняли.
 Антоній намъ съ хорошей стороны
 Извѣстенъ сталъ не какъ герой войны,
 И Акціумъ, потерянный для ложа
 Царицы Клеопатры, намъ дороже.

V.

Жаль, что тогда ихъ юность отцвѣла:
 Вѣдь молодость на траты не скупится —
 Богатства, царства — все бы отдала...
 Когда мнѣ въ первый разъ пришлось влюбиться,
 Я отдалъ все, что только могъ отдать —
 Я отдалъ сердце: царствомъ могъ назвать
 Я чувства первыя. Всѣ царства въ свѣтѣ
 Не возвратятъ теперь мнѣ чувства эти.

VI.

Любовью первой юность хороша.
 Тотъ, кто любилъ однажды, это знаетъ
 И каждый можетъ думать не грѣша,
 Что первыхъ чувствъ намъ жизнь не возвращаетъ.
 Богъ есть — любовь, сама любовь есть — Богъ,
 Иль имъ была, когда еще тревогъ,
 Грѣховъ и слезъ земля не испытала,
 Когда любовь одна въ ней управляла.

VII.

Героя мы оставили давно,
 Читатели, въ опасномъ положеньи,
 Гдѣ ждаты ему, казалось, мудроно
 Отъ грознаго султана снисхожденья.
 За грѣхъ такой простить едва ли онъ,
 Какъ мудрый стойкъ, римлянинъ Катонъ,
 Который уступилъ свою супругу —
 Гортензію, пріятелю и другу. ²

VIII.

Вина Гюльбеи каждому ясна,
 Я въ этомъ сознаюсь и сожалѣю,
 И какъ она виновна и грѣшна
 Скрывать я не хочу и не умѣю;
 Надъ ней ума была безсильна власть,
 А страсть сильна, клокочущая страсть...
 Притомъ султанъ былъ старъ и дряхлъ, къ тому же
 Двѣ тысячи наложницъ есть у мужа...

IX.

При строгомъ вычисленіи придемъ,
 Поставивъ въ рядъ года ея султана,
 Мы къ выводу совсѣмъ иному въ томъ:
 Бездѣлье жонъ доводитъ до обмана.
 Вѣдь если мужъ всѣхъ ихъ равно ласкалъ
 И поровну любовью награждалъ,
 То, вѣроятно, позже или раньше —
 Не забывалъ супругъ и о султанщѣ.

X.

Извѣстно намъ, какъ говоритъ молва,
 Что женщины стоятъ съ особымъ рвеніемъ
 За власть и за законныя права
 И дорожатъ всегда своимъ владѣніемъ.
 Процессы ихъ преслѣдовали насъ
 Съ трибунъ судовъ уже не первый разъ,
 Когда онѣ лишь только замѣчали,
 Что ихъ права другія раздѣляли.

XI.

Что водится межъ женщинъ нашихъ странъ,
 То, принимая меньшіе размѣры,
 Бываетъ и у женщинъ мусульманъ,
 И можемъ указать мы на примѣры:
 Язычицы умѣютъ точно такъ
 Отстаивать нарушенный свой бракъ.
 И ревность жонъ знакома разнымъ странамъ—
 И туркамъ злымъ и добрымъ англичанамъ.

XII.

Къ тому жь Гюльбея пылкая была
 Четвертою женою у владыки...
 Въ полигаміи очень много зла,
 Отъ многоженства бѣдствія велики:
 Вѣдь скромный мужъ доволенъ и одной
 Подругою покорной и женой,
 И у него, какъ у сыновъ востока,
 Супружеское ложе не широко.

XIII.

Султанъ, гроза земли своей, пока
 Не сдѣлался добычею гробницы
 И не попалъ на ужинъ червяка
 (Цари земли и гордыя царицы
 Той участи не могутъ избѣжать),
 Султанъ въ тотъ часъ былъ вправѣ ожидать,
 Что будетъ встрѣченъ въ спальнѣ неизбежно
 Своей женой и ласково, и нѣжно.

XIV.

Но ласки женщинъ нужно различать.
 Когда онѣ притворны и бездушны,
 Тогда мы ихъ умѣемъ принимать
 И къ нѣжностямъ холоднымъ равнодушны,
 Какъ къ женской шляпкѣ, сброшенной съ волосъ,
 И намъ цѣнить ихъ столько же пришлось,
 Какъ это головное украшенье...
 Намъ не такія дороги движенья!

XV.

Невинный трепеть, съ краскою стыда,
 Восторга робость, скрытое желанье —
 Вотъ чѣмъ плѣняетъ женщина всегда
 И поднимаетъ насъ до обожанья;
 Вотъ истинный любви ея залогъ
 Безъ бѣшеныхъ порывовъ и тревогъ...
 Въ любви не нужно — думалъ такъ давно я —
 Излишество и холода и зноя.

XVI.

Чрезмѣрный жаръ, когда не ложенъ онъ,
 Не въ состояньи долго продолжаться,
 И даже тотъ, кто молодъ и влюбленъ,
 Ему не долженъ очень довѣряться,
 Какъ векселю невѣрному. Затѣмъ
 Могу сказать холоднымъ дамамъ всѣмъ,
 Что женщина съ холодною натурой
 Мнѣ кажется всегда ужасной дурой.

XVII.

Мы холода не можемъ имъ простить.
 Намъ нравятся ихъ жаркія признанья,
 Ихъ страстный шопотъ любимъ мы ловить,
 Хотя бы въ нихъ встрѣчали изваянье
 Изъ льдины нашей сѣверной зимы...
 Нѣтъ, нѣтъ, въ любви девизомъ взяли мы:
 «Medio tu (Горація слова тѣ)
 Tutissimus ibis». Здѣсь «tu» не кстати,

XVIII.

Его включилъ я только для стиха,
 Цитату выставляя для примѣра.
 При томъ — винюсь — послѣдняя строка
 Написана безъ всякаго размѣра
 И хуже строчки сдѣлать я не могъ,
 Но сдѣлай переводъ двухъ этихъ строкъ,
 Читатель мой, и, знаю я, тогда ты
 Проникнешься моралью той цитаты.

XIX.

Вошла ли въ роль султанская жена,
 И какъ вошла — мнѣ неизвѣстно это:
 Удача всюду женщинѣ нужна —
 Въ дѣлахъ любви и въ дѣлѣ туалета.
 Притомъ же всѣ привыкли въ мѣрѣ лгать:
 Лгутъ женщины, стараясь насъ плѣнять,
 Лжомъ сами мы; но это не тревожить
 И никогда любви мѣшать не можетъ.

XX.

Оставимъ спать высокую чету.
 Постель не тронь — пусть спятъ они покойно,
 Вкушая въ сновидѣньѣхъ на лету
 Все, что названья радости достойно.
 Не весело терять намъ милый сонъ,
 И человекъ бываетъ утомленъ
 Не отъ большихъ волненій и напастей,
 Но отъ всеневныхъ, маленькихъ несчастій.

XXI.

Возня съ капризной, нервною женой,
 Кредиторы, долговъ большихъ итоги,
 Ребенокъ кривоногій, песь больной,
 Любимый конь, себѣ сломавшій ноги,
 Сварливая старуха, ни гроша
 Не давая предъ смертью чуть дыша —
 Все это пустяками мы считали,
 Но эти пустяки насъ огорчали.

XXII.

Философъ я. Чортъ всѣхъ бы ихъ побралъ —
 Долги, мужчинъ (я женщинъ исключая);
 Такимъ проклятемъ жолчь я усмирялъ,
 Я легче съ нимъ несчастье встрѣчаю
 И мыслямъ всей душою предаюсь.
 Но что такое мысль, душа? Боюсь
 Въ подобные вопросы углубляться...
 Ну, чортъ и съ ними, если такъ... Признаться,

XXIII:

Проклятіе полезно для меня,
 Какъ чтеніе той книги ужь не новой,
 Гдѣ, преполненъ гнѣвнаго огня,
 Ты, Леанасій, мудрый и суровый,
 Такъ страшно клялъ упавшаго врага! ³
 Намъ эта книга очень дорога,
 Какъ радуги явленье на лазури
 Во время лѣта послѣ сильной бури.

XXIV.

Супруги спятъ иль спитъ одинъ супругъ...
 Какъ тянутся для жонъ невѣрныхъ ночи!
 Онѣ не спятъ и мечутся вокругъ,
 И утра ждуть безсонныя ихъ очи,
 Однимъ жеданьемъ пламеннымъ горя:
 Когда на небѣ явится заря...
 Имъ хочется скорѣе дня дождаться
 И мужа разбудить онѣ боятся.

XXV.

Подобныхъ жонъ мужъ видѣлъ не одинъ.
 Встрѣчаются онѣ и въ бѣдной хатѣ,
 Ихъ прикрывалъ и пышный балдахинъ,
 Гдѣ въ простыняхъ рѣзной своей кровати
 Онѣ лежатъ, какъ «съ неба павшій снѣгъ»...
 Да, бракъ — игра случайности въ нашъ вѣкъ.
 Женѣ султана и простолюдина
 Равно знакомы горе и кручина.

XXVI.

Въ своемъ нарядѣ женскомъ Донъ-Жуанъ
 Стоялъ смѣшавшись съ двумя гарема.
 Но вотъ толпѣ рукой махнулъ султанъ,
 Она, склонясь почтительно и нѣмо,
 По галереямъ двинулась въ сераль,
 Гдѣ, скрывъ свои желанья и печаль,
 Прекрасныя созданія толпились
 И въ ихъ груди сердца, какъ птички, бились.

XXVII.

Одинъ тиранъ ⁴ мечтать о томъ любилъ,
 Что если бѣ мiръ съ одной былъ головою,
 Онъ разомъ эту бѣ голову срубилъ,
 А я — былъ занятъ думою иною.
 Она капризна также, но чиста:
 Когда бѣ одни румяные уста
 Всѣ женщины могли имѣть, тобѣ, млѣя,
 Поцаловалъ ихъ разомъ на землѣ я.

XXVIII.

Счастливая Бриаре! ⁵ Если ты,
 Имѣя столько рукъ и ногъ, могла бы
 И въ остальномъ для полной красоты
 Развиться также!... Впрочемъ, слишкомъ слабы
 Мы предъ невѣстою Титана и притомъ
 По Патагоніи скитаться не поидемъ,
 А возвратимся къ нашимъ диллипутамъ,
 Къ роману ихъ и ихъ любовнымъ путамъ.

XXIX.

И вотъ, въ толпѣ прекрасныхъ одадыкъ
 По знаку Донъ-Жуанъ сталъ удаляться,
 Но такъ-какъ онъ стѣсняться не привыкъ,
 То мимоходомъ началъ любоваться
 (Онъ въ Англии за этотъ же скандалъ
 На вѣрно бѣ строгой таскѣ подлежалъ)
 Ихъ тальями, открытыми плечами
 И жаркими, блестящими очами.

XXX.

Но все жь онъ роль свою не забывалъ...
 Они идутъ скользя по корридорамъ,
 Переходя изъ зала въ новый залъ
 И евнухи спѣшатъ вослѣдъ дозоромъ,
 А впереди старуха ихъ ведетъ
 Начальницей, исполненной заботъ...
 Ея боялись всѣ и трепетали
 И «матерью» всѣ дѣвы называли.

XXXI.

Могла ль назваться «матерью» она,
 Могли ль тѣ дѣвы «дѣвами» назваться —
 Не знаю я: исторія должна
 За истину подобную ручаться;
 Но въ этомъ насъ увѣритъ безъ хлопотъ
 Иль Дмитрій Кантемиръ,⁶ или Де-Тоттъ.⁷
 Старуха та за дѣвами слѣдила,
 Ихъ нравственность и чистоту хранила.

XXXII.

Хорошая обязанность! Мужчинъ
 При должности такой не полагалось:
 Ей только помогалъ султанъ одинъ,
 Да стѣны, гдѣ ихъ юность сберегалась.
 Посредствомъ стражи, крѣпости замковъ
 Той спертой жизни холодъ былъ таковъ,
 Какъ въ кельяхъ бѣдныхъ узницъ заточенныхъ,
 Гдѣ много есть страстей, но затаенныхъ,

XXXIII.

Гдѣ ханжество — одинъ изъ нихъ исходъ...
 И такъ, восточныхъ женщинъ вереница
 Красивой, стройной поступью идетъ
 И каждая прекрасна, какъ царица,
 Задумчива и дѣвственна на видъ...
 Такъ иногда по озеру скользятъ
 Въ его струяхъ, купаясь и бѣля,
 Душистая и нѣжная лилея.

XXXIV.

Когда жъ онѣ вступили въ свой гаремъ,
 То, словно обитатель Бедлама, ⁸
 На волю убѣжавшіе совсѣмъ,
 Какъ женщины, разбившія упрямо
 Свои оковы, начали онѣ
 Пѣть и плясать и прыгать въ тишинѣ,
 И каждая веселью отдавалась,
 Болтала безъ умолку и смѣялась.

XXXV.

Болталъ о гостѣй новой ихъ кружокъ,
 И каждая подругѣ осматрѣла,
 Дивясь, что нѣтъ въ ухахъ ея серегъ,
 Что платье не къ лицу она надѣла.
 Однимъ она казалась молодой,
 Другимъ же нѣтъ, — и ростъ ея мужской
 Замѣтили, хотъ многія желали,
 Чтобъ въ ней во всемъ мужчину отыскали.

XXXVI,

Но согласились всё въ томъ, что она
 Прекрасна и изящна, какъ картинка,
 Свѣжа и превосходно сложена,
 Ну, словомъ, настоящая грузинка.
 «Такихъ невольницъ», начали шептать,
 «Опасно для Гюльбеи покупать:
 Вѣдь охладѣть султанъ къ супругѣ можетъ
 И ей тогда и власть и тронъ предложить».

XXXVII.

Но вотъ что можетъ очень удивить:
 Когда онѣ подругу осмотрѣли,
 Въ ней прелести успѣли оцѣнить
 И зависти нисколько не имѣли,..
 А въ случаяхъ такихъ прекрасный полъ
 Всегда завистливъ дѣлался и золъ,
 И новую красавицу едва-ли
 Безъ тайной злобы женщины встрѣчали.

XXXVIII.

Хоть ревность и знакома имъ была,
 Какъ вообще всеѣмъ женщинамъ на свѣтѣ,
 Но склонность ихъ особая влекла
 Къ подругѣ незнакомой. Чувства эти
 Мы магнетизмомъ можемъ объяснить,
 Мы можемъ дьяволизмомъ ихъ назвать,
 Иль чѣмъ-нибудь другимъ, какъ вамъ угодно:
 Пусть каждый разсуждаетъ здѣсь свободно,

XXXIX.

Итакъ, къ подругѣ новой той порой
 Въ нихъ чувство нѣжной дружбы пробудилось;
 Хотѣлось имъ считать ее сестрой,
 А у иныхъ желаніе явилось,
 Чтобъ былъ у нихъ такой же точно братъ,
 И на него бѣ — побьюсь я объ закладъ —
 Красавицы гарема безъ печали
 Всѣхъ падишаховъ въ мірѣ промѣняли.

XL.

Особенно плѣнились ею три:
 То — Катинька, Дуду и съ ними Лола;
 Прекрасныя, какъ алыхъ три зари,
 Тѣ женщины, при общемъ сходствѣ пола,
 Между собой не сходны были... Нѣтъ —
 Все разное: сложенье, кожи цвѣтъ,
 Лѣта и ростъ. Въ одномъ онѣ равнялись,
 Что разомъ къ новой гостѣ привязались.

XLI.

Какъ Индія, горяча и смугла
 Красавица, что Лолой называлась; ⁹
 Грузинка Катя рѣзвая — бѣла,
 Глазами голубыми отличалась —
 И ножками... подобныхъ не найду;
 Но всѣхъ скорѣй свела бѣ съ ума Дуду,
 Когда она на ложѣ возлежала
 И нѣгою и томностью плѣняла.

XLII.

Съ Венерой спящей сходство было въ ней,
 Но каждый сна бѣ, я думаю, лишился
 Когда бѣ увидѣлъ жаръ ея очей;
 Самъ Фидіасъ предъ ней бы преклонился.
 Хотя, быть-можетъ, нѣсколько полна
 Казалась бы художнику она,
 Но все-таки она была прекрасна
 И осуждать въ ней что нибудь — опасно.

XLIII.

Нѣтъ живости особенной въ Дуду,
 Но вся она казалась утромъ мая
 (Иного я сравненья не найду),
 И томностью своею привлекая,
 Глаза безъ блеска манять... Я-бѣ сказалъ:
 Такъ, оставляя хладный пѣдестальъ,
 Пигмаліона статуя явилась
 И въ женщину живую обратилась.

XLIV.

— «А какъ, спросила Лола, васъ зовутъ?»

— «Жуанною». — «А изъ какого края?»

— «Испанка я». — «Испанцы гдѣ жь живутъ?»

Спросила Катя; Катю поправляя,

Сказала Лола: «Какъ тебѣ не грѣхъ

Не знать о томъ! Вѣдь это, просто, смѣхъ!»

Испанія — есть островъ. Онъ... примѣромъ...

Лежить между Египтомъ и Танжеромъ».

XLV.

Дуду, не отвѣчая, подошла
 И, сѣвши близь Жуанны, тихо стала
 Играть ея кудрями, начала
 Перебирать подруги покрывало,
 Какъ-будто сожалѣя, что она
 Чужой толпой теперь окружена,
 Родимыхъ мѣстъ, друзей своихъ лѣшилась
 И въ незнакомомъ мѣстѣ очутилась.

XLVI.

Межь-тѣмъ «мать дѣвъ» красавицъ спать зоветъ:
 — «Мнѣ кажется, пора вамъ спать ложиться».
 Потомъ пошла къ Жуаннѣ: «Вашъ приходъ
 Такъ неожиданъ былъ — распорядиться
 Я не могла: постели ни одной
 Здѣсь лишней нѣтъ; вы ляжете со мной,
 А завтра утромъ будетъ все готово...»
 Тутъ Лола поспѣшила вставить слово:

XLVII.

— «Мамаша, нѣтъ, намъ нужно васъ беречь!
 Зачѣмъ вы ею будете стѣсняться?
 Вѣдь и со мной Жуанна можетъ лечь
 И намъ удобно вмѣстѣ помѣщаться...
 Не надо, чтобъ у васъ она спала...»
 Но Катя Лолу тутъ же прервала,
 Замѣтивъ ей, что у нея есть тоже
 Къ старухѣ состраданіе и ложе.

XLVIII.

— «Къ тому жь я спать и не люблю одна!

— «А почему?» ворчитъ старуха Катъ.

— «Да я большой трусихой рождена:

Все вижу привидѣнья у кровати,

И по ночамъ являются ко мнѣ

То гяуры, то лѣшіе во снѣ...»

— «Ну, ваши сны, могу сказать заранѣ,

Пожалуй, не дадутъ уснуть Жуаннѣ.

XLIX.

«Вы, Лола, спать отправитесь однѣ,

Вы, Катенька, однѣ ложитесь тоже

И я хочу — не возражайте мнѣ —

Жуанну положить къ Дуду на ложе:

Она скромна, не вздумаетъ болтать

И никому не помѣшаетъ спать...

Что скажете, дитя мое?» На это

Дуду (вотъ скромность!) не дала отвѣта,

L.

Но «мать» поцаловала между глазъ,

Подругъ поцаловала въ обѣ щоки

И, всѣмъ имъ молчаливо поклонясь,

(Не знаютъ реверансовъ на востокѣ)

Она Жуанну за руку беретъ

И указать постель свою ведетъ,

На что подруги съ завистью смотрѣли,

Но при старухѣ злость сорвать не смѣли.

LI.

Онѣ идутъ. Вотъ комната (она
 Зовется по турецки одой). Въ залѣ,
 Гдѣ роскошь очень пышная видна,
 Вдоль стѣнъ кровати женскія стояли.
 Тамъ было все, что въ спальнѣ быть должно,—
 Тамъ не было одной лишъ вещи... но
 Они и ея даже обладали,
 Когда бы хорошенько поискали.

LII.

Я ужь сказалъ, Дуду была мила.
 Въ ней блеска нѣтъ, но много обаянья,
 И правильность лица ея могла
 Смутить: такъ строго было очертанье...
 Тѣ мягкія и нѣжныя черты
 Полны неувимой красоты:
 Они порой художника тревожатъ,
 Но не всегда ихъ передать онъ можетъ...

LIII.

Была картиной ясною она,
 Гдѣ все — покой, любовь, отдохновенье;
 Въ ней радость, какъ у многихъ, не шумна,
 Ей не понятны страстныя движенья...
 Я страстныя порывы испыталъ,
 Морскія бури, бурныхъ жонъ видалъ,
 Но моряки не такъ еще несчастны,
 Какъ тѣ мужья, которыхъ жоны страстны.

LIV.

Знакомы ей лишь свѣтлыя мечты,
 Невинностью она благоухала
 И собственной блестящей красоты
 Въ семнадцать лѣтъ еще не сознавала.
 Ей все равно: смугла она иль нѣтъ,
 Къ лицу ли ей то платье, этотъ цвѣтъ,
 Блондинкою, брюнеткой ли считалась...
 Дуду собой совсѣмъ не занимались —

LV.

И потому была такъ хороша,
 Какъ, на примѣръ, дни золотого вѣка.
 (Его зовутъ такъ, въ истинѣ грѣша:
 Еще не вѣдомъ былъ для человѣка
 Такой металлъ въ тѣ древніе года;
 Иной металлъ извѣстенъ былъ тогда,
 Хотя никто, не исключая чорта,
 Не могъ сказать, какого онъ былъ сорта.

LVI.

Онъ изъ «коринеской бронзы» состоялъ,
 Гдѣ смѣсь была металловъ разнородныхъ;
 Но это только я предполагалъ).
 Отъ отступленій, къ дѣлу не пригодныхъ,
 Отдѣлаться не могъ я никогда.
 Миѣ этотъ грѣхъ простите, господа!
 Простили? Нѣтъ? Миѣ все равно. Я буду
 Свободно исполнять свою причуду.

LVII.

Но все жь пора приняться за рассказъ.
 Дуду съ Жуанной спальню. обходила
 И объясняла все безъ лишнихъ фразъ,
 А впрочемъ, толковала очень мило.
 Мнѣ въ голову сравненіе пришло,
 Хоть пошлое, но выскажу на зло:
 Безмолвіе жены неговорливой
 Могу сравнить съ грозою молчаливой.

LVIII.

Съ ней говоря (я выражаюсь съ *ней*,
 Но, какъ Дуду, не нахожусь въ обманѣ),
 Спѣшила объяснить она скорѣй
 Обычай восточные Жуаннѣ
 И строгій цѣломудренный законъ
 Для дѣвственныхъ и сверхкомплектныхъ жонъ:
 Чѣмъ болѣе красавицъ есть въ гаремѣ,
 Тѣмъ строже наблюдается за всѣми.

LIX.

Рѣчь поцалуемъ кончила Дуду.
 Дуду любила очень цаловаться.
 Кто жь поцалуи считаетъ за бѣду,
 Когда онъ чистымъ можетъ называться?
 «Очаровать» риѣмуется съ «лобзать»,
 И это въ жизни можемъ мы встрѣчать.
 Дай Богъ, чтобъ только не было печали
 И мы дурныхъ послѣдствій не встрѣчали.

LX.

Незнанія невиннаго полна,
 Тогда Дуду рѣшилась раздѣваться,
 Что очень скоро сдѣлала она:
 Не нравилось ей много наряжаться.
 Хотя Дуду смотрѣла иногда
 И въ зеркало — но такъ въ струяхъ пруда
 Увидѣвши свое изображенье,
 Павлинъ приходитъ часто въ удивленье.

LXI.

Дуду раздѣлась скоро, но сперва
 Жуаннѣ предложила всѣ услуги,
 Жуанна же, краснѣя (какова?),
 Не приняла услугъ своей подруги;
 Но дорого ей стоилъ тотъ отказъ:
 Проклятыми булавками сейчасъ
 Жуанна исколола обѣ руки...
 Придуманы булавки къ нашей мукѣ...

LXII.

Онѣ изъ женщинъ дѣлають ежа,
 Такъ что до нихъ коснуться невозможно...
 О, юноши! руками дорожа,
 Себя ведите очень осторожно,
 Случайно обратясь въ служанокъ дамъ.
 Одну изъ нихъ разъ одѣвалъ я самъ
 И ей воткнулъ, приобрѣтая навыкъ —
 Въ ея корсажъ — соть нѣсколько булавокъ.

LXIII.

Но для людей разумныхъ это вздоръ.
 Хоть мудрость отъ меня и уклонялась,
 Самъ мудрствовать любилъ я съ давнихъ поръ
 И рассуждать любилъ, о чемъ поналось.
 «Наука» жь убѣгала отъ меня,
 И личное безсиліе кляня,
 Я не рѣшилъ: кто мы? откуда всѣ мы?
 И не нашолъ разгадки той проблемы.

LXIV.

Въ гаремѣ ночь. Лишь кое-гдѣ горять
 Полночныя лампы тихимъ свѣтомъ.
 Красавицы на мягкихъ ложахъ спять...
 О, если духи бродятъ въ мірѣ этомъ,
 Они должны могилы покидать
 И въ одѣяньяхъ легкихъ здѣсь летать.
 Они бы этимъ вкусъ свой доказали
 И отъ развалинъ дикихъ отвыкали.

LXV.

Спать женщины, прекрасны, какъ цвѣты
 Различныхъ странъ въ теплицѣ благовонной,
 Гдѣ охраняютъ блескъ ихъ красоты,
 Вздѣлѣянной заботою бессонной.
 Вотъ спить съ косою каштановой одна:
 Какъ нѣжный плодъ, головка склонена,
 И между устъ румяныхъ обнаруженъ
 Рядъ двойственный сверкающихъ жемчужинъ.

LXVI.

Другая спитъ горячимъ, свѣтлымъ сномъ,
 А на щекахъ ея пылають розы,
 Спадаютъ кудри черные кругомъ
 И губы улыбаются сквозь грезы:
 Такъ изъ-за тучъ глядитъ порой луна...
 На ложѣ разметалася она
 И обнажила полночи ревнивой
 Всю прелесть красоты своей стыдливой.

LXVII.

Вотъ третья спитъ — тяжелый видитъ сонъ.
 Она лежитъ, какъ статуя страданья,
 И снится ей далекий небосклонъ,
 Трепещетъ грудь отъ тайнаго желанья,
 И край родной встаетъ въ обманѣ грезъ,
 А на рѣсницахъ видны капли слезъ:
 Такъ иногда своею каплей чистой
 Блеститъ роса на вѣткѣ кипарисной.

LXVIII.

Четвертая — недвижна и блѣдна —
 Раскинулась прекраснымъ изваяньемъ...
 Она бѣла, чиста и холодна,
 Какъ ручеекъ въ минуту замерзанья,
 Какъ снѣжный столбъ, какъ Лотова жена,
 Но болѣе казалась мнѣ она
 Статуею съ лицомъ отроковицы,
 Поставленной у мраморной гробницы.

LXIX.

Вотъ пятая. Она — «извѣстныхъ лѣтъ»,
 Иначе — дама въ лѣтахъ. Я не знаю
 Числа ея годовъ (мнѣ дѣла нѣтъ:
 Я годы только въ юности считаю),
 Но красоты — увы! — въ ней не найти.
 Она дошла ужь до того пути
 Гдѣ женщины отъ свѣта убѣгаютъ
 И о грѣхахъ минувшихъ размышляютъ.

LXX.

Но что Дуду? и какъ она спала?
 Какіе сны надъ нею пролетали?
 О томъ она сама сказать могла,
 Но въ половинѣ ночи, только стали
 Ночныя лампы тихо потухать
 И начинали призраки порхать,
 Какъ будто въ разговоръ вступить хотѣли —
 Дуду вдругъ закричала на постели.

LXXI.

Вся ода поднялася въ пять минутъ,
 Отъ крика всѣ проснулись очень рано;
 Старухи, дѣвы, евнухи бѣгутъ
 Со всѣхъ сторонъ, какъ волны океана,
 Всѣ въ спальнѣ собрались въ единый мигъ,
 Хотятъ узнать, что значитъ этотъ крикъ;
 Но я и самъ не въ силахъ догадаться,
 Чего Дуду могла такъ испугаться.

LXXII.

Дуду проснулась точно, а вокругъ
 Въ одеждахъ смятыхъ, въ страхъ и тревогъ
 Стоитъ толпа сбѣжавшихся подругъ...
 Обнажены ихъ плечи, грудь и ноги;
 Сіяя красотой, онѣ глядятъ
 И всѣ Дуду спрашивать спѣшатъ...
 Сама Дуду взволнованной смотрѣла
 И милое лицо ея горѣло.

LXXIII.

Но — здѣсь должны мы быть удивлены —
 Одна Жуанна лишь не пробудилась.
 Такъ иногда вблизи своей жены
 Храпить супругъ, хоть что бы ни случилось...
 Весь шумъ и гвалтъ не слышала она,
 Когда жь Дуду была разбужена —
 Она проснулась, вокругъ себя взглянула
 И съ робкимъ удивленіемъ зѣвнула.

LXXIV.

Тогда-то начался кругомъ допросъ:
 Пустились *всѣ* спрашивать подробно
 И за вопросомъ слѣдовалъ вопросъ...
 Такъ отвѣчать ей было неудобно,
 И не по силамъ всѣмъ подобный трудъ.
 Не будучи «ораторомъ, какъ Брутъ», ¹⁰
 Смушонная Дуду залепетала,
 Но словъ понятныхъ было очень мало.

LXXV.

Но наконецъ могла она сказать,
 Что ей приснился лѣсъ ужасно темный,
 (Намъ лѣсъ подобный Дантъ могъ описать
 И посѣтить его въ тотъ возрастъ скромный,
 Когда всѣ люди мягче и умнѣй,
 А женщины солиднѣй и вѣрнѣй)
 Что въ томъ лѣсу деревья зеленѣли
 И чудные плоды на нихъ висѣли,

LXXVI.

А посреди ихъ яблоко росло,
 Огромная и сочная ранета,
 Но высоко висѣло — вотъ въ чемъ зло;
 Чтобъ вовсе отстранить несчастье это,
 Она его хотѣла камнемъ сбить,
 А плодъ висѣлъ, желая словно злить,
 Какъ будто бы надъ нею издѣвался,
 И въ зелени на вѣткѣ лишь качался.

LXXVII.

Надежду потеряла ужъ она,
 Вдругъ яблоко къ ногамъ ея спадаетъ;
 Она стоитъ предъ нимъ, удивлена,
 Потомъ его беретъ и поднимаетъ,
 Къ губамъ своимъ подноситъ; но тогда
 Пчела вдругъ показала изъ плода
 И прямо въ сердце ей вонзило жало
 И — вотъ она, проснувшись, закричала.

LXXVIII.

Дуду сдыдливо кончила разсказъ.
 Такое замѣшательство понятно,
 Когда никто не убѣждаетъ насъ,
 Что сновидѣнье то невѣроятно.
 Мнѣ нѣкогда случалось видѣть сны
 И были сны пророчества полны
 Иль, какъ иная книга выражалась,
 Въ нихъ «совпаденье странное» являлось.

LXXIX.

Всѣ одалыки начали ворчать,
 Напуганы фальшивою тревогой,
 Досаду не скрывала даже «мать»:
 Чтобъ говорить съ дѣвчонкой-недотрогой
 О глупомъ снѣ, тецерь была должна
 Покинуть ложе теплое она.
 Дуду, прослушавъ выговоръ, вздыхала
 И стала сожалѣть, что такъ кричала.

LXXX.

«За дѣломъ же насъ вздумала будить
 И подняла всю оду до разсвѣта...
 Изволила пчела, вишь, укусить...
 Мудреный сонъ! Одно скажу на это —
 Ужь не больна ли ты, мое дитя?
 У доктора спрошу я не шутя
 Про этотъ сонъ, лишь только утромъ встанемъ
 И на тебя внимательнѣе взглянемъ».

LXXXI.

«А какво Жуаннѣ было спать?...
 На новосельи крика испугалась!...
 Ее я не хотѣла оставлять:
 Дуду всегда смиренницей казалась —
 Пусть, думаю, съ Дуду она уснетъ...
 Теперь, для избѣжанія хлопотъ,
 (Хотя кровать узка, да до того ли)
 Жуанну спать переведу я къ Лолѣ».

LXXXII.

У Лолы глазки радостью зажглись,
 Но бѣдная Дуду вдругъ зарыдала,
 По блѣднымъ щочкамъ слезы полились,
 Она старуху нѣжно умоляла—
 Простить ей эту первую вину
 И что она не помѣшаетъ сну
 Прелестной, цѣломудренной подруги
 И никогда не закричитъ въ испугѣ.

LXXXIII.

Она дала зарокъ покойнѣй спать,
 И даже выражала удивленье,
 Какъ это ей случилось закричать:
 То было безпокойное видѣнье,
 Достойное насмѣшки — смѣхъ и стыдъ! —
 И тутъ Дуду, принявъ усталый видъ,
 Сказала всѣмъ, что часъ отдохновенья
 Прогонить въ ней весь ужасъ сновидѣнья.

LXXXIV.

Жуанна тутъ вступилась за Дуду,
 Что ночь спала прекрасно, рассказала,
 И какъ подруга вскрикнула въ бреду,
 Лишь послѣ пробужденія узнала,
 А потому просила, чтобъ опять
 Оставили ее съ подругой спать,
 Которую винить нѣтъ вовсе цѣли
 За то, что сонъ приснился ей въ постели.

LXXXV.

Когда она сказала эту рѣчь,
 Къ ея груди Дуду лицомъ склонилась
 И покраснѣла вся до самыхъ плечъ...
 Какъ, почему въ ней краска та явилась
 И самый полуночный этотъ крикъ,
 Я самъ еще до нынѣ не постигъ.
 Скажу одно, чтобъ вѣрить въ то могли вы:
 Въ моемъ романѣ факты всѣ правдивы.

LXXXVI.

Здѣсь пожелаемъ доброй ночи имъ,
 Иль пожелаемъ добраго утра имъ,
 За тѣмъ, что въ часъ тотъ солнцемъ золотымъ
 Скалистый берегъ былъ ужь озарямъ,
 И на мечети мѣсяцъ, сквозь туманъ,
 Ужъ различалъ огромный караванъ,
 Тихонько пробиравшійся чрезъ горы,
 При блѣдномъ свѣтѣ утренней Авроры.

LXXXVII.

Едва на небѣ вспыхнула заря,
 Гюльбея съ ложа быстро соскочила,
 Отъ скрытой тайны мучась и горя,
 И станъ вуалью легкою прикрыла...
 Есть басня: пѣлъ влюбленный соловей
 Намъ о тоскѣ мучительной своей;
 Но тотъ еще мучительнѣй страдаетъ,
 Чье сердце страсть соккрытая сжигаетъ.

LXXXVIII.

Смысль этой басни каждый объяснить,
 Когда онъ ей проникнется немного:
 Читатель снисходительный молчитъ.
 И не всегда онъ осуждаетъ строго,
 А всѣ писатели между собой
 Вступали часто въ очень жаркій бой:
 Вражда межъ ними долго не дремала
 Лишь потому, что ихъ число не мало.

LXXXIX.

Гюльбея съ ложа встала. Сибаритъ,
 Тотъ, у кого такая нѣжность кожи,
 Что листъ цвѣтка, коснувшись къ ней, вредить,
 Еще не могъ лежать на лучшемъ ложѣ.
 Она стоитъ прекрасна, но блѣдна,
 Измучена борьбой, утомлена
 И даже — такъ въ султаншѣ кровь кипѣла,
 Она и въ зеркало не посмотрѣла.

ХС.

Почти въ одно съ ней время всталъ супругъ,
 Могучій властелинъ большихъ владѣній,
 Высокій мужъ, женѣ постывшій вдругъ,
 Что, впрочемъ, не даетъ большихъ мученій
 Мужьямъ, имѣвшимъ очень много жонъ,
 И этимъ могъ быть только пораженъ
 Несчастный мужъ, которому законы
 Кладутъ запретъ брать двухъ красавицъ въ жоны.

ХСІ.

О чувствахъ жонъ знать не хотѣлъ султанъ...
 Красавицъ онъ вокругъ себя собираетъ,
 И, сознавая свой высокій санъ,
 Ихъ всѣхъ минутной прихотью считаетъ,
 А потому для отдыха отъ дѣлъ
 Онъ множество черкешенокъ имѣлъ,
 Хотя питалъ, какъ говорилъ я раньше,
 Особенное чувство къ той султаншѣ.

ХСІІ.

Владыка омовенье совершилъ,
 Молитвы и обычаи востока,
 Шестъ чашекъ кофе разомъ осушилъ
 И вышелъ вонъ, задумавшись глубоко,
 Чтобъ о Россіи новости узнать...
 Ея побѣды стали всѣхъ пугать:
 Слыла Екатерина въ каждой хатѣ
 Великою въ правленьи.

ХСШ, ХСІV и ХСV.

Когда бьъ царица Руси и султань
 Вникали въ интересь свой безъ раздора,
 (Что рѣдко межъ правителями странь)
 То ихъ вражда окончилась бы скоро
 И ссора не могла бы ихъ смутить...

ХСVІ.

Теперь же, озабоченный войной,
 Султань сзываетъ дворъ на совѣщанье:
 Какъ бой вести съ воинственной женой?
 А между тѣмъ вокругъ слышалось роптанье
 Народныхъ массъ за новую войну:
 О ней молва встревожила страну;
 Во избѣжанье новаго налога
 Слухъ о войнѣ всѣ осуждали строго.

ХСVІІ.

Гюльбея удалилась въ будуарь.
 То былъ пріютъ любви, уединенья,
 Таинственный пріютъ волшебныхъ чарь...
 Вкругъ золото, безцѣнные каменья
 Могъ встрѣтить тамъ смущонный, робкій взоръ,
 Сверкаетъ въ яркой зелени фарфоръ
 И вазы ароматы разливаютъ,
 Гдѣ плѣнные цвѣты благоухаютъ.

ХСVIII.

И перламутръ, и мраморъ, и порфиръ
 Прекрасное жилище украшали...
 Какъ будто восхваляя новый мiръ,
 У оконъ птички нѣжно щебетали,
 Цвѣтныя стекла тамъ мѣняли свѣтъ...
 Для выраженья словъ приличныхъ нѣтъ,
 Чтобъ описать пріютъ уединенья.
 Пускай дополнить ихъ воображенье.

ХСIX.

Еъ себѣ Гюльбея Бабу призвала,
 И, приказавъ ввести къ себѣ Жуана,
 Распрашивать въ волненьи начала,
 Утаена ли тайна ихъ обмана,
 Какъ Донъ-Жуанъ въ гаремъ былъ отведенъ,
 Себя умѣлъ ли выдержать тамъ онъ,
 Но, главное, узнать спѣшила очень,
 Какъ, гдѣ и съ кѣмъ провелъ всю эту ночь онъ.

С.

На всѣ вопросы Баба отвѣчалъ
 Гюльбеѣ съ замѣшательствомъ, теряясь,
 Что онъ старался... долгъ свой исполнялъ...
 Но, видно было, часто заикаясь,
 Онъ что-то скрыть хотѣлъ на этотъ разъ,
 И, прикрываясь путаницей фразъ,
 Лишь за ухо хватался онъ, а это
 Мы дѣлаемъ, не находя отвѣта.

СІ.

Терпѣніе Гюльбеѣ не далось,
 Хотѣлось ей, чтобъ дѣлалось все живо:
 Не получивъ отвѣта на вопросъ,
 Распрашивала вновь нетерпѣливо.
 Когда жъ онъ говорить толковѣй сталъ,
 Въ ея лицѣ румянецъ запылалъ,
 Глаза, какъ угли, стали загораться,
 А вены алой кровью наливались.

СІІ.

Негръ, видя искаженіе лица,
 Молилъ, чтобъ успокоилась Гюльбея
 И выслушать рѣшилась до конца,
 Затѣмъ повѣствовалъ онъ ей, робѣя,
 Что Донъ-Жуанъ Дуду былъ порученъ,
 Но только виноватъ былъ въ томъ не онъ;
 Клялся горбомъ верблюда и кораномъ,
 Что тамъ не могъ слѣдить онъ за Жуаномъ.

СІІІ.

«Начальница гарема въ тотъ же часъ,
 Когда дѣвицы стали раздѣваться,
 Сама судьбой Жуана занялась,
 И я не могъ въ гаремѣ оставаться.
 Старуха все устроила одна,
 А я — я рабъ: мнѣ смѣлость не дана
 (Къ тому жъ могло родиться подозрѣнье)
 Не признавать ея распоряженья.

CIV.

«Но что Жуанъ умѣлъ себя держать —
 Въ томъ всякое сомнѣнье невозможно;
 Онъ понималъ, что можетъ пострадать,
 Начавъ вести себя неосторожно,
 За первую оплошность тотчасъ могъ
 Попасть безъ церемоніи въ мѣшовъ...»
 Такъ онъ шепталъ, но, съ хитростью араба,
 О снѣ Дуду не заикнулся Баба.

CV.

Онъ умолчать объ этомъ разсудилъ
 И вновь опять разсказывать пустился,
 Хотя о томъ никто ужь не просилъ.
 Гюльбеи умъ какъ будто помутился...
 Предъ ней кружилось все со всѣхъ сторонъ,
 Въ глазахъ — туманъ, въ ушахъ — какой-то звонъ
 И на лицо прекраснаго созданья
 Спустилась тѣнь безмолвнаго страданья.

CVI.

Назалось, чувствъ она лишится вдругъ,
 Но негръ ошибся въ этомъ: съ нею были
 Конвульсіи — среди ужасныхъ мукъ,
 Онѣ лицо Гюльбеи исказили.
 То омертвѣнье многіе изъ насъ,
 Быть-можетъ, въ жизни видѣли не разъ...
 Что въ тѣ часы Гюльбея испытала,
 Она сама едва ли сознавала...

CVII.

Какъ на треножникѣ волшебница, она
 Мгновеніе въ конвульсіяхъ стояла;
 Отчаяньемъ нѣмымъ вдохновлена,
 Ей боль на части сердце разрывала...
 Потомъ ей силы стали измѣнять,
 Гюльбея начала ослабѣвать
 И медленно упала на сидѣнье,
 Склонивъ чело безъ всякаго движенья.

CVIII.

Лица ея не видно. Какъ каскадъ,
 Какъ вѣтви ивы, волосы спадали:
 Съ дивана невысокаго назадъ
 И мраморъ плитъ холодныхъ подметали.
 Грудь поднималась, словно какъ волна,
 Когда къ подножью скалъ бѣжить она,
 И встрѣтивши препятствіе, готова
 Нахлынуть на скалистый берегъ снова.

CIX.

Густая прядь волосъ ея могла
 Служить густой вуалью для турчанки;
 Одна рука откинута была,
 Какъ алебастръ бѣла, на оттоманкѣ...
 Зачѣмъ я не художникъ, а поэтъ?
 Зачѣмъ слова не краски? Въ словѣ нѣтъ
 Ихъ силы чудотворной и въ поминѣ:
 Словами дашь намекъ лишь о картинѣ.

СХ.

Негръ, опытный въполнѣ науку зналъ,
 Когда молчать, когда промолвить слово;
 Теперь же предъ Гюльбеей онъ молчалъ
 И ждалъ, когда она очнется снова.
 Но вотъ она въ молчаніи встаетъ
 И медленно по комнатѣ идетъ.
 Чело яснѣй, но очи мрака полны:
 Гроза прошла, но не утихли волны.

СХІ.

По комнатѣ султанша начала
 Порывисто ходить. Въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
 Что та походка признакомъ была
 Сильнѣйшаго душевнаго волненья.
 Людей мы по походкѣ узнаемъ.
 Саллюстій самъ упоминалъ о томъ
 И въ книгѣ рассказалъ не безъ причины
 О бѣшеной походкѣ Катилины.

СХІІ.

И вотъ она уста раскрыла: — «Рабъ!
 Виновныхъ двухъ введи сейчасъ ко мнѣ ты...»
 Хоть у нея былъ голосъ тихъ и слабъ —
 Звучали въ немъ зловѣщія примѣты.
 Негръ даже вздрогнулъ, но не уходилъ,
 Съ лукавствомъ онъ ее переспросилъ,
 Во избѣжанье новаго скандала,
 Кого она виновными считала?

СХІІІ.

— «Грузинку и...» прибавила она,
 «Ея любовника... При томъ же — кстати —
 Черезъ пять минутъ здѣсь лодка быть должна...»
 Она едва произнесла слова тѣ,
 Чему въ душѣ былъ Баба очень радъ
 И умолялъ приказъ тотъ взять назадъ;
 Просилъ онъ бороною Магомета
 Гюльбею отмѣнить рѣшеніе это.

СХІV.

— «Повиновенье — долгъ мой. Ты могла бъ
 Какое хочешь дать мнѣ приказанье,
 Но выслушай, что скажетъ вѣрный рабъ:
 Не торопись исполнить наказанье!
 Къ чему поспѣшность эта? Погоди —
 Она сулитъ дурное впереди...
 Не гибелью тебя пугать кочу я,
 Но, лишь твое раскаяніе чую.

СХV.

«Скажу одно: что будешь дѣлать ты,
 Хотя бы тайну волны поглотили,
 Гдѣ въ пропастьхъ средь вѣчной темноты
 Уже не мало жертвъ мы скоронили?
 Ты любишь гостя юнаго — пусть онъ
 Умретъ въ волнахъ, тобой не пощажонъ,
 Чего же этимъ можешь ты добиться?
 Убить его не значить — излечиться...»

СХVI.

— «Какъ смѣешь говорить ты про любовь!
 Вонъ, негодяй! Исполни повелѣнье!..»
 Тутъ негръ исчезъ, болтать не смѣя вновь:
 Онъ понималъ, что эти разсужденья
 Его, пожалуй, къ петлѣ приведутъ.
 И нехотя онъ шолъ на новый трудъ,
 Къ двумъ жертвамъ не питая вовсе злобы,
 Но... жертвовать собой для нихъ смѣшно бы...

СХVII.

Итакъ, онъ шолъ чтобъ выполнить приказъ,
 Ворча, браня всѣхъ женщинъ разныхъ званій,
 Капризы ихъ, упорство, рядъ проказъ
 И баловство причудливыхъ желаній:
 Все это слугъ сбивало только съ ногъ.
 И Баба, какъ евнухъ, сознаться могъ
 Передъ людьми и передъ цѣлымъ свѣтомъ,
 Что счастливъ онъ своимъ нейтралитетомъ.

СХVIII.

Межь-тѣмъ онъ шлетъ за жертвами въ гаремъ,
 Чтобъ парочка одѣлась, причесалась
 Какъ можно аккуратнѣй, и затѣмъ
 Идти къ султаншѣ съ нимъ приготовлялась:
 Любезно пожелала такъ она...
 Дуду была той вѣстью смущена,
 Исчезла и веселость Донъ-Жуана;
 Но все же ихъ ведутъ къ женѣ султана.

СХІХ.

Но здѣсь я ихъ оставлю. Можетъ-быть,
 Простила ихъ жена султана вскорѣ,
 Иль просто ихъ велѣла утопить,
 Какъ водится въ странѣ той, въ темномъ морѣ,
 Но забѣгать не стану я впередъ:
 Пускай сама исторія течетъ;
 Угадывать не приложу старанья
 Капризныхъ жонъ и волю и желанья.

СХХ.

Итакъ, я ихъ оставлю и вполнѣ
 Желаю имъ удачи и спасенья.
 Здѣсь нужно о другихъ подумать мнѣ
 И выставить иныя приключенья.
 Надѣюсь, что спасется Донъ-Жуанъ,
 Хоть вокругъ него мракъ ночи и туманъ...
 Поэты отступаютъ не краснѣя —
 И рѣчь начну въ той пѣснѣ о войнѣ я.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ «ДОНЪ-ЖУАНУ».

ПЪСНЯ ПЕРВАЯ.

¹⁾ Генераль Вольфъ извѣстенъ какъ начальникъ экспедиціи противъ Квебека; палъ въ сраженіи въ 1759 году.— Адмираль Вернонъ прославился многими подвигами, особенно при взятіи Порто-Велло; умеръ въ 1757 году.— Кэмберлэндъ, второй сынъ Георга II, выигравшій многія сраженія.— Принцъ Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгскій, побѣдитель французовъ при Минденѣ; умеръ въ 1792 году.— Гренбей — сынъ третьяго герцога Рутландскаго, извѣстный полководецъ; умершій въ 1770 году.

²⁾ Въ рукописи Байрона находится слѣдующее примѣчаніе къ этой строфѣ: «Критикъ Газлитъ обвиняетъ меня въ томъ, что я «возносилъ Бонапарте до небесъ въ дни его успѣха, а потомъ отомстилъ своему идолу самымъ сильнымъ негодованіемъ противъ него». Это неправда. Первое, что я написалъ о Бонапарте, была «Ода къ Наполеону»; ее сочиненіе относится къ 1814 году, когда Наполеонъ уже отрекся отъ престола. Все, что я писалъ на эту тему было писано уже послѣ паденія Бонапарта; я никогда не говорилъ о немъ въ дни его успѣха. Я разсматривалъ его характеръ въ его различные періоды, какъ силы, такъ и слабости; приверженцы его обвиняютъ меня въ несправедливости, враги выставляютъ меня самымъ ревностнымъ приверженцомъ его... Повторяю г. Газлиту: я никогда не льстилъ Наполеону на тронѣ и ни-

когда не бранилъ его послѣ паденія. Я выставялъ только тѣ стороны, которыя казались мнѣ невѣроятными противоположностями въ его характерѣ».

3) Профессоръ Фейнэглъ, читавшій въ 1812 году курсъ мнемоники (искусство развивать память).

4) «Лэди Байронъ часто имѣла хорошія мысли, но никогда не умѣла выражать ихъ; письма ея были загадочны, даже часто совсѣмъ непонятны. Она управлялась тѣмъ, что называла постоянными правилами и математическими принципами». *Письма Байрона.*

5) Здѣсь непереводаемая игра словъ. Еврейское слово *поин* имѣетъ совершенно другое значеніе на англійскомъ языкѣ.

6) Самуилъ Ромилы лишился жены 29 октября и лишился себя жизни 2 ноября того же года. Изъ писемъ Байрона видно, что этотъ Ромилы сдѣлалъ ему и его семейству много вреда; поэтъ прямо называетъ его однимъ изъ своихъ убійць.

7) Марія Эджвортъ—авторъ разныхъ повѣстей и педагогическихъ трактатовъ.—Анна Моръ—авторъ поучительныхъ рассказовъ, въ свое время имѣвшихъ большой успѣхъ и теперь забытыхъ.

8) «Лэди Байронъ оставила Лондонъ въ концѣ января, для посѣщенія своего отца въ графствѣ Лейстерскомъ, и лордъ Байронъ скоро долженъ былъ послѣдовать туда за ней. Они разстались самымъ нѣжнымъ образомъ и она писала ему съ дороги самое дружественное письмо; но по пріѣздѣ ея къ отцу, этотъ послѣдній извѣстилъ лорда Байрона, что она никогда не вернется къ нему». Такъ рассказываетъ Муръ. Изъ записокъ лэди Байронъ видно, что причиною этого отъѣзда было распространившееся мнѣніе о разстройствѣ умственныхъ способностей поэта.

9) Байронъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «Однажды я былъ удивленъ посѣщеніемъ одного доктора (Балли) и одного юриста (Душинтона), которые почти насильно ворвались въ мою комнату. Я только въ послѣдствіи узналъ настоящую причину этого посѣщенія. Я нашолъ ихъ распросы странными, нелѣпыми и отчасти дерзкими; но что-

бы я подумалъ, еслибы зналъ, что они пришли для того, чтобы удостовѣриться въ моемъ помѣшательствѣ. Не сомнѣваюсь, что мои отвѣты этимъ шпионамъ были не совсемъ разумны или непослѣдовательны, такъ-какъ мое воображеніе было разгорячено другими предметами; но все-таки докторъ не могъ по совѣсти дать мнѣ аттеста́та въ Бедламъ. Я не обвиняю однако лэди Байронъ въ этой сдѣлкѣ; по всей вѣроятности, она не участвовала въ ней. Она была только орудіемъ другихъ. Ее мать всегда ненавидѣла меня и не была на столько деликатна, чтобы скрывать это въ ея домѣ.»

¹⁰⁾ Намекъ на эклогу Виргилія, начинающуюся словами: «Formosum Pastor Corydon».

¹¹⁾ Такія изданія дѣйствительно существовали. Такъ, напри́мѣръ, нескромныя эпиграммы Марціала были помѣщены не въ полномъ собраніи его сочиненій а въ особомъ приложеніи.

¹²⁾ Прекрасное описаніе этого событія находится у Вашингтона Ирвинга.

¹³⁾ Намекъ на изображеніе Медеи въ поэмѣ Овидія: «De Arte amandi».

¹⁴⁾ Эти стихи принадлежатъ Кэмбелю.

¹⁵⁾ Вордсвортъ — извѣстный англійскій поэтъ, стоявшій во главѣ особой литературной школы, прозванной *озерной* (lake school). Родился въ 1770, умеръ въ 1850 году.

¹⁶⁾ Кольриджъ — англійскій поэтъ, авторъ «Кристобля». Родился въ 1770, умеръ въ 1834 году.

¹⁷⁾ Гарсилассо-де-ла-Вега — извѣстенъ какъ воинъ и поэтъ. Онъ былъ убитъ, въ 1536 году, камнемъ, обрушившимся съ одной башни на его голову, въ то время когда онъ шелъ предъ баталіономъ.—Боскана—испанскій поэтъ, умершій въ 1543 году. Онъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Гарсилассо, ввелъ въ кастильскую поэзію итальянскій стиль и писалъ сонеты на манеръ Петрарки.

¹⁸⁾ Пристагіе къ лунному свѣту и вообще къ природѣ въ ночную пору Байронъ не разъ высказывалъ въ своемъ дневникѣ.

¹⁹⁾ *Лампа безопасности*, изобрѣтенная сэромъ Дэви

въ 1715 году и предохраняющая тысячи рудокоповъ отъ опасности погибнуть въ рудникахъ.

20) Гёрни — знаменитый парламентскій писатель.

21) У лорда Байрона была печать съ этимъ девизомъ.

22) Александръ Попъ — известный англійскій поэтъ прошлаго вѣка, авторъ «Похищеннаго Локона» и переводчикъ «Илліады». Родился 22 мая 1688 года, умеръ 30 марта 1744 года.

23) Робертъ Саути — придворный поэтъ Георга III, «стражъ Сіона» и ожесточенный противникъ Байрона. Родился въ 1774 умеръ въ 1843 году.

24) Георгъ Краббъ — известный англійскій поэтъ, авторъ «Деревни» и «Приходскихъ Списковъ». Родился въ 1765, умеръ въ 1855 году.

25) Самуиль Роджерсъ — англійскій поэтъ. Родился въ 1754, умеръ въ 1832 году.

26) Англійскій поэтъ.

27) Гораций говоритъ: «Non ego hoc ferrem calida juventa, Consule Planco», то-есть: «Я не перенесъ бы этого во цвѣтъ моей юности, во время консульства Планка». (Od. lib. III, 14.)

28) Въ старой легендѣ о монахѣ Беконѣ говорится, что мѣдная голова, которую онъ отлилъ и снабдилъ даромъ слова, произнесъ слова: «время есть, время было, время прошло», упала съ своего пьедестала и разбилась на тысячу кусковъ.

29) Эти стихи, кажется, были внушены поэту слѣдующимъ мѣстомъ въ журналѣ Quarterly Review: «У египтянъ существовало мнѣніе, что душа никогда не оставляетъ тѣла, если это послѣднее послѣ смерти сохраняется какъ можно старательнѣе. На этомъ основаніи царь Хеопсъ построилъ для себя огромную пирамиду, такимъ образомъ, что его трупъ долженъ былъ лежать въ полной сохранности и что въ этотъ склепъ не могъ никто проникнуть, — такъ узокъ былъ входъ въ него. Но, увы, какъ тщетны всѣ предосторожности челоѣвческія! Когда путешественникъ Шоу вошелъ въ эту гробницу, — отъ трупа Хеопса не оставалось уже и слѣда.

ПѢСНЯ ВТОРАЯ.

1) Женщины въ Венеціи носятъ небольшія вуали, называемыя fazzioli, придающія имъ особенную оригинальность.

2) Помпы, изобрѣтенныя Мэнномъ, устраивались на корабляхъ для выкачиванія воды; онѣ выкачивали пятьдесятъ бочекъ въ часъ и потому были весьма спасительны, когда вода, во время бури, заливала корабль.

3) Данте въ третьей пѣсни своего «Ада» заставляеть Уголино разсказывать исторію своего голода, по окончаніи которой онъ принимается съ ожесточеніемъ глотать голову своего врага, архіепископа Руджіеро.

4) Заглавіе этой книги: «Повѣствованіе достопочтеннаго Джона Байрона (начальника послѣдней экспедиціи вокругъ свѣта) о великихъ бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ имъ и его товарищами на берегу Патагоніи, начиная съ 1740 года до прибытія ихъ въ Англію въ 1746 году, написанное имъ самимъ». Это сочиненіе появилось въ печати въ 1768 году.

5) Въ 1784 году докторъ Франклинъ издалъ остроумное разсужденіе о выгодахъ ранняго вставанія въ экономическомъ отношеніи. Онъ разсчелъ, что въ одномъ Парижѣ употребленіе солнечнаго свѣта вмѣсто свѣчей доставило бы сбереженія въ годъ 4 милліона фунтовъ стерлинговъ.

6) Въ 1809 году лордъ Байронъ жилъ въ Севильѣ, въ домѣ двухъ дѣвушекъ; разсказывая въ своемъ дневникѣ объ этомъ времени, онъ говоритъ, что весьма серьезно ухаживалъ за одною изъ этихъ дѣвушекъ съ помощію лексикона.

7) Здѣсь Байронъ намекаетъ на Каролину Лэмбъ, которая, какъ онъ полагалъ, изобразила его въ своемъ романѣ «Гленарвонъ», напечатанномъ въ 1816 году.

ПѢСНЯ ТРЕТЬЯ.

1) Старинная баллада «О смерти и Дамѣ», о которой говорится у Шекспира.

2) Дантъ въ «Адѣ» называетъ свою жену «гордой женщиной». — Первая жена Мильтона убѣждала отъ него въ первый мѣсяцъ брака.

3) Аргусъ — собака Улиса. Она одна узнаетъ своего господина по его возвращеніи въ Итаку и издыхаетъ у его ногъ. («Одиссея», пѣснь XVII, строки 291—327.)

4) Пиррійскій танецъ исполнялся молодыми людьми, вооруженными копьями и подражавшими въ немъ разнымъ военнымъ маневрамъ.

5) Блэквудъ говоритъ по поводу этого описанія: «изображеніе этого человѣка одно изъ лучшихъ, если не самое лучшее, изъ всѣхъ мрачныхъ портретовъ лорда Байрона. Оно стоитъ на ряду съ лучшими головами, какіе когда либо рисовали Микель-Анджело и Караваджіо».

6) Французская революціонная пѣсня.

7) Поэты XIV столѣтія — Дантъ и другіе.

8) Анна Сауткотъ — знаменитая женщина-фанатикъ, выдававшая себя за пророчицу и имѣвшая одно время до ста тысячъ послѣдователей.

9) Слова Горація.

10) «Веніаминъ-извозчикъ» — поэма Вордсворта. Что же касается «лодки» и «челнока» — то это намекъ на одно мѣсто изъ другой его поэмы «Peter Bell».

11) Намекъ на одинъ эпизодъ изъ поэмы Драйдена: «Теодоръ и Гонорія».

12) Кэмбриджскіе друзья — то-есть студенты кэмбриджскаго университета.

ПѢСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

1) Пульчи—итальянскій поэтъ, авторъ поэмы «Morgante Maggior», первая пѣсня которой была переведена Байрономъ.

2) Слова Геродота въ поэмѣ «Клеобисъ и Битонъ».

3) Богеа — черный чай.

4) Это фактъ. Въ началѣ XIX столѣтія одинъ антрепренеръ ангажировалъ актрисъ для одного театра, посадилъ ихъ на корабль въ одной итальянской гавани и, привезя ихъ въ Алжиръ, продалъ тамъ въ неволю. Грегамъ говоритъ, что, по странному совпаденію обстоятельствъ, онъ слышалъ одну изъ этихъ пѣвицъ, выпущенную на волю, въ оперѣ Россини: «Итальянка въ Алжирѣ».

5) Столбъ, воздвигнутый въ воспоминаніе равеннской битвы, стоитъ въ двухъ миляхъ отъ города; въ настоящее время онъ находится въ заустѣннн. Въ этой битвѣ палъ Гастонъ де-Фуа, герцогъ Немурскій, сынъ Людовика XII, выигравъ ее на 24 году своей жизни.

6) Дантъ похороненъ въ Равеннѣ; сначала онъ лежалъ въ прекрасной гробницѣ, воздвигнутой его покровителемъ, Гвидо ди-Полента; ее перестроилъ Бернардо Бембо въ 1483 г., потомъ ее опять перестроилъ и реставрировалъ кардиналъ Кореи въ 1692 г., а въ 1792 г. эта гробница замѣнена болѣе великолѣпной, выстроенной на счетъ кардинала Луиджи Гонзаго.

7) *Imprimatur* — подпись на корректурномъ листѣ, означающая дозволеніе печатать.

8) Этотъ инструментъ—кинанометръ, изобрѣтенный для удостовѣренія въ плотности небесной синевы.

ПѢСНЯ ПЯТАЯ.

1) «Холмомъ гиганта» или «могилою великана» — называется возвышеніе на азіатскомъ берегу Босфора, весьма часто посѣщаемое путешественниками.

2) Байронъ описываетъ здѣсь истинное происшествіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, 8 декабря 1820 года, въ Равеннѣ.

3) Легенда говоритъ, что съ св. Варфоломея содрали кожу съ живого.

4) Каламбуры иностранныхъ языковъ рѣдко возможны для передачи. Байронъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ, шутя, что слово *скакунь* (*couqsier*) поставлено вмѣсто слова *курьеръ* (*cougrier*). Переводчикъ не рѣшился замѣнить его русскимъ каламбуромъ, чтобы не затѣмнить смысла. Замѣтимъ при этомъ, что въ словѣ *курьеръ* Байронъ дѣлаетъ намекъ на королеву Каролину, обвиняемую, между прочимъ, въ любовной связи съ *курьеромъ* Бергами.

5) Двѣ записки о разрушеніи Вавилона, соч. Клавдія Рича, резидента отъ Остъ-Индской Компаніи при дворѣ паши Багдатскаго.

6) «Et sepulchri immemor struis domos», то-есть: «забывая могилу, ты строишь себѣ зданія». *Гораций*.

7) Въ примѣчаніи къ этому стиху Байронъ говоритъ: «За нѣсколько лѣтъ до этого, жена Мухтара-Паши пожаловалась отцу этого послѣдняго на невѣрность своего мужа; старикъ спросилъ, кто сообщницы невѣрнаго, и она имѣла жестокость дать ему списокъ двѣнадцати красивѣйшихъ женщинъ въ Янинѣ. Ихъ схватили, зашили въ мѣшки и тутъ же бросили въ море». Указаніе на это происшествіе есть и въ «Чайльдъ-Гарольдѣ».

8) Nil admiragi значитъ — ничему не удивляться.

9) Мюррей — лондонскій книгопродавецъ и издатель сочиненій Байрона; Кричъ — переводчикъ Горация на англійскій языкъ.

10) Приключенія Ипполита, сына Тезея и Беллерофона, которые, изъ чувства долга, отклонили отъ себя сладо-

страстные притязанія Федры, конечно известны большинству наших читателей.

¹¹⁾ Дѣйствующее лицо въ романѣ Фильдинга: «Юсифъ Андрыосъ».

¹²⁾ Государственная тюрьма въ Константинополѣ, куда Порта сажаетъ всѣхъ посланниковъ враждебныхъ державъ, которые не успѣютъ выѣхать тотчасъ по объявленіи войны; сажаютъ ихъ подъ предлогомъ защиты отъ нападений и оскорбленій черни.

ПѢСНЯ ШЕСТАЯ.

¹⁾ Стихи изъ трагедіи Шекспира «Юлій Цезарь». (Дѣйствіе IV, сцена III.)

²⁾ «Катонъ отдалъ свою жену, Марцію, другу своему Гортензію; но, по смерти этого послѣдняго, снова взялъ ее къ себѣ. Этотъ поступокъ былъ осмѣянъ римлянами, которые сдѣлали замѣчаніе, что Марція вошла въ домъ Гортензія въ совершенной бѣдности, а вернулась къ Катону съ множествомъ сокровищъ». *Плутархъ*.

⁴⁾ Кай Калигула, третій римскій императоръ, прославившійся своею страшною жестокостію и безразсудствомъ. По свидѣтельству Светонія, Калигула, разсвирѣпѣвъ однажды на народъ за то, что онъ принялъ сторону противной ему партіи на играхъ въ циркѣ, воскликнулъ: «Я желалъ бы, чтобы римскій народъ имѣлъ одну шею!»

⁵⁾ Божество, имѣвшее сто рукъ, сто ногъ, пятьдесятъ головъ и пятьдесятъ пламенѣющихъ ртовъ.

⁶⁾ Князь Димитрій Константиновичъ Кантемиръ, молдавскій господарь, отецъ нашего сатирика, князя Антіоха Дмитриевича, былъ однимъ изъ учонѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Послѣ него осталось много сочиненій, преимущественно историческихъ, изъ которыхъ «Исторія возвышенія и упадка Оттоманской

имперіи» была переведена на англійскій языкъ. Онъ умеръ въ 1723 году и погребенъ въ Москвѣ.

7) Де-Тоттъ, авторъ «Записокъ о положеніи Турецкой имперіи», изданныхъ въ 1785 году.

8) Бедламъ — домъ умалишенныхъ въ Лондонѣ.

9) Катинька — было имя одной изъ трехъ дѣвушекъ, въ домѣ которыхъ Байронъ жилъ въ Афинахъ въ 1810 году.

10) Выраженіе Антонія въ «Юліи Цезарѣ» Шекспира.

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ ПЕРЕВODOВЪ «ДОНЪ-ЖУАНА».

1. В. Лювичъ-Романовича. (Донъ-Жуанъ, поэма Лорда Байрона. Вольный переводъ В. Любичъ-Романовича. Часть первая. Спб. Въ типографіи Е. Фишера. 1847. Въ 12-ю д. л., стр. I—XI, 1—353 и I—LXIII.)

2. Д. Минаева. (Донъ-Жуанъ. Романъ въ стихахъ Байрона. Пѣсни I—VI.) «Современникъ», 1865, т. CVI, CVII, CVIII и CIX, №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 7, отд. I, стр. 5 — 72, 447 — 512, 167—208, 254—274, 163—203, и 207—237. *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, съ приобщеніемъ примѣчаній.*

Кромѣ этихъ двухъ полныхъ переводовъ первой половины (первыхъ шести пѣсенъ) «Донъ-Жуана», мы имѣемъ еще восемь отрывковъ изъ названной поэмы. Въ числѣ этихъ отрывковъ есть два полныхъ перевода первой пѣсни и половина второй. Вотъ они:

3. А. Ротчева. (Пѣснь Грека. Изъ «Донъ-Жуана». Подражаніе Байрону.) «Уранія», 1826,

стр. 191—193. Подражаніе пѣсни, помѣщенной въ третьей главѣ, послѣ LXXVI строфы.

4. Н. Маркевича. (Элегія изъ Байрона.) «Стихотворенія Н. Маркевича» (1829), стр. 5. Пѣснь III, строфы 103, 104 и 107.

5. И. Козлова. (Изъ Байронова «Донъ-Жуана».) «Сѣверные Цвѣты», 1830, отд. II, стр. 106. Перепечатано во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ «Стихотвореній И. Козлова». Пѣснь I, строфы 122 и 123.

ЭЛЕГІЯ.

О, любо намъ, какъ мѣсяцъ полный
 Адриатическія волны
 Подернетъ зыбкимъ серебромъ,
 И какъ пловець, звуча весломъ,
 Стремить гондолы бѣгъ урочный —
 И мчитъ волна напѣвъ полночный!
 И любо намъ, какъ вѣтерокъ
 Съ листка порхаетъ на листокъ,
 И сумракъ тѣнь свою наводитъ,
 Звѣзда вечерняя восходитъ
 Иль радуга въ красѣ цвѣтной,
 На лоне опершись морское,
 Огнистой, нѣжной полосой
 Обхватить небо голубое!

И любо мнѣ — спѣша домой —
 Какъ ненаемный сторожъ мой —
 Собака добрая залаетъ,
 И знать о томъ, какъ любо мнѣ,

Что кто-то есть, кто въ тишинѣ
 Меня любовно ожидаетъ,
 И видѣть — какъ войду я къ ней —
 Что взоръ ея при мнѣ свѣтлѣй!
 Подъ тихій шумъ струи лѣнливой
 И любо мнѣ отдаться сну,
 И любо ласточкой игривой
 Быть на зарѣ пробуждену;
 И любо слышать пчелъ жужжанье,
 И пѣсни дѣвъ, и струнъ пѣвцовъ
 Любимый звонъ, и лепетанье
 Дѣтей и прелесть первыхъ словъ!

И Козловъ.

6. Н. Жандра. (Донъ-Жуанъ. Поэма лорда Байрона. Переводъ Н. Жандра. Спб. Въ типографіи Карла Крайя. 1846. Въ 8-ю д. л., стр. 1—91.) Вся первая пѣсня.

7. Д. Мина. (Гибель испанскаго корабля *Santa Trinidad*. Изъ Байронова «Донъ-Жуана.» «Москвитянинъ», 1852, т. V, № 20, отд. I, стр. 191 — 212. Пѣснь II, строфы 24 — 107.

Помѣщаемъ здѣсь этотъ переводъ въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, потому-что онъ былъ напечатанъ въ «Москвитянинѣ» съ большими пропусками.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Корабль испанскій, *Santa Trinidad*,
 Съ богатымъ грузомъ въ портъ Ливорно плывъ.
 Тамъ поселился съ давнихъ поръ Монкада,
 Испанскій грандъ, съ которымъ связанъ былъ

Отецъ Жуановъ дружбою измлада:
 Къ нему-то нашъ изгнанникъ получилъ
 Письмо отъ друга, предъ своимъ отплытьемъ,
 Съ рекомендаціей и челобитьемъ.

Съ нимъ трое слугъ бѣжало съ береговъ
 Испаніи, да гувернёръ Педрильо.
 Учоный мужъ знатокъ былъ языковъ,
 Но тутъ лежалъ безъ языка въ безсильѣ:
 Болѣзнію страдая моряковъ,
 Онъ, лежа въ койкѣ, охаль по Севильѣ;
 А брызги волнъ, летя въ каюту, въ трюмъ,
 Кропили койку, ужасали умъ.

И то сказать корабль шолъ быстрымъ ходомъ,
 А къ ночи вѣтръ подулъ какъ ураганъ.
 Все это вздоръ, конечно, мореходамъ;
 Но сухопутнымъ мрачный океанъ
 Казался грозенъ. Съ солнечнымъ заходомъ
 Часть парусовъ убавили. Туманъ
 Вставалъ надъ моремъ, и, лицо нахмуря,
 Давало небо знать, что будетъ буря.

Въ часъ по полуночи, внезапный шкваль
 Корабль ихъ бросилъ въ яму межъ волнами;
 Въ подзоръ ударилъ набѣжавшій валъ,
 Разбилъ старнъ-постъ, потрясъ кормусъ снастями,
 И прежде чѣмъ мигъ страшный миновалъ,
 Ужь руль былъ сорванъ бурными валами.
 «Къ насосамъ!» крикъ раздался въ часъ бѣды:
 «Четыре фута въ трюмъ ужь воды».

Немедля въ трюмъ спустилась часть народу,
 Чтобъ въ дѣйствиѣ насосы привести;
 Другіе грузъ за бортъ бросали въ воду
 И наконецъ успѣли щель найдти;
 Но эта щель была такого роду,
 Что только чудо ихъ могло спасти:
 Такъ сильно волны били изъ отверстій.
 Напрасно куртки, койки, тюки шерсти.

Бросали въ щель: отчаянной бѣды
 Конечно бы ничѣмъ не отвратили,
 Всѣ были бѣ тщетны жертвы и труды,
 Когда бѣ насосы имъ не пособили,
 Тоннъ пятьдесятъ бросая въ часъ воды.
 Замѣтимъ: всѣ, кому они служили,
 Согласны въ томъ, что лучше этихъ помпъ
 Нельзя желать: ихъ дѣлалъ мастеръ Комбъ.

Съ восходомъ солнца, море присмирѣло;
 Казалось, щель заткнуть имъ удалось.
 Корабль ихъ плыль, но въ трюмѣ то-и-дѣло
 Качали ревностно цѣпной насосъ.
 Ужъ вѣтеръ вновь крѣпчалъ; когда жъ стемнѣло,
 Вторичный шквалъ, ужаснѣй первыхъ грозъ,
 Ударилъ въ бортъ и, сбросивъ пушки съ шканцевъ,
 На бимсы повалилъ корабль испанцевъ.

Тогда изъ трюма буйная вода
 Съ волненьемъ страшнымъ хлынула въ каюты.
 Подобный мигъ намъ памятенъ всегда,
 Какъ памятны пожары, бури, смуты,
 И все, что насъ лишаетъ навсегда

Надеждъ, здоровья, радостной минуты:
 Такъ водолазъ, такъ плаватель, кому
 Тонуть случалось, помнитъ моря тьму.

Немедленно рубить тутъ мачты стали —
 Сперва гротъ-мачту и бизань за ней;
 Но какъ колодой кораблемъ играли
 Валы, смѣясь надъ силами людей.
 Фокъ-мачта и бушпритъ потомъ упали,
 И наконецъ — еще надежды всей
 Отраднѣйшій лучъ для нихъ не затерялся —
 Съ ужасной силою корабль поднялся.

Легко себѣ представить, что пока
 Происходилъ ужасный пиръ природы,
 Для многихъ мысль казалась не легка:
 Погибнуть въ морѣ, иль терпѣть невзгоды.
 Въ подобный мигъ, когда ужъ смерть близка,
 Морякъ выдавшій даже непогоды,
 Бушуетъ, просить грогу, и тайкомъ,
 Припавши къ бочкѣ, тянетъ чистый ромъ.

Душѣ отъ бѣдъ нѣтъ лучшей обороны,
 Какъ ромъ и вѣра; такъ и въ этотъ часъ —
 Кто грабилъ, кто пилъ спиртъ, кто пѣлъ каноны;
 Межъ-тѣмъ тянули вѣтры трель; какъ басъ
 Имъ вторили валовъ охрипыхъ стоны;
 Ревъ океана, бури вѣщій гласъ,
 Плачь, богохульства, жаркія молитвы
 Сливались хоромъ въ часъ стихійной битвы.

И вѣрно бъ вспыхнулъ бунтъ въ теченье дня,
 Когда бъ Жуанъ, отважный не по лѣтамъ,

Не всталъ предъ трюмомъ, двери заслоня,
 И устрашая буйныхъ пистолетомъ —
 Какъ будто смерть страшнѣе отъ огня,
 Чѣмъ отъ воды — на перекоръ совѣтамъ,
 Мольбамъ, проклятыямъ, не унялъ вполнѣ
 Желавшихъ лучше утонуть — въ винѣ.

«Давай намъ грогу! будетъ все напрасно
 Черезъ минуту!» Но Жуанъ имъ: «Нѣтъ!
 Конечно, въ морѣ утопать ужасно;
 Но пусть какъ люди мы покинемъ свѣтъ,
 Не какъ скоты!» Такъ смѣло постъ опасный
 Онъ защищалъ во избѣжанье бѣдъ,
 Хоть самъ Педрильо, пѣстунъ и учитель,
 Вина и рому жаркій былъ проситель.

Учоный мужъ былъ внѣ себя: въ слезахъ,
 Съ лицомъ ирежалкимъ, громко онъ молился
 И каялся во всѣхъ своихъ грѣхахъ,
 И наконецъ исправиться рѣшился —
 Провести свой вѣкъ въ классическихъ стѣнахъ
 Учоной Саламанки, гдѣ родился,
 И не блуждать, какъ Санчо-Панса, вслѣдъ
 За Донъ-Жуаномъ, изучая свѣтъ.

Надежда вновь блеснула имъ. Свѣтало,
 И вѣтеръ стихъ. Безъ мачтъ и парусовъ,
 Корабль ихъ плылъ; вокругъ море бушевало
 По отмедямъ; не видно береговъ.
 Сіянье дня отрадно оживляло
 Бесплодныя усилья моряковъ:
 Кто посильнѣй, спускался въ нижній ярусъ
 Качать насосъ, кто послабѣй — шилъ парусъ.

И подъ корабль опущенъ парусъ былъ,
 Казалось, съ пользой временной для судна.
 Хоть, правда, ждѣть спасенья безъ вѣтриль,
 Безъ мачтъ и съ течью было бь безразсудно,—
 Все жь лучше биться до послѣднихъ силъ,
 А утонуть намъ никогда не трудно.
 Къ тому жь, хотя однажды умирать,
 Кому пріятно въ морѣ утопать?

Никто не зналъ, куда ихъ вѣтры гнали,
 Бросая въ морѣ противъ воли ихъ.
 Ужь кораблемъ они не управляли;
 Всегда въ трудахъ, въ покоѣ жь ни на мигъ,
 Несчастные напрасно начинали
 Постройку мачтъ: никто не зналъ изъ нихъ,
 Продержится ль корабль другіе сутки —
 Онъ плыть-то плыль, но плыль не такъ какъ утки.

Быть-можетъ, вѣтръ и сносенъ былъ бы; но
 Ихъ судно такъ ужасно пострадало,
 Что больше плыть ужь не могло оно;
 Къ тому жь и зло другое угрожало:
 Въ водѣ нуждались ужь они давно,
 А море даль туманомъ застилало:
 Ни берега, ни лодки не видать;
 Кругомъ лишь море; вотъ и ночь опять.

И снова буря; волны вновь вздымались;
 Ужь въ оба трюма прибыла вода.
 Но моряки и тутъ еще казались
 Спокойными и даже иногда
 Отважными, пока не разорвались

Въ насосахъ цѣпи: ихъ корабль тогда
 Былъ въ власти волнъ, а власть стихіи злобной,
 Какъ у людей — въ войнѣ междоусобной.

Тутъ плотникъ наконецъ пришолъ въ слезахъ,
 И объявилъ печально капитану,
 Что все погибло. Онъ ужъ былъ въ лѣтахъ
 И много странствовалъ по океану,
 И если плакалъ онъ теперь — не страхъ
 Разжалобилъ такъ сердце ветерану:
 Бѣднякъ, жену имѣлъ онъ и дѣтей —
 Мысль страшная для гибнущихъ людей!

Тутъ стало явно, что корабль ихъ вскорѣ
 Потонетъ: быстро погружался носъ.
 Тогда они святымъ взмолились въ горе,
 Но тѣ съ небесъ не видѣли ихъ слезъ,
 Другіе, взоръ вперяя съ борта въ море,
 Спускали шлюпки; тутъ одинъ матросъ
 Педрильо сталъ молить объ отпущеньи —
 «Пооди ты къ чорту», тотъ сказалъ въ смущеньи.

Кто, лежа въ койкѣ, бичевался въ кровь,
 Кто наряжался будто въ воскресенье,
 Кто съ страшнымъ воемъ, съ скрежетомъ зубовъ,
 Рвалъ волосы и проклиналъ рожденье.
 Но многіе, какъ я сказалъ, съ бортовъ
 Спускали шлюпки, зная, безъ сомнѣнья,
 Что шлюпки ихъ, не то что утлый чолнъ,
 Плыть могутъ долго въ морѣ противъ волнъ.

Но имъ ужасно было сознаваться,
 Что, послѣ столькихъ бѣдствій и труда,

Никто изъ нихъ въ трюмъ не дерзнулъ пробраться
 Къ свѣтнымъ припасамъ: люди и тогда,
 Какъ умирають, голода боятся!
 Весь ихъ запасъ испортила вода:
 Боченокъ масла, сухарей три пуда —
 Вотъ все, что въ катеръ сбросили оттуда.

Въ баркасѣ однакожь удалось имъ взять
 Двѣнадцать фунтовъ хлѣба (онъ волною
 Испорченъ былъ), вина бутылокъ пять,
 Да семь галонновъ съ свѣжею водою;
 Еще успѣли мяса отыскать
 И захватили окорокъ съ собою,
 Да рому въ фляжкахъ меньше полведра —
 Всего едва ль хватило бѣ до утра.

Другія шлюпки — ялъ и пинку — бурной
 Снесло волной, лишь дунулъ первый шквалъ.
 Былъ оснащонъ баркасъ ихъ очень дурно:
 На немъ былъ парусъ спитъ изъ одѣялъ,
 Мачтъ не было, но офицеръ дежурный,
 Къ ихъ счастью, весло съ собою взялъ.
 Итакъ въ баркасѣ и катеръ часть народу
 Рѣшилась сѣсть, спасаясь въ непогоду.

Былъ вечеръ; день ненастный гасъ въ волнахъ;
 Туманъ надъ моремъ, разстилалъ покровы:
 Казалось, въ нихъ скрывался тайный врагъ,
 Нанести ударъ теперь пловцамъ готовый.
 Такъ ночь ложась на волны въ ихъ глазахъ,
 Мрачила страшно океанъ суровый
 И лица ихъ: страхъ мучилъ десять дней
 Толпу пловцовъ, теперь и смерть предъ ней.

Пытались-было строить плотъ — напрасный
 Въ такую бурю, трудъ такой, чему
 Смѣяться бѣ можно; но тотъ мигъ опасный
 Смѣшнымъ казаться могъ лишь одному
 Безумному, что въ радости ужасной
 Хохочеть, самъ не зная почему,
 Полу-безумно, полу-истерично,
 Какъ хохотать лишь демону прилично.

Часу въ девятомъ, бревна, доски внизъ,
 И все что плыть могло, спустили въ воду,
 Чтобъ дать возможность морякамъ спастись,
 Хоть безъ надеждъ въ такую непогоду.
 Когда же звѣзды на небѣ зажглись,
 Пустились шлюпки въ море на свободу.
 Тогда корабль, накренившись, нырнулъ
 Въ пучину носомъ, словомъ — потонулъ.

Тутъ дикій крикъ до неба всталъ изъ моря;
 Тутъ вскрикнулъ трусъ, отважный смолкъ пловецъ;
 Иной тутъ въ волны прыгаль съ воплемъ горя,
 Какъ бы желая встрѣтить свой конецъ,
 И море вокругъ зяло, съ жертвой споря,
 И валомъ валъ дробило, какъ боецъ,
 Который прежде, чѣмъ врага оставить,
 Буздушный трупъ еще въ объятьямъ давить.

Сперва одинъ раздался общій крикъ
 Протяжно-дикій, сходный съ грохотаньемъ
 Громовъ въ горахъ; потомъ все смолкло вмигъ,
 Лишь вѣтръ сливалъ свой голосъ съ завываньемъ
 Свирѣпыхъ волнъ, лишь раздавался кликъ,

Соединенный съ судоржнымъ плесканьемъ, —
 Далекій клкъ могучаго пловца,
 Который спорить съ смертью до конца.

Межъ тѣмъ двѣ шлюпки съ жалкою толпою
 Пустились въ море счастья искать.
 Влеклись они надеждою пустою:
 Такъ сильно вѣтеръ началъ дуть опять,
 Что имъ земли не встрѣтить предъ собою.
 А всѣхъ въ баркасъ ихъ сѣло двадцать пять,
 Да девять въ катеръ — люди все больные,
 Иззябшіе подъ бурей; остальные

Погибли всѣ — душъ около двухъ сотъ.
 Но смерть пустякъ, а вотъ что очень худо:
 Когда католикъ гибнетъ въ лонѣ водъ,
 Его душа горитъ въ огнѣ, покуда
 Въ чистилище молитва не дойдетъ;
 Пока жъ объ немъ нѣтъ вѣсти ни откуда,
 О немъ не служатъ панихидъ сперва;
 А панихида стоитъ франка два.

Жуанъ въ баркасъ заранѣ перебрался
 И сѣсть въ него учителю помогъ.
 Казалось, съ нимъ онъ ролью помѣнялся:
 Такъ видъ его былъ важенъ, смѣлъ и строгъ;
 Какъ дядька, онъ съ Педрильо обращался,
 А тотъ все вылъ, да проклиналъ свой рокъ.
 Баттистъ (его иначе звали Титой),
 Напившись пьянъ, погибъ въ волнѣ сердитой.

Былъ камердинеръ, Педро, также пьянъ
 И также дурно кончилъ вѣкъ унылый:

Попавъ не въ катеръ, прямо въ океанъ,
 Былъ взятъ онъ винно-водяной могилой;
 А какъ въ то время палъ густой туманъ
 И море волновалось съ страшной силой,
 То взять на катеръ не могли его,
 Въ баркасъ жь было тѣсно безъ того.

Любимая Жуанова болонка,
 Принадлежавшая еще отцу,
 По деку бѣгая, визжала звонко
 И съ борта выла будто къ мертвецу:
 Знать чуяла — чутье собачье тонко! —
 Что ихъ корабль ужь близится къ концу.
 Жуанъ поймалъ ее, швырнулъ съ размаху
 Въ баркасъ, потомъ и самъ прыгнулъ безъ страху.

Онъ также деньгами набилъ карманъ,
 Велѣлъ и дядкѣ ими заpastися;
 Тотъ дѣлалъ все, чего хотѣлъ Жуанъ,
 И, отъ себя ужь больше не завися,
 Безмысленно смотрѣлъ на океанъ.
 Но Донъ-Жуанъ надѣялся спастися:
 Онъ зналъ, что рокъ не вѣчно губить насъ,
 И съ этой мыслью смѣло сѣлъ въ баркасъ.

Настала ночь — и вѣтръ подулъ такъ рѣзко,
 Что моряковъ заставилъ парусъ снять:
 Въ ихъ положеньѣ было бь очень дерзко
 Подъ парусомъ по гребнямъ волнъ бѣжать.
 Волна объ носѣ дробилась съ страшнымъ плескомъ,
 Грозя баркасъ ихъ съ разу заплескать,
 И мореходцевъ до костей мочила;
 А бѣдный катеръ скоро затопила.

Съ нимъ девять душъ погибло. Но баркасѣ
 Держался: мачтой въ немъ весло служило;
 Два одѣяла, кое-какъ держась
 На томъ веслѣ, шли плохо за вѣтрило.
 Хоть бурный валъ грозилъ имъ каждый часъ
 И положенье ихъ ужасно было,
 Имъ стало жаль на катерѣ людей
 И масло ихъ, а также сухарей.

Предтечей бурь и долгой непогоды,
 Вставало солнце огненнымъ ядромъ.
 Плыть по вѣтру и лучшей ждаты погоды —
 Вотъ все, что имъ осталось въ горѣ томъ.
 Слабѣть замѣтно стали мореходы:
 Тогда по ложкѣ имъ раздали ромъ
 И хлѣбъ, испорченный отъ горькой влаги;
 Всѣ были въ рубищахъ, чуть-чуть не наги.

Они столпились въ тѣснотѣ такой,
 Что не могли свободно двинуть члены.
 Чтобъ облегчить тяжелый жребій свой,
 Одни изъ нихъ въ баркасѣ, полномъ пѣны,
 Ложились спать, другіе той порой
 Сидѣли рядомъ, дожидаясь смѣны.
 Какъ въ лихорадкѣ холодъ ихъ знобилъ;
 Одинъ сводъ неба имъ плащомъ служилъ.

Желанье жить есть лучшій врачъ недуга:
 Извѣстно, что больные, если ихъ
 Не мучать другъ, родные иль супруга,
 Способны жить въ условіяхъ дурныхъ.
 Надежда — вотъ вѣрнѣйшая подруга!

При ней не видимъ ножницъ Пряхъ сѣдыхъ;
 А безнадежность губитъ долговѣчность
 И придаетъ болѣзнямъ скоротечность.

Кто долѣе живетъ ростовщиковъ?
 А для чего — про то Господь лишь знаетъ;
 Ужъ не на то ль, чтобъ мучить должниковъ?
 Иной изъ нихъ *почти* не умираетъ.
 Изъ кредиторовъ хуже нѣтъ жидовъ,
 И долгъ жидамъ ужасно досаждаетъ:
 Жиду, бывало, уплатить всегда
 Мнѣ стоило не малаго труда.

Такъ было съ этимъ горестнымъ народомъ:
 Онъ жилъ любовью къ жизни, бодро несъ
 Всѣ бѣдствія, и, ввѣрясь непогодамъ,
 Стоялъ какъ въ бурю каменный утесъ.
 Бѣды въ удѣлъ достались мореходамъ
 Съ тѣхъ поръ какъ Ной впервые перенесъ
 Съ курьознымъ грузомъ тьму невзгодъ въ ковчегъ,
 Какъ Арго началъ въ первый разъ набѣги.

Но человѣка надобно отнестъ
 Въ классъ плотоядныхъ: у него обычай
 По крайней мѣрѣ въ день однажды ѣсть;
 Какъ тигръ, акула, онъ живетъ добычей.
 Его желудокъ можетъ перенестъ
 Всѣ кушанья, при нуждѣ безъ различій;
 Но мясо, мясо выше всякихъ блюдъ
 Всегда поставитъ нашъ рабочій людъ.

Такъ и случилось съ жалкою ватагой:
 На третій день внезапный штиль насталъ.

Сперва имъ силы подкрѣпивъ отвагой,
 Онъ, какъ бальзамъ снотворный, призывалъ
 Пловцовъ ко сну, какъ черепахъ подъ влагой
 Лазурныхъ волнъ; когда же сонъ пропалъ,
 Всѣ бросились (почувствовавъ охоту
 Поѣсть, попить) къ припасамъ безъ расчету.

Послѣдствія не трудно отгадать:
 Все съѣвъ и выпивъ разомъ, что имѣли,
 Они разсудку не хотѣли внять
 И о грядущемъ думать не хотѣли.
 Надѣялись, конечно, что опять
 Подуетъ вѣтръ и ихъ доставить къ цѣли...
 Глупцы! Въ баркасѣ и съ однимъ весломъ,
 Имъ было бъ лучше поберечь свой ромъ.

Четвертый день, но воздухъ не струится,
 И, какъ ребенокъ, дремлетъ бездна водъ;
 Вотъ пятый день, а чолнъ не шевелится,
 Спокойно море, ясенъ неба сводъ.
 Съ однимъ весломъ на что пловцамъ рѣшиться?
 А голодъ имъ покоя не даетъ.
 Тогда болонку, вырвавъ противъ воли
 У Донъ-Жуана, розняли на доли.

Въ шестые сутки кожею одной
 Они питались. Нашъ герой украдкой
 Грустилъ о псѣ, забывъ про голодъ свой;
 Но вотъ, какъ коршунъ на добычу падкій,
 Схватилъ и онъ, съ отчаянной тоской,
 Одну изъ лапъ, которой тотчасъ съ дядькой
 Онъ подѣлился, а Педрильо, вмигъ
 Сожравъ кусокъ свой, попросилъ другихъ.

Седьмой ужъ день — нѣтъ вѣтра! Солнце юга
 Палить и жжотъ какъ мушка, и безъ сна
 Лежать они какъ трупы; другъ на друга
 Вперяютъ дикій взоръ; ужъ ни одна
 Не блещетъ имъ надежда, бѣдъ подруга:
 Нѣтъ ни воды, ни пищи, ни вина.
 И вотъ сосѣдъ сталъ озирать сосѣда
 Глазами волка, съ думой людоѣда.

Тогда одинъ товарищу шепнулъ,
 Тотъ передалъ сосѣду и въ мгновенье,
 Узнали всѣ, поднялся хриплый гулъ,
 Зловѣщій гулъ, жестокое смятенье.
 И всякъ, кто въ душу брата заглянулъ,
 Въ ней съ ужасомъ свое увидѣлъ мнѣнье:
 Избрать по жребью одного, кому
 Быть пищею собрату своему.

Но прежде чѣмъ созрѣлъ въ нихъ замысль новый,
 Они съѣдаютъ шляпы, башмаки;
 Потомъ вокругъ обводятъ взоръ суровый,
 И вотъ рѣшились — вотъ ужъ ярлыки
 Ужасные у всѣхъ пловцовъ готовы;
 Но, не найдя бумаги, моряки
 У Донъ-Жуана вырываютъ силой —
 Скажу ль, о музы! — письма сердцу милой.

Сложивъ, смѣшавъ, разносятъ ихъ подъ рядъ;
 Тутъ смолкли всѣ, отъ ужаса нѣмѣя;
 Казалось, смолкъ въ то время самый гладъ,
 Искавшій жертвъ какъ коршунъ Прометея.
 Никто въ томъ дѣлѣ не былъ виноватъ—

Одинъ лишь голодъ; спорить съ нимъ не смѣя,
Свой жребій молча каждый вынималъ;
На бѣднаго Педрильо жребій палъ.

Желалъ онъ кончить жизнь кровопусканьемъ:-
Хирургъ, здѣсь бывшій, отыскалъ ланцетъ
И кровь пустилъ. Съ слабѣющимъ дыханьемъ
Угасъ Педрильо какъ въ лампадѣ свѣтъ.
Онъ, какъ католикъ, умеръ съ покаяньемъ
И до конца былъ вѣрою согрѣтъ:
Прижавъ распятыя и призвавъ Марію,
Онъ протянулъ хирургу кисть и выю.

Хирургу право, за труды, дано
Быть первому въ раздѣлѣ по словью;
А какъ онъ жаждой мучился давно,
То предпочелъ напиться жаркой кровью.
Разсѣкли трупъ, мозгъ бросили на дно —
Считая пищей вредной для здоровья —
Въ добычу двумъ акуламъ, плывшимъ вслѣдъ;
Все прочее пошло имъ на обѣдъ.

И ѣли жадно всѣ, за исключеньемъ
Двухъ, или трехъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ
Нашъ Донъ-Жуанъ, который съ отвращеньемъ
И мясо пса предъ этимъ проглотилъ.
Вооружась всей волей и терпѣньемъ,
На этотъ разъ онъ голодъ побѣдилъ:
Какое бѣ горе ни пришлось извѣдать,
Онъ не рѣшился бѣ дядькой пообѣдать.

И хорошо, что онъ не ѣлъ: конецъ
Ужасенъ былъ: кто пищей пресыщался,

Вдругъ приходилъ въ неистовство — Творецъ!
 Какъ богохульствовалъ, какъ онъ катался,
 И съ пѣной у рта, страшный какъ мертвецъ,
 Соленою водою опивался,
 Рвался, божился, мучился, стоналъ
 И съ хохотомъ геены умиралъ.

Тогда въ баркасѣ сдѣлалось имъ шире,
 Но отъ того не легче стало имъ.
 Одни изъ нихъ, все позабывши въ мѣрѣ,
 Не понимали бѣдъ своихъ; другимъ
 На умъ являлась мысль о новомъ пирѣ,
 Какъ будто бы примѣромъ роковымъ
 Не научила ихъ судьба умершихъ,
 Такъ далеко свой аппетитъ простершихъ.

На шкипера палъ выборъ моряковъ,
 Какъ на жирнѣйшаго; но къ той судьбинѣ
 Не будучи самъ по себѣ готовъ,
 Онъ былъ спасенъ и по другой причинѣ:
 Во-первыхъ, былъ онъ очень нездоровъ,
 А главное, имѣлъ подарокъ нынѣ,
 Чѣмъ награжденъ — какъ сознавался самъ —
 Онъ въ Кадиксѣ подпиской общей дамъ.

Еще не весь былъ съѣденъ трупъ несчастный:
 Одни боялись грознаго конца,
 Другіе, съ голодомъ борясь напрасно,
 Порой питались мясомъ мертвеца.
 Одинъ Жуанъ, къ нимъ вовсе непричастный,
 Жевалъ бамбукъ, или кусокъ свинца,
 Пока пловцы двухъ чаекъ не поймали:
 Тогда питаться трупомъ перестали.

Вамъ рокъ Педрильо кажется суровъ;
 Но вспомните, графъ Уголинъ правдиво
 Грызъ голову врага средь адскихъ льдовъ,
 Какъ скоро кончилъ свой рассказъ учтиво.
 Когда въ аду вьдять своихъ враговъ,
 То скушать друга на морѣ не диво,
 Особенно какъ выйдетъ провиантъ,
 Хотя не такъ, какъ повѣствуетъ Дантъ.

Въ ту ночь пошолъ обильный дождь, и каждый
 Ловилъ устами капли, какъ гряда
 Сухой земли: не испытавши жажды,
 Не знаемъ мы, какъ сладостна вода,
 Но въ Турціи кто побывалъ однажды,
 Иль слышалъ ревъ верблюдовъ иногда
 Въ степяхъ, иль спалъ съ голоднымъ мореходцемъ,
 Навѣрно тотъ желалъ быть — подъ колодцемъ.

Дождь ливнемъ лилъ; но былъ не въ пользу имъ,
 Пока они тряпицы не сыскали,
 И, намочивъ потокомъ дождевымъ,
 Они ее какъ губку выжимали
 И упивались даромъ неземнымъ.
 И хоть поденьщикъ предпочтетъ едва ли
 Питье такое элю, морякамъ
 Былъ дождь отраднѣе, чѣмъ нектаръ самъ.

И ихъ уста, горячія какъ горны,
 Глотали дождь; изъ трещинъ кровь соча,
 Ихъ языки распухли, были черны,
 Какъ у того страдальца-богача,
 На чьи мольбы бѣднякъ, аскетъ упорный,

Не пролилъ въ адъ ни капли изъ ключа
Небесныхъ водъ. Увы! какъ мало вѣра
Даетъ надеждъ душѣ милліонера!

Въ толпѣ страдальцевъ были два пловца
И съ ними два ихъ сына: тотъ, который
Лѣтами старше, былъ свѣжѣй съ лица,
Но онъ скончался первый, и какъ скоро
О томъ сосѣдъ увѣдомилъ отца,
Едва взглянувъ, онъ молвилъ безъ укора
На жребій: «воля Божья!» и безъ слезъ
Смотрѣлъ, какъ валъ трупъ мальчика унесъ.

Другой ребенокъ слабъ и хворъ казался,
Такъ видъ его былъ нѣженъ и не зрѣлъ;
Но дольше жилъ онъ, бодро покорялся
Судьбѣ, снося сужденный имъ удѣлъ.
Онъ все молчалъ, но часто улыбался,
Какъ будто бы тѣмъ облегчить хотѣлъ
Въ груди отца гнѣздившіяся муки,
Исполненъ думъ о близости разлуки.

И, наклонясь надъ нимъ, отецъ съ тоской
Глазъ не сводилъ съ его лица, стирая
Морскую пѣну съ блѣдныхъ губъ рукой;
Когда жъ пришла погода дождевая,
И взоръ малютки мутною слезой
Сверкнулъ, на мигъ безжизненно блуждая,
Онъ влилъ въ уста ему воды, еще
Надѣясь жизнь продлить въ немъ — но вотще!

Онъ умеръ! Долго, долго охладѣлый,
Бездушный трупъ держалъ въ рукахъ отецъ;

Когда жь прошли надежды всѣ и тѣло.
 Ему сдавило сердце какъ свинецъ,
 Онъ, уступивъ его пучинѣ бѣлой,
 Глядѣлъ съ тоской, какъ уплывалъ мертвецъ;
 Потомъ и самъ поникнулъ съ содроганьемъ,
 Являя жизнь лишь членовъ трепетаньемъ.

Тутъ радуга, явись межъ облаковъ
 Разорванныхъ, блеснула лентой яркой
 Надъ зыбью волнъ предъ взоромъ моряковъ,
 И просвѣтлѣла твердь подъ дивной аркой,
 И цвѣтъ ея, сліянье всѣхъ цвѣтовъ,
 Волнуясь, росъ, какъ знамя въ битвѣ жаркой;
 Потомъ какъ дугъ согнулся — и потомъ
 Отъ глазъ страдальцевъ скрылся быстрымъ сномъ.

Такъ онъ исчезъ, хамелеонъ эмира,
 Питомецъ солнца и паровъ дождя.
 Рожденный въ златѣ, въ люлькѣ изъ сапфира,
 Онъ облакался въ пурпуръ и, блестя
 Какъ серпъ луны надъ ставкою эмира,
 Мѣнялъ свой цвѣтъ, воздушное дитя:
 Такъ подъ глазомъ синякъ мѣняетъ краски —
 (Мы иногда боксируемъ безъ маски).

Онъ морякамъ конѣцъ ихъ бѣдъ предрекъ.
 О, мы охотно вѣримъ въ предрѣченья!
 Въ нихъ вѣровалъ и римлянинъ и грекъ,
 И вѣрить въ нихъ полезно безъ сомнѣнья,
 Когда слабѣетъ духомъ человѣкъ
 И требуетъ надежды подкрѣпленья.
 Такъ радуга, калейдоскопъ небесъ,
 Живила духъ и — снова онъ воскресъ.

За этимъ вскорѣ, бѣлыя двѣ птицы,
 Величиной не больше голубка,
 (Отстали видно отъ своей станицы)
 Кружились долго возлѣ челнока,
 И, въ сумеркахъ мелькая какъ зарницы,
 Пытались сѣсть къ нимъ на баркасъ, пока
 Настала ночь и все покрыла мракомъ:
 То для пловцовъ было хорошимъ знакомъ.

При этомъ случаѣ замѣчу я:
 Какъ хорошо, что эти гости берега
 Не сѣли къ нимъ! ихъ утлая ладья
 Была бъ плохое мѣсто для ночлега.
 Такъ голодомъ томилась ихъ семья,
 Что если бъ голубъ ноева ковчега,
 Свершивъ полетъ свой, къ нимъ съ оливой сѣлъ,
 Нашъ экипажъ его бъ и съ вѣткой сѣлъ.

Ужъ вечерѣло; вѣтеръ вновь поднялся,
 Но легкій; звѣздъ затеплились огни;
 Баркасъ ихъ плылъ, но умъ ихъ такъ мѣшался,
 Что ужъ никто не вѣдалъ, гдѣ они?
 Кто говорилъ: «земля!» кто сомнѣвался,
 Считая все за отмели; одни
 Клялись, что слышать залпы, шумъ прибоя,
 И ждали всѣ желаннаго покоя.

Къ разсвѣту стихнулъ вѣтерка порывъ;
 Тутъ на часахъ стоявшій сталъ божиться,
 Что если то не берегъ, или рифъ,
 То пусть земля ему ужъ не приснится.
 И, протерѣвъ глаза, глядятъ: заливъ

Предъ ними; къ берегу баркасъ ихъ мчится.
 То берегъ былъ дѣйствительно — и росъ
 Все явственнѣй, все выше, какъ утесъ.

И тутъ одни заплакали; другіе,
 Глядя безумнымъ взоромъ, не могли
 Ужь ничего понять, и, какъ слѣпые,
 Не наслаждались близостью земли;
 Иной молился — можетъ-быть, впервые
 Въ теченье жизни; троѣ спать легли:
 Ихъ въ голову, въ бока они толкали,
 Чтобъ разбудить; но тѣ сномъ вѣчнымъ спали.

Предъ этимъ за день, къ счастью, въ волнахъ
 Имъ удалось поймать сверхъ ожиданья
 Въ лѣнивомъ снѣ одну изъ черепахъ,
 Чѣмъ на день жизнь продлили для страданья,
 Тѣмъ болѣе, что въ смутныхъ ихъ умахъ
 Опять возникла бодрость упованья:
 Всѣ вѣрили, что былъ низпосланъ имъ
 Въ несчастьѣ даръ не случаемъ однимъ.

Утесами тѣ берега казались,
 И выше, выше все росли, пока
 Къ нимъ плыль баркасъ; въ догадкахъ всѣ потерялись,
 Но ни одинъ изъ нихъ издалека
 Не узнавалъ, куда они примчались
 Измѣнчивымъ порывомъ вѣтерка:
 Кто думалъ къ Кипру, къ Кандіи, къ Родосу,
 Кто къ Этнѣ, кто къ подводному утесу.

Межь-тѣмъ волной баркасъ ихъ безъ вѣтриль
 Несло туда, гдѣ скаль виднѣлась группа.

Какъ чолнъ Хароновъ съ грузомъ изъ могилъ,
 Бѣжалъ баркасъ, неся съ собой три трупа,
 Да четырехъ живыхъ, которымъ силъ
 Не доставало сбросить мертвыхъ съ шлюпа.
 А между-тѣмъ акулы, волнъ гроза,
 Плескали зыбью, брызжа имъ въ глаза.

Жаръ, холодъ, голодъ, жажда, трудъ и горе
 Ихъ довели въ то время до того,
 Что даже мать въ толпѣ скелетовъ вскорѣ
 Не угадала бъ сына своего.
 Палимы днемъ, знобимы ночью въ морѣ,
 Всѣ другъ за другомъ гибли; но всего
 Ужаснѣе губили ихъ, карая,
 Педрильо мясо и вода морская.

По мѣрѣ приближенья, съ береговъ,
 Являвшихъ тамъ и здѣсь свои стремнины,
 Пахнуло къ нимъ прохладою лѣсовъ,
 Волнующихъ зеленая вершины.
 Лѣса какъ ширмы были для пловцовъ
 Отъ зноя солнца, блещущей пучины —
 Все льстило имъ, что удаляло чолнъ
 Отъ безпредѣльныхъ, страшныхъ, вѣчныхъ волнъ.

Казался берегъ дикимъ и безлюднымъ,
 Обвитый шумной, грозною волной;
 Но, обезумѣвъ, бѣгомъ безразсуднымъ
 Они пустились прямо на прибой,
 И очутились передъ рифомъ труднымъ,
 Гдѣ валъ дробился пѣною съдой.
 Тутъ грянулся въ утесъ баркасъ некрѣпкій,
 И, опрокинуть, разлетѣлся въ щепки.

Въ Гвадалквивирѣ, съ отроческихъ дней,
 Жуанъ привыкъ купать младое тѣло;
 Его искусство въ плаваньѣ по всей
 Испаніи объ немъ молвой гремѣло.
 Едва ль кто лучше плавалъ изъ людей!
 Чрезъ Геллеспонтъ онъ переплылъ бы смѣло,
 Какъ нѣкогда — то знаетъ цѣлый свѣтъ —
 Герой Леандръ, да я, да Экенгедъ.

Такъ здѣсь, больной, голодный и усталый,
 Онъ вплавь пустился: быстро понесла
 Его волна и, за-свѣтло, удалый
 Пловецъ достигъ, гдѣ высилась скала.
 Акула здѣсь вселяла страхъ немалый,
 И за ногу сосѣда увлекла;
 Другихъ же двухъ не лучшей рокъ постигнулъ.
 И такъ земли одинъ лишь онъ достигнулъ.

Но и его ничто бы не спасло,
 Когда бъ въ тотъ мигъ, какъ слабыми руками
 Не могъ дробить онъ волнъ, не принесло
 Къ нему весла могучими волнами.
 Онъ, къ счастію, успѣлъ схватить весло,
 Когда почти раздавленъ былъ валами,
 И наконецъ кой-какъ, то вплавь, то въ бродъ,
 Полу-живой былъ выброшенъ изъ водъ.

Д. Минъ.

8. Д. Мина. (Ave Maria, изъ Байронова
 «Донъ-Жуана.» «Развлеченіе», 1860, т. III, № 2,
 стр. 18. Пѣснь III, строфы 101 — 107.

AVE MARIA.

Оконченъ пиръ. Затихло ликованье;
 Ушли рабы, танцовщицъ скрылся рой;
 Досказано арабское сказанье,
 Ушолъ поэтъ — и смолкнулъ шумъ дневной.
 Теперь одни, дѣля очарованье,
 Любовники пленяются зарей.
 Ave Maria! небеса и волны
 Теперь одной къ тебѣ молитвы полны.

Ave Maria! благодатный часъ —
 Тотъ часъ, тотъ край, для сердца вѣчно милый,
 Гдѣ я зарей плѣнялся столько разъ,
 Когда весь мiръ смолкалъ подъ дивной силой,
 Пока гудѣлъ, какъ погребальный гласъ,
 Съ далекой башни колоколъ унылый,
 И пламенѣлъ сводъ розовыхъ небесъ,
 И какъ въ молитвѣ былъ недвижимъ лѣсъ.

Ave Maria! часъ благоговѣнья!
 Ave Maria! сладкій часъ любви!
 Ave Maria! укроти волненья
 Земныхъ страстей въ бунтующей крови!
 Ave Maria! на призывъ моленья
 Святой покровъ намъ свыше призови!
 Подъ сѣнью крылъ Всесильной Голубицы
 Смежи намъ сномъ тревожныя зѣницы!

Меня враги пытались упрекнуть,
 Что будто я съ религіей въ раздорѣ.
 Но если бѣ могъ я вскрыть предъ вами грудь,

То вѣрно бѣ вы рѣшили въ нашемъ спорѣ,
 Кому изъ насъ доступнѣй въ небо путь?
 Мнѣ алтари — вершины горъ и море,
 Земля и звѣзды, вся природа — мать,
 Готовая мой духъ въ себя принять.

О, дивный часъ вечерній! Подъ навѣсомъ
 Тѣнистыхъ пиннѣ, на брегѣ тихихъ водъ,
 Обрамленныхъ Равенны древнимъ лѣсомъ,
 Гдѣ кесарей послѣдній палъ оплотъ,
 Гдѣ спорилъ встарь валъ Адрія съ утесомъ —
 О, тихій лѣсъ! куда меня влечотъ
 Тѣнь Драйдена, Боккаччо и Берни,
 Какъ я любилъ тебя, о часъ вечерній!

Однѣ цикады, жители лѣсовъ,
 Поющія весь вѣкъ свой, миръ всегдашній
 Смущали тамъ, да гулъ моихъ шаговъ,
 Да вдалекѣ вечерній звонъ на башнѣ.
 Фантомъ ловца со стаей адскихъ ѣсовъ,
 Рой призраковъ, духовъ полночныхъ шаши,
 Бездушные, тамъ вѣяли въ глуши,
 Предъ взорами больной моей души.

О, Весперь! ты даруешь все благое:
 Ты путника приводишь на покой,
 Ты манишь птицъ къ птенцамъ въ гнѣздо родное,
 Ты отъ ярма воловъ ведешь домой;
 Всѣ радости, все счастье земное,
 Чѣмъ нашихъ Ларъ такъ милъ очагъ простой,
 Ты сводишь къ намъ въ обитель благодати,
 Близъ матери лелѣешь сонъ дитяти!

Д. Минъ.

9. Н. Маркевича. (Донъ-Жуанъ. Сочиненіе лорда Байрона.) Глава первая. Переводъ Н. А. Маркевича. Лейпцигъ. Въ типографіи Ф. А. Брокгауза. 1862. Въ 32-ю д. л., стр. 1 — 164. Вся первая пѣсня. Отрывокъ изъ этого перевода (пѣснь I, строфы 1 — 14 и 42 — 44), подъ заглавіемъ: *Отрывокъ изъ поэмы лорда Байрона «Донъ-Жуанъ»*, былъ напечатанъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1829, ч. XXVI, отд. I, стр. 248 — 256).

10. Д. Мина. (Изъ Байронова «Донъ-Жуана».) «Зритель, 1862, № 32, стр. 139. Пѣснь II, строфы 177—185.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА.

Подмытый моремъ, дикій и пустой,
 Весь берегъ тотъ съ нависшими скалами
 Былъ огражденъ, какъ арміей, грядою
 Подводныхъ скалъ, иззубренный мѣстами
 Заливами (пріютъ отъ бури злой),
 Гдѣ вой валовъ, катящихся рядами,
 Смолкалъ лишь въ долгій лѣтній день, когда
 Какъ въ озерѣ спятъ въ морѣ волнъ стада.

Едва плескалъ о берегъ валъ безмолвный,
 Какъ пѣнится шампанское въ тиши,
 Когда бокалъ кипитъ до края полный —
 Отрада сердцу, вешній дождь души!
 Люблю вина живительныя волны,
 И противъ нихъ что хочешь мнѣ пиши,
 Я стану пѣть: вина и дѣвъ веселья!
 И содовой воды потомъ съ похмѣлья!

Намъ, существамъ разумнымъ, нуженъ хмѣль.
 Все въ жизни лучшее одно — похмѣлье!
 Богатство, честь, вино, любовь — вотъ цѣль
 И нашихъ дѣлъ и нашего бездѣлья.
 Безъ сока гроздій, пышное досель,
 Засохло бѣ древо жизни и веселья.
 Напейся жъ пьянъ, читатель дорогой,
 И завтра вставъ съ больною головой.

Зови слугу, вели принести рейнвейна
 И содовой воды. Ужь много, много лѣтъ
 Напитокъ сей я пью благоговѣнно.
 Ни что на свѣтѣ — ни льдиной шербетъ,
 Ни первый плескъ пустыннаго бассейна,
 Ни самъ маконъ, багровый какъ разсвѣтъ,
 Такъ послѣ странствій, битвъ, любви и скуки
 Не утолить, какъ онъ, въ насъ жажды муки.

Стремнины скаль... Я, кажется, объ нихъ
 Сталъ говорить?... Такъ точно. Скаль вершины,
 Какъ небеса, безмолвны; вѣтеръ стихъ;
 Пески не зыблются, молчатъ пучины.
 Все спитъ кругомъ; порой лишь птицъ морскихъ
 Раздастся крикъ, да всплещутся дельфины,
 Иль зашумитъ, ударившись о рифъ,
 Немолчныхъ струй чуть видимый приливъ.

Они гуляютъ. Дома нѣтъ пирата:
 Крейсировать пустился онъ на югъ.
 А у Гайде ни матери, ни брата, —
 Одна лишь Зоя дѣлитъ съ ней досугъ,
 Но, долгъ служанки исполняя свято,

Она при ней лишь только для услугъ:
Плететь ей косы, вѣсти ей приноситьъ,
Да за труды себѣ нарядовъ просить.

Быль часъ, когда садится за холмомъ
Лазоревымъ кругъ солнца раскаленный,
Когда горить въ пожарѣ заревомъ
Весь мѣръ земной, затихшій, усыпленный,
Съ одной страны обвить полувѣнцомъ
Далекихъ горъ, съ другой — холодной, сонной
Пучиной водъ и розовой зарей
Съ сверкающей вечернею звѣздой.

По камышкамъ, въ пескахъ сверкавшихъ ярко,
Они идутъ вдоль усыпленныхъ водъ;
Другъ другу руку жмутъ рукою жаркой
И, между скалъ найдя прохладный гротъ,
Въ мракъ гулкихъ залъ съ кристальной дивной
аркой,
Воздвигнутой причудой непогодъ,
Они вступаютъ и, обнявшись нѣжно,
Любуются зарею безмятежно.

Глядятъ на небо: тамъ простертъ шатеръ,
Какъ безпредѣльный океанъ пурпурный;
Глядятъ на волнъ сверкающихъ просторъ:
Тамъ входитъ мѣсяцъ изъ волны лазурной;
Они другъ въ друга устремляютъ взоръ:
Взоръ ихъ очей пылаетъ страстью бурной,
И въ трепетъ, при звонкомъ плескѣ струй,
Они уста сомкнули въ поцалуй,

Въ горячій, долгій поцалуй, гдѣ младость
 И пылъ любви, какъ въ фокусѣ одномъ
 Лучи небесъ, въ одну слилися радость,
 Въ тотъ поцалуй, съ чьимъ пламенемъ знакомъ
 Лишь только тотъ, кто вѣдалъ жизни сладость,
 Когда въ насъ кровь клокочетъ кипяткомъ
 И каждый пульсъ какъ молнія трепещеть,
 И каждый взглядъ огнемъ восторга блещеть.

Забывъ весь міръ въ порывахъ огневыхъ,
 Они минутъ блаженства не считали;
 Но еслибъ даже и считали ихъ,
 Всю сумму чувствъ они сочли бъ едва ли
 За мигъ одинъ, и въ этотъ сладкій мигъ,
 Когда они рѣчей не обрѣтали,
 Какой-то демонъ влекъ уста къ устамъ,
 Какъ медь душистый пчелъ влечотъ къ цвѣтамъ.

Д. Минъ.

Библиографическій указатель русскихъ переводовъ второй половины «Донъ-Жуана» (пѣсни VII—XVI) будетъ приложенъ къ слѣдующему, пятому, тому моего изданія.

Н. Гербель.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Отъ издателя .	<i>стр.</i> V..
----------------	--------------------

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Романъ въ стихахъ.

Пѣсня первая	3
Пѣсня вторая	79
Пѣсня третья	153
Пѣсня четвертая	195
Пѣсня пятая	235
Пѣсня шестая	289
Примѣчанія къ «Донъ-Жуану»	329
Списокъ русскихъ переводовъ «Донъ-Жуана» . . .	339

ОТРЫВКИ ИЗЪ «ДОНЪ-ЖУАНА.»

1. Элегія. — И. Козлова	340
2. Кораблекрушеніе. — Д. Мина	341
3. Ave Maria. — Д. Мина	365
4. Вечерняя прогулка. — Д. Мина	367

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

ШЕКСПИРА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Съ портретомъ Шекспира, гравированнымъ въ Лейпцигѣ.

Изданіе Ник. Алек. НЕКРАСОВА и Ник. Вас. ГЕРБЕЛЯ.

ТОМЫ ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ 1-го тома: „Литература и театръ въ Англіи до Шекспира“, статья В. П. Боткина. Драмы: 1) „Коріоланъ“, въ пер. А. В. Дружинина, 2) „Отелло“, въ пер. П. И. Вейнберга, 3) „Сонъ въ Иванову ночь“, въ пер. Н. М. Сатина, 4) „Юлій Цезарь“, въ пер. Д. Л. Михаловскаго, 5) „Король Лиръ“, въ пер. А. В. Дружинина, 6) „Много шуму изъ ничего“, въ пер. А. И. Кронеберга, 7) „Макбетъ“, въ пер. А. И. Кронеберга, 8) „Тимонъ Аѳинскій“, въ пер. П. И. Вейнберга и 9) „Двѣнадцатая ночь“, въ пер. А. И. Кронеберга.

СОДЕРЖАНІЕ 2-го тома: 1) „Гамлетъ“, въ пер. А. И. Кронеберга, 2) „Буря“, въ пер. Н. М. Сатина, 3) „Троиль и Крессида“, въ пер. А. Л. Соколовскаго, 4) „Ромео и Джульетта“, въ пер. Н. П. Грекова, 5) „Усмиреніе своенравной“, въ пер. А. Н. Островскаго, 6) „Король Джонъ“, въ пер. А. В. Дружинина, 7) „Ричардъ II“, въ пер. А. Л. Соколовскаго, 8) „Генрихъ IV“, часть 1-я и 9) „Генрихъ IV“, часть 2-я, въ пер. А. Л. Соколовскаго.

Оба тома содержатъ въ себѣ 65 листовъ (1040 стр.) большого формата, въ два столбца, изъ которыхъ каждый равняется $2\frac{1}{2}$ печатнымъ листамъ „Современника“.

По этимъ двумъ томамъ читатели могутъ судить о слѣдующихъ, которыхъ будетъ еще два, и которые выйдутъ въ теченіе 1866 и 1867 годовъ. Каждой пьесѣ, какъ въ нынѣ вышедшихъ томахъ, будетъ предшествовать

эпюдь о ней; въ концѣ пьесы читатель найдетъ необходимыя примѣчанія.

Цѣна 1-му и 2-му томамъ — 7 руб. (по 3 руб. 50 коп. за томъ) съ пересылкою и доставкою. Для тѣхъ, которые при покупкѣ 1-го и 2-го томовъ подпишутся на 3-й, цѣна за три тома — 9 руб., съ пересылкою и доставкою.

Въ конторѣ „Современника“ нынѣ открывается подписка на третій томъ, который будетъ заключать въ себѣ девять пьесъ („Генрихъ V“, „Генрихъ VI“, части 1, 2 и 3, „Ричардъ III“, „Генрихъ VIII“, „Венеціанскій купецъ“, „Какъ вамъ угодно“ и „Зимняя сказка“, въ переводахъ гг. Вейнберга, Дружинина и Соколовскаго) и выйдетъ въ теченіе нынѣшняго года. Исчисленные переводы, за исключеніемъ „Ричарда III“ и „Генриха VIII“, *будутъ новые и появятся въ нашемъ изданіи большею частью въ первый разъ.*

Подписная цѣна 3-му тому, съ пересылкою и доставкою — 3 руб. *По выходѣ тома цѣна возвысится.* Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Панаева и Звонарева, при главной конторѣ „Современника“, въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ домѣ № 64.

СОЧИНЕНІЯ

ЛОРДА БАЙРОНА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ,

изданныхъ подъ редакціею Ник. Вас. ГЕРБЕЛЯ.

Пять томовъ. 1865—1866. Спб.

Цѣна 6 руб. 25 коп., съ пересылкою 7 руб. \

Томъ I. Біографія Байрона, „Еврейскія Мелодіи“, поэмы: „Шильонскій узникъ“, „Оскаръ Альвскій“, „Смерть Колмара и Орлы“, „Мазепа“ и трагедія „Сарданапаль“, въ пер. Н. В. Берга, О. Н. Берга, Н. В. Гербеля, Н. И. Гнѣдича, С. И. Дурова, В. А. Жуковскаго, Е. О.

Зарина, И. И. Козлова, И. П. Крешева, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Майкова, Д. Е. Мина, Д. Л. Михаловскаго, А. И. Полежаева, К. К. Случевского, графа А. А. Толстова и А. А. Фета.

Томъ II. Поэмы: „Абидосская невѣста“, „Белпо“, „Гяуръ“, драма „Манфредъ“ и 30 мелкихъ стихотвореній, въ пер. Н. В. Берга, П. И. Вейнберга, Н. В. Гербеля, Н. П. Грекова, А. А. Григорьева, А. В. Дружинина, С. И. Дурова, И. И. Козлова, М. Ю. Лермонтова, Л. А. Мея, Д. Д. Минаева, Н. П. Огарева, А. Н. Плещеева, К. К. Случевского, А. И. Студитскаго, И. С. Тургенева, О. И. Тютчева и Н. О. Щербины.

Томъ III. „Чайльдъ-Гарольдъ“, въ переводѣ Д. Д. Минаева, съ приобщеніемъ отрывковъ изъ этого романа, въ переводахъ Пушкина, Лермонтова, Козлова, Батюшкова, Мея и Михайлова.

Томы IV и V. „Донъ-Жуанъ“ романъ въ стихахъ, въ переводѣ Д. Д. Минаева, съ присовокупленіемъ отрывковъ, въ переводахъ И. И. Козлова и Д. Е. Мина.

~~~~~

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,

изданныхъ подъ редакціею Ник. Вас. ГЕРБЕЛЯ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ШИЛЛЕРА, ГРАВИРОВАННЫМЪ ВЪ ШТУТГАРТѢ.

Семь томовъ. 1863—1866. Спб. и Лейпцигъ.

Цѣна — 8 руб. 75 коп., съ пересылкою — 9 руб. 50 коп.

Томъ I. *Изданіе четвертое.* 257 стихотвореній, въ переводахъ: К. С. Аксакова, Б. Н. Алмазова, К. Н. Батюшкова, В. Г. Бенедиктова, В. П. Гаевского, Н. В. Гербеля, А. П. Глинки, А. А. Григорьева, Э. И. Губера, Г. П. Данилевскаго, Г. Р. Державина, М. А. Дмитриева, М. М. Достоевскаго, В. А. Жуковскаго, И. И. Козлова, И. П. Крешева, В. С. Курочкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Лялина, А. Н. Майкова, А. И. Мерзлякова, Л. А. Мея, А. Я. Мейснера, О. Б. Мил-

лера, Д. Е. Мина, М. Л. Михайлова, К. П. Павловой, А. И. Писарева, Я. П. Полонскаго, А. С. Пушкина, А. Н. Струговщикова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, С. П. Шевырева и А. Н. Яхонтова. Библиографическая статья: „О русских переводах из Шиллера“ и „Списокъ русских переводовъ лирическихъ стихотвореній Шиллера“, составленныя издателемъ.

Томъ II. Изданіе третье. „Разбойники“, драма, въ пер. М. М. Достоевскаго, „Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“, республиканская трагедія, въ пер. Н. В. Гербеля, „Коварство и любовь“, мѣщанская трагедія, въ пер. М. Л. Михайлова и „Мизантропъ“, драматическій отрывокъ, въ пер. Н. В. Гербеля.

Томъ III. Изданіе третье. „Донъ-Карлосъ“, драматическое стихотвореніе, въ пер. М. М. Достоевскаго и „Марія Стюартъ“, трагедія, въ пер. А. А. Шишкова.

Томъ IV. Изданіе второе. „Валленштейнъ“, драматическая поэма въ двухъ частяхъ. Часть I. „Лагерь Валленштейна“, драматическое стихотвореніе, въ пер. Л. А. Мея и „Пикколомини“, драматическая поэма, въ пер. В. А. Лялина. Часть II. „Смерть Валленштейна“, трагедія, въ пер. А. А. Шишкова.

Томъ V. Изданіе третье. „Мессинская невѣста“, трагедія съ хорами, въ пер. Ф. Б. Миллера, „Вильгельмъ Тель“, драматическое представленіе, въ пер. Ф. Б. Миллера и „Орлеанская дѣва“, драматическая поэма, въ пер. В. А. Жуковскаго.

Томъ VI. Изданіе второе. „Димитрій Самозванецъ“, неоконченная трагедія, въ пер. Л. А. Мея; планы трагедій: „Варбекъ“, „Мальтійскіе рыцари“ и „Потерянные дѣти“; „Духовидецъ“, романъ, въ пер. М. Л. Михайлова; рассказы: „Ожесточенный“ и „Игра судьбы“; „Жизнь Шиллера“, біографическій очеркъ Н. В. Гербеля и „Юбилей Шиллера“, статья издателя.

Томъ VII. Изданіе второе. „Исторія тридцатилѣтней войны“, въ пер. Н. В. Гербеля.

